№1 2009 г.

МАКСИМАЛИСТ

Издание Союза Революционных Социалистов (СРС)

ТЕМА НОМЕРА:

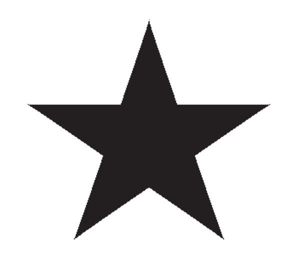
Что **делать** в эпоху ***кризиса*** капитализма?



For a worthwhile education learn the 3 R's:

Resist, Rebel, Revolt!

REVOLT.ANHO.ORG



В НОМЕРЕ:

Журнал «МАКСИМАЛИСТ»
издание
Союза Революционных
Социалистов

REVOLT.ANHO.ORG
пишите нам по всем
вопросам и предлжениям
revolt2017@gmail.com

Данный журнал делается нами в свободное от работы и учёбы время. Просим снисходительно относится к возможным опечаткам и неточностям.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Призрак бродит по планете – призрак катастрофы, и изгнать этот призрак неспособны никакие заклинания буржуазных политиков и попов.

В начале 1990-х годов мировая буржуазия, приняв крах государственно-капиталистических режимов Восточного блока за «крах коммунизма», заявила о «конце истории» и провозгласила капитализм – «рыночную экономику» – вечным общественным строем, который якобы способен решить все общественные противоречия и обеспечить благосостояние, демократию и мир во всем мире. Эти обещания оказались ложью.

Благосостояние? – Но класс пролетариев, лишенных власти и собственности работников физического и умственного труда, класс, чьим трудом создаются все богатства общества, при капитализме в лучшем случае может перебиваться со дня на день, выбиваясь из сил в изнурительной борьбе за существование, в худшем – бросается своим хозяином – капиталом на дно нищеты, обездоленности, отверженности и вырождения.

Демократия, власть народа? Но о какой власти народа может идти речь в обществе, подавляющее большинство которого – класс пролетариев – лишено власти над своим трудом и над своей жизнью и является безвластным и бессильным перед лицом капитала и государства – этих иерархий насилия – от мастера до миллиардера и от мента до президента, в обществе, не стыдясь признающемся в использовании «политических технологий» и «административного ресурса»?!

Мир во всем мире? Но буржуазный строй основан на всеохватывающей конкуренции – конкуренции не только внутри государств, но и между государствами. И мы видим, что сначала одну холодную войну сменило множество войн горячих, противостояние двух империалистических группировок сменилось ожесточенной борьбой всех буржуазных группировок друг против друга, и что затем из хаоса этой «войны всех против всех» стала все очевиднее вырастать тенденция к формированию новых империалистических блоков и к новой мировой войне, - войне, которая приведет либо к гибели человечества, либо к его откату на полторы тысячи лет назад.

Все обещания капитализма оказались ложью, все надежды на якобы совершившееся изменение его хищнической природы, на его гуманизацию, провалились. Он остался тем же, чем был всегда, - строем, враждебным человеческой свободе и человеческому счастью, строем, неспособным преодолеть создаваемые им непримиримые противоречия.

Никогда за всю историю человечества не были так велики открывающиеся перед ним возможности и так огромны угрожающие ему опасности. Созданные человечеством производительные силы позволяют теперь накормить всех голодных, одеть всех раздетых, заменить труд творчеством и открыть начало подлинно человеческой истории. Современные производительные силы все более становятся непосредственно общественными производительными силами, создаваемыми и приводимыми в движение не индивидуальным трудом того или иного лица, но коллективным знанием и коллективным трудом всего человечества. Но власть над этими коллективными производительными силами всего человечества удерживается паразитической группой капиталистов и чиновников – и за эту власть они будут цепляться зубами и когтями. В результате производительные силы превращаются в разрушительные силы, неподконтрольные создавшим их людям и обрекающие их на гибель.

Огромная доля общественного труда идет не на обеспечение и развитие всех членов общества, но на паразитическое потребление эксплуататорских классов и на производство оружия, предназначенного убивать пролетариев, ставших ненужными эксплуататорской системе. Безграничный рост производительных сил сталкивается с ограниченной нищетой пролетариев узостью потребительского рынка, что ведет к экономическим кризисам, швыряющим пролетариев на дно нищеты и деградации. Рост производительности труда, вместо того, чтобы вести к снижению продолжительности рабочего дня и увеличению свободного времени всех пролетариев, ведет к выталкиванию все большего их числа из общественного производства (а тем самым и потребления), к их маргинализации и отверженности. В результате острова паразитического процветания окружены океаном народной нищеты, обездоленности и отчаяния.

Капитализм отжил свое, вступил в эпоху упадка и разложения. Чтобы удержать свое господство, буржуазия использует все средства реакции и угнетения, казалось бы, навсегда оставленные в далеком прошлом рода людского. Экономические противоречия, становящееся все более невыносимым противоречие общественных производительных сил и капиталистического строя, превращающего их в разрушительные производительные силы, сопровождается политической реакцией, духовным маразмом, уничтожением всех естественных человеческих связей, нарастающим разрушением природы и человека.

В безвозвратное прошлое ушли времена, когда буржуазная демократия имела какое-то реальное значение. Сегодня она стала фиговым листком, прикрывающим тиранию государства и капитала. Парламентские выборы перестали быть борьбой за победу хотя бы разных стратегий в пределах капитализма. В лучшем случае, в странах богатого империалистического центра, по традиции называющих себя «демократиями» они стали увлекательным шоу по выбору одного из многих претендентов, каждый из которых отстаивает одну и ту же стратегию – побольше взять у бедных и побольше дать богатым. В худшем – в странах империалистической периферии и полупериферии – победитель на этих «выборах» известен заранее, а допущенная «оппозиция» этому победителю не вредна, потому что не вредит.

Чтобы увековечить свое господство, капитализм стремится сформировать всех людей подвластного ему общества по своему образу и подобию, превратить

их в бездушных и нерассуждающих роботов, производящих ему прибыль и не способных ни на что большее. Все естественные человеческие отношения сменяются голым эгоизмом и чистоганом. Дружба, любовь, страсть к познанию, энтузиазм к общему делу, - все это не приносит прибыли, поэтому сметается на обочину во имя великой цели – «делать деньги, чтобы с их помощью делать еще большие деньги». Разобщаемые и атомизируемые всеохватывающей конкуренцией пролетарии, приняв эти установки буржуазии, оказываются бессильными и покорными рабами капитала и государства.

Люди чувствуют себя в полной зависимости от непонятных им и неподконтрольных общественных сил, действующих с бессознательной свирепостью сил природных. Трудящееся человечество одержало великие победы над темными силами природы, но осталось подчинено темными силами общества. Полное бессилие по отношению к кажущемуся всемогущим эксплуататорскому общественному строю приводит к возрождению всей духовной мерзости древних времен, казавшейся навсегда похороненной в эпоху прогрессивного развития капитализма. Религия, мистика, дичайшие суеверия, людоедский национализм – ожившие мертвецы клацают зубами и похваляются, что они живее всех живых.

Одной из стран, где экономическая деградация, политическая реакция и духовный маразм, присущие всему современному капитализму, имеют тягчайшие формы, является Россия. Докатившийся и до нее мировой экономический кризис, сопровождаемый волной массовых увольнений, доказал, что пресловутая «путинская стабилизация» имела своей единственной основой спекулятивно-высокие цены на энергоносители, что она не разрешила никаких общественных проблем, что и при ней Россия осталась страной, где финансовый паразитизм накладывается на разрушенную промышленность и разоренное сельское хозяйство, страной, большие империалистические претензии которой не подкреплены реальной экономической силой, страной, в длительной перспективе нежизнеспособной в ее нынешнем состоянии.

Другого капитализма, чем тот, который сейчас есть в России, здесь нет и быть не может. Иллюзорными являются надежды на изменение ситуации в случае прихода к власти других буржуазных политиков. Русская буржуазия всегда была, есть и будет находиться в тесном симбиозе с русским паразитическим чиновничеством, образуя вместе с ним двуглавого урода, жиреющего за счета народного пота и народной крови; русский капитализм всегда был, есть и будет в зависимости от мирового рынка, являясь для него поставщиком сырья. Освобождение от господства мирового рынка невозможно в результате какой-то «национальной революции», его может достичь лишь всемирная революция пролетариата, уничтожающая мировой рынок и устанавливающая Мировую Коммуну.

Созданные в эпоху научно-технической революции новые производительные силы, компьютеризированное и автоматизированное производство предоставляют человечеству возможность преодолеть, наконец-то, первопричину деления общества на классы – разделение труда на управленческий и исполнительский; позволяют огромным массам людей координировать свои действия без начальников и господ, делая последних абсолютно вредной ненужностью; позволяют работникам переложить функции механического труда на машины и тем самым уничтожить труд, заменив его творчеством; короче говоря, позволяют уничтожить эксплуататорское классовое общество и заменить его бесклассовым, бестоварным и безгосударственным строем – коммунизмом. Реализуется ли эта возможность, или, наоборот, капитализм увлечет за собой в могилу и все человечество, - зависит от субъективной воли, действия и борьбы угнетенного класса – пролетариата.

Одним из наиболее чудовищных противоречий современности является противоречие между все растущей объективной возможностью коммунизма и слабостью социальных сил, борющихся за ее реализацию. Однако нет оснований считать эту слабость роковой неизбежностью, нет оснований отказываться от борьбы еще до борьбы.

Упадок и разложение капитализма повлекли за собой и упадок и разложение связавшего с ним свою судьбу официального рабочего движения. Старые социал-демократические и «коммунистические» партии и профсоюзы либо бесследно исчезли с лица земли, либо откровенно признали себя тем, кем были уже давно: поборниками и защитниками буржуазного порядка. Нет причин оплакивать их. Они всегда были последним спасением буржуазии, они всегда в решающие моменты классовых битв вставали на защиту буржуазного строя, предавая и продавая наивно веривших им пролетариев. С их смертью буржуазия лишилась незаменимых средств контроля над пролетариатом, и снова класс встает против класса.

Развитие капитализма, перешедшее в его развивающееся разложение, стремится разъединить и атомизировать пролетариев, превратить их в полностью подвластных капиталу роботов. Но люди – не роботы, и разложение капитализма, усиление эксплуатации и бесправия, все чаще толкает пролетариев на сопротивление и протест. Шатается старый мир, пьяный от крови и безумный от своего кажущегося всемогущества, шатается и трясется от первых толчков грядущего мирового землетрясения, мирового переворота, и лава освободительной пролетарской борьбы то тут, то там прорывается наружу. Албания, Аргентина, Алжир, Киргизия, Франция, Греция, - вот некоторые из этих предвестников будущей бури.

В этих пролетарских выступлениях борющиеся пролетарии в подавляющем большинстве своем очень хорошо чувствовали, против чего надо бороться, но не знали, за что нужно бороться. Помочь им обрести это знание – задача сознательных революционеров, в том числе и наша задача. Для осуществления этой задачи и предназначен данный журнал.

Мы – социалисты, и мы – революционеры. Мы – социалисты, потому что мы убеждены, что человеческое достоинство, человеческая свобода и счастье могут быть обеспечены только в бесклассовом, бестоварном и безгосударственном обществе, в обществе где война всех против всех сменится товарищеским сотрудничеством, в обществе, где освободившиеся от проклятий старого мира люди станут хозяевами собственной судьбы. Мы – революционеры, потому что

мы убеждены, что социализм может быть достигнут только действием и борьбой самого угнетенного класса, что его не создадут никакие спасители сверху – «ни бог, ни царь и ни герой», что он может быть достигнут лишь всеохватывающей освободительной социальной революцией самого угнетенного класса, революцией, в ходе которой угнетенные экспроприируют у угнетателей и поработителей власть и собственность и устанавливают свою власть – власть общих собраний трудящихся.

Борясь за всемирную социальную революцию, мы продолжаем дело всех героев и мучеников освободительной борьбы угнетенных классов прошлых времен – от повстанцев Спартака и Степана Разина до установивших на короткое время свою власть во время Великой Российской Революции 1917-1921 гг. рабочих Петрограда и крестьян Гуляй-Поля; продолжаем дело таких революционных организаций прошлого, как Международное товарищество рабочих (Первый Интернационал), Севернорусский и Южнорусский рабочие союзы, Индустриальные рабочие мира, Союз эсеров-максималистов, Партия левых эсеров, Коммунистическая рабочая партия Германии и Всеобщий рабочий союз Германии – Единство, Рабочая федерация аргентинского региона и т.д. и т.д.; продолжаем дело таких идейных традиций, как революционные течения марксизма, левое народничество и пролетарский анархизм.

Герои пролетарской борьбы прошлых эпох должны быть моральным примером, однако напрасно было бы требовать от них готовых ответов на сегодняшние вопросы, - вопросы, которых не существовало в их время. Ответы на эти вопросы должны искать и найти те, кто действует сегодня, искать и найти сами. Поэтому борцы за социальную революцию должны соединять непоколебимую верность делу освобождения угнетенных классов со смелой критической мыслью, не останавливающейся перед милыми сердцу предубеждениями и предрассудками. Смелая мысль не заменит смелое действие, но она подготовит его. Как писал один из наших учителей, Карл Маркс, «оружие критики не заменит критики оружием, но и теория становится материальной силой, когда она овладевает массами».

* * *

Материалы, публикуемые в первом номере нашего журнала, посвящены в первую очередь проблемам пролетарской борьбы и пролетарской организации в условиях современного капитализма.

В статье «Экономический кризис как момент истины» говорится о современном экономическом кризисе - который многое множество буржуазных комментаторов уже сравнивало с Великой депрессией 1929г. – и о том, что единственным возможным путем выхода из этого кризиса при сохранении капитализма является новая мировая война.

В статье «Украина: незавершенная революция» содержится анализ ситуации на Украине, где экономический кризис принял весьма острые формы.

О путях борьбы пролетарского класса, о ложности профсоюзнических и парламентских иллюзий говорится в статьях «Каким быть рабочему движению?» и «К вопросу о профсоюзах».

Опыт и позиции германо-голландского левого коммунизма – революционного течения в немецком пролетариате, возникшего на пике революционной волны 1917-1923 гг., изложены в печатаемых нами статьях активистов этого течения: «Коммунизм рабочих Советов в Германии», «Основные вопросы организации» и «Партия и класс».

Наконец, в статье нашего товарища из ИСПРК Андрея Здорова «Ответ г-ну Шапинову» содержится критика рафинированной версии современного сталинизма с изложением в качестве противовеса позитивной программы.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК МОМЕНТ ИСТИНЫ



Истинный характер буржуазного строя становится понятным не тогда, когда он, как сыр в масле, купается в паразитическом процветании, и с вальяжной улыбкой уверяет своих наемных рабов, что все к лучшему в этом лучшем из миров, но когда подспудно разъедающая его смертельная болезнь проявляется в форме резкого кризиса. Именно тогда наступает момент истины: слетают все маски, рушатся все мифы, и обездоленные рабы капитала получают возможность трезвыми глазами взглянуть в ненавистное обличье своего поработителя.

Развивающийся все шире, несмотря на разнообразные потуги буржуазных политиков приостановить его, экономический кризис разрушил не только многое множество спекулятивных капиталов. Он успел уже низвергнуть порядочное число не менее спекулятивных и оторванных от реальности капиталистических мифов, и мы можем быть уверены, что это только начало, как только начальную стадию проходит сейчас великий экономический кризис, гремящий по преимуществу - пока еще! - в сфере высоких финансов и мало еще коснувшийся жизни большинства трудящихся людей.

То, что утверждали 10-15 лет назад крайне левые и никому не заметные группы (см., например, нашу статью 1995г. «Социализм или варварство» и другую нашу статью 2002г. «Новый век и старый империализм»), сейчас стало почти общим местом в панических рассуждениях буржуазных политиков и идеологов. Рухнул миф, что капитализм на веки вечные избавился от экономических кризисов и катастроф, и будет впредь плавно расти от процветания к еще большему процветанию. Рухнул миф о свободном предпринимательстве, которое создаст рыночный рай на земле, не пользуясь при этом ни малейшей поддержкой государства. Рухнул миф о наступившей на веки вечные мировой гегемонии США, миф, который в 90-е годы либералы излагали с упоением, а русские национал-патриоты - со скрежетом зубовным. О том, что начинающийся кризис может превзойти Великую Депрессию 1930-х годов, о том, что эра гегемонии США и спекулятивного капитала закончилась навсегда, о том, наконец, что мир никогда не будет снова таким, каким был до кризиса 2008г., говорят теперь в один голос самые солидные буржуазные аналитики и самые властные буржуазные политики...Сколько еще мифов будет уничтожено гуляющим над миром бешенством ветров, и когда пролетарии, швыряемые бурями капитализма из нищеты в еще большую нищету, достигнут такой великой трезвости и такой великой страсти, что покончат с капиталистическим монстром - покажет будущее...

Пока что предстоит прояснить настоящее.

Всевозможные представители мелкобуржуазной и среднебуржуазной оппозиции господству крупного капитала, образовывавшие недавно гремевшее, а ныне утихнувшее «альтерглобалистское» движение, будут приписывать данный кризис засилью спекулятивного финансового капитала, оторвавшегося от реальной производственной почвы и перешедшего все допустимые рамки в своем оргиастическом загуле. При поверхностной правильности такого описания оно не дает никакого объяснения. В самом деле, отчего это капитал, вместо правильного и планомерного выжимания прибавочной стоимости из своих наемных рабов, ударился вдруг с 1970-1980-х годов в финансовый загул? Просто ли попутал его бес наживы или для такого выбора были вполне реальные причины? Ответа на этот вопрос предстоит искать у Карла Маркса.

Основным противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. В отличие от производства средневекового ремесленника или крестьянина, современное производство во все большей степени является продуктом коллективного труда и коллективного разума всего человечества (какой такой великан может в одиночку создать современный завод или операционную систему?). Но распоряжается этим объективно уже обобществленным производством отнюдь не бесклассовое человечество, распоряжаются им - в своих корыстных целях - узкие группки капиталистов и чиновников. В результате их контроля над производственным процессом человечества то, что могло быть великим благом, превращается в огромное зло, прогресс науки ведет к деградации человека, а производительные силы превращаются в разрушительные силы.

Прибавочная стоимость создается только живым трудом, только трудом эксплуатируемого работника. Однако конкурируя друг с другом, стремясь удешевить производство, чтобы отбить у конкурентов рынки, капиталисты вынуждены вводить все более сложные и дорогостоящие машины, машины, которые способно приводить в действие все меньшее число работников. В результате этого в конечном продукте доля прошлого, мертвого, овеществленного в машинах и не способного

производить прибыли труда растет, а доля живого труда работников, производящего прибыль, падает. Это ведет к росту органического строения капитала и соответсвенно к такой чрезвычайно неприятной для капиталистов вещи, как **падение нормы прибыли**. В результате падения нормы прибыли капиталисты при затрате одинакового капитала получают все меньшую прибыль. Капиталисты волей экономической ситуации сами загоняют себя в ловушку: стремясь получить как можно больше прибыли в настоящем, они делают все более затруднительным получение соответствующей затраченному капиталу прибыли в будущем. Это падение нормы прибыли и является тем мотором, который не позволяет капитализму стоять на месте и постоянно гонит его вперед - к пропасти, где рано или поздно ему предстоит сломать шею.

Тенденция к падению нормы прибыли преобладала в капиталистическом мире в 1960-1970-х годах. С начала 1980-х годов она сменяется обратной тенденцией: прибыли резко пошли вверх. Как капиталисты смогли добиться этого чуда?

Если бы тенденция к падению нормы прибыли не сталкивалась с противодействием противоположных ей тенденций, капитализм давным-давно умер бы своей смертью, на что, к сожалению, надеяться не приходится. У капиталистов есть несколько средств противодействовать этой тенденции: 1). Понизить зарплату своим рабочим; 2). Перенести производство в отсталые страны, где стоимость рабочей силы намного ниже; 3). Пустить не находящие применения с удовлетворяющим уровнем прибыли в производстве капиталы в финансовые спекуляции (последнее получает толчок еще от того обстоятельства, что огромные накопленные капиталы не могут приносить прибыли в производстве из-за узости рынка - подробнее об этом мы поговорим ниже).

Рабочий класс Западной Европы и США потерпел поражение в своей борьбе - как революционной, так и реформистской - 1968-1980гг. После этого в начале 1980-х годов мировая буржуазия, столкнувшаяся с проблемой падения нормы прибыли, перешла в глобальное контрнаступление, пошла на слом системы социального компромисса. В результате в начале 2000-х годов средняя зарплата американских рабочих была на 10% ниже, чем в начале 1970-х годов, а у низкооплачиваемых групп американских рабочих реальная зарплата за эти 30 лет упала на еще больше - на 20%.

Что касается выгодности переноса производства в отсталые страны, то достаточно сказать, что средняя зарплата американского рабочего составляет 15,5 долларов в час, тогда как китайского рабочего - 57 центов в час. Американская буржуазия быстро учла эту простую арифметику, и занялась переносом своего производства в Китай, что привело к индустриализации Китая и к деиндустриализации США.

Кроме тенденции нормы прибыли к падению, есть еще одно противоречие капитализма, в котором он обречен крутиться как белка в колесе, и разрешать которое он способен лишь на время и самым варварским образом (каким именно - мы скажем в самом конце статьи). Это противоречие состоит в потенциально безграничной способности производительных сил к росту (на самом деле, она все же не безгранична, а ограничена размерами природных ресурсов, но во всех бывших до сих пор кризисах капитализма этот фактор пока еще не сказывался, поэтому его можно оставить здесь в стороне) при ограниченных размерах платежеспособного рынка. Созданные коллективной работой человеческих рук и человеческого мозга производительные силы способны накормить всех голодных и дать кров всем бездомным, но при капитализме голодные и бездомные не считаются людьми, не имеют права голоса на рынке, если у них нет денег. А откуда у них взяться деньгам, если все большее число людей выбрасывается из производственного процесса (ведь прогресс техники ведет к замещению человеческого труда машинами, и ставшие ненужными работники пополняют число безработных), а у тех, кто пока еще продолжает вкалывать на капиталиста, этот последний, стремясь увеличить свою прибыль, все больше урезает зарплату. Капитализм снова попадает в порочный круг: есть огромные капиталы, но вкладывать их в производство невыгодно, потому что произведенное не будет куплено из-за ограниченности рынка. Причем чем больше капиталист урезает зарплату своим работникам, тем уже становится внутренний рынок, и единственный путь, по которому остается идти владельцу огромных капиталов - так это пускаться в финансовые спекуляции.

Одержав победу в 30-летней войне 1914-1945гг. за гегемонию в капиталистическом мире, США стали политическим, промышленным и финансовым гегемоном мирового капитализма, сменив в этой роли Великобританию. Постоянной политикой США было удержание доллара в качестве ведущей мировой валюты. Капиталы всего мира текли в США в надежде на быструю и высокую прибыль от финансовых махинаций (исключением не был и пресловутый российский Стабфонд, который завзятые антиамериканисты из Кремля предпочитали держать в банках ненавистных им США - патриотизм патриотизмом, а деньги - деньгами). Перенакопление капиталов в США привело к резкому падению процентной ставки. Деньги стали давать взаймы чуть ли не даром. Американская беднота, теряющая работу в результате дезиндустриализации, резонно решила, что «с паршивой овцы - хоть шерсти клок», и стала брать ипотечные кредиты на приобретение жилья. Проблема заключается в том, что мыльный пузырь финансовых спекуляций и взаимопереплетенных кредитов может существовать лишь до тех пор, пока у кредиторов есть надежда, что с кредитами все будет обстоят благополучно веки вечные, стоит зашататься этой надежде, и вступает в силу эффект падающего домино. Кризис ипотечного рынка в США и дал толчок обрушению мирового финансового домино, запустил мировой экономический кризис. Дешевых ипотечных кредитов набрали около 4,5 млн американских бедняков, как они будут реагировать на выселение

из домов - пока еще неизвестно, могут быть всякие интересные варианты (на руках у 250 млн жителей США находится 192млн единиц огнестрельного оружия), но пока что 200 тысяч выселенных бедняков в городе Сан-Франциско уже превратили местный парк в огромный палаточный городок...

Бросается в глаза сходство современного финансового краха с Великой Депрессией 1929г. И там, и там краху предшествовала ничем не омраченная вера господ буржуа, их политиков и идеологов в чудодейственные способности свободного от всякого государственного вмешательства рынка, и там, и там истерическая пьяная спекуляция увенчалась горько-трезвым похмельем. Идеологом этого буржуазного похмелья оказался после 1929г. крупный буржуазный экономист, Дж. М. Кейнс, подчеркнувший, что капитализм без поддержки государства - все равно, что инвалид без костылей. Классовая память избирательна и невековечна, буржуа, помнившие 1929г., давным-давно лежат в могиле, а за период свободно-рыночного разгула 1980-2000-х годов Кейнс был настолько забыт, что его в срочном темпе пришлось вспоминать лишь после того, как гром грянул. Помогут ли госрегулировщические меры, к которым в срочном темпе переходят все буржуазные государства, справиться с экономическим кризисом, или для этого потребуются более сильнодействующие средства, вопрос пока неясный...

Современный буржуазный экономист Леонид Вальцман в своей лекции о состоянии американской экономики в 2008г. говорит:

“...Интересно, кстати, посмотреть, что происходит в этом смысле сейчас. Буквально сегодня я видел отчет очень крупного оператора на ипотечном рынке, полугосударственной компании Freddie Mac, который сообщил, что в последние три недели очень резко поднимается процентная ставка по закладным. Как же так? Федеральный резерв так драматически ее понизил именно для того, чтобы облегчить перефинансирование недвижимости, а эта ставка делает ровно наоборот. Вот пример, как здесь происходит расхождение между политикой Федерального резерва и того, что происходит на рынке. Причина проста - слишком много денег” (www.polit.ru)

То, о чем пишет Вальцман, означает, что американское правительство потеряло финансовые средства контроля над финансовым кризисом, который будет плыть таким образом без руля и без ветрил, и что предпринимаемые правительством меры могут привести к далеко не бесконфликтным результатам (так, очевидно, что вброс в американскую экономику 700 млрд дол. ради спасения прогорающих банков приведет к скачку инфляции, которая резко понизит уровень жизни американских пролетариев. Тот же Вальцман предсказывает, что конечным результатом кризиса будет сближение реальной зарплаты американских и китайских рабочих - разумеется, не за счет поднятия зарплаты в Китае до американского уровня, а за счет падения ее в США до китайского).

Буржуазия сама сломала систему социального компромисса, сама вернулась к типу капитализма, преобладавшему в 19 веке. Поэтому нечего удивляться, что бушующий сейчас кризис носит черты чего-то древнего и архаичного, чего-то не виданного на памяти ныне живущих, монстра, всплывшего то ли из 1929г., то ли из 1847г. Буржуазным экономистам его не понять, чтобы взглянуть этому монстру в его леденящие очи, нужно быть Марксом, а пронзить этому монстру алчное брюхо может лишь революционный пролетариат...

Но до этого пока еще далеко, пока еще на политической арене действует только буржуазия и ее политики, отчаянно пытающиеся преодолеть экономический кризис своими буржуазными методами. И этими буржуазными методами оказались многосотмиллиардные кредиты банкам (как в США, так и в России!) и провозглашенная в США и Англии частичная национализация банковского дела!

Уж сколько раз за последние 25 лет господа буржуа твердили миру, что они принципиально против государственного вмешательства в экономику и что государственная помощь только плодит паразитов, и вдруг выясняется, что когда дело идет о спасении прибылей, вся буржуазная принципиальность летит насмарку, что социальными паразитами, не могущими прожить без государственной помощи, являются не обтрепанные бомжи и не нищие старушки, а холеные и вальяжные брокеры, банкиры и бизнесмены, что российское государство, позволявшее голодным старикам и старухам прозябать и умирать в нищете, храня пресловутый Стабфонд ради каких-то известных лишь ему целей, ясно, грубо и зримо показало всему миру эти цели: спасти от заслуженного ими банкротства брокеров, банкиров и бизнесменов. Тем забавнее выглядит притворяющийся наивным господин Зюганов, попросивший Путина уделить толику из Стабфонда на «социальные программы» и получивший ответ, что нельзя давать невыполнимых обещаний и надо жить по средствам. Свои обещания своему классу - классу буржуазии - Путин честно выполняет, и живет этот класс действительно по своим средствам, учитывая тот факт, что средствами класса буржуазии являются не только средства, принадлежащие отдельным частным буржуа и корпорациям, но и средства, принадлежащие их вождю, защитнику и страховому фонду - буржуазному государству.

Что касается частичной национализации банковского дела в США и Англии, то она еще раз разоблачает ту любимую буржуазными псевдолевыми ложь, будто национализация сама по себе имеет что-либо общее с социализмом. Для капитализма характерна **приватизация прибылей и социализация убытков**. Проще говоря, в прибыльных отраслях частная буржуазия сама занимается выжиманием прибавочной стоимости из наемных работников, отрасли же убыточные, но необходимые для функционирования капиталистического общества в целом, берет на своем попечение буржуазное государство, покрывая убытки за счет налогов, собираемых в основном с пролетариев.

В общем, пролетарий своим трудом платит и за прибыли буржуазии, и за ее убытки, а буржуа и чиновник не остаются в накладе и даже имеют наглость поучать пролетария о пользе трудолюбия и бережливости...Так что пролетариям волей-неволей нужно вспомнить слова из «Интернационала» (даем прозаический перевод поэтического украинского перевода): «Пусты слова о праве бедных - государство заботится не о нас» и руководствоваться по отношению к государству самым правильным принципом: не верь, не бойся, не проси.

Все последствия давно копившегося и наконец ударившего экономического кризиса, новой Великой Депрессии еще не известны. Каков будет масштаб краха реальной экономики, когда финансовое цунами докатится и до нее (в Москве уже поговаривают о замораживании буржестроек, а русские капиталисты обещают, что хотя и не пойдут на сокращение рабочих мест (тут мы имеем основания им не верить), зато пойдут на сокращения зарплаты (а вот тут поверить можно запросто)). Что будет с ориентированной на экспорт в США промышленностью Китая, после того, как американский потребительский рынок сожмется в результате кризиса как шагреневая кожа (собственный внутренний рынок в Китае крайне узок из-за нищеты китайского пролетариата, китайская промышленность ориентирована на внешний рынок, и после обрушения такового от «китайского экономического чуда» останутся одни воспоминания). Что будет, наконец, с мировой экономикой и мировой политикой в целом?

Уже цитировавшийся Л.Вальцман сказал:

«Одна вещь, которая, как мне кажется, лежит впереди, еще один аспект происходящего кризиса - это то, что мы подходим к определенному этапу, когда будет происходить рекомпозиция мировой валютной системы. Уже достаточно много признаков того, что доллар достиг и уже прошел пик в качестве основной валюты мировой торговли, основной резервной позиции на балансах центральных банков. США прекрасно воспользовались положением эмитента доллара, и это дало Америке очень много преимуществ, которые сейчас, наверно, уже исчерпываются. И очень хорошо видно, что даже самые лояльные для Америки силы, как, скажем, арабские нефтяные страны, все больше нервничают по поводу того, что происходит с долларом, и что им делать с продажей нефти. И они запускают новый проект, валютный, уже достаточно скоро. В 2010 г. должен появиться арабский динар как общая валюта для Саудовской Аравии, Бахрейна, Омана, ОАЭ, Кувейта, может быть, кого-то я забыл.

Мне будет очень интересно смотреть на то, как будет развиваться этот проект. Потому что здесь есть один очень важный вопрос, на который надо получить ответ. У меня всегда существовало подозрение, что недостаточно объявить свою валюту конкурентоспособной, конвертируемой и такой же, как доллар. Для того, чтобы встать вровень с долларом или с евро, нужно, чтобы та страна или группа стран, которые эмитируют эту валюту, располагали финансовой инфраструктурой, которая позволяла бы с этой валютой много чего делать. На мой взгляд, главное преимущество Запада в том и состоит, что он имеет очень богатую финансовую инфраструктуру, глубоко эшелонированную, конкурентную, глубоко специализированную, диверсифицированную и т.д. И вот такой инфраструктуры нет ни у Китая, ни у России пока. Отчасти она есть у арабов, что-то они делали, но мне кажется, что то, что есть еще совершенно недостаточно. Может быть, я преувеличиваю значение этой финансовой инфраструктуры, я про себя допускаю, что, может быть, я здесь слишком многого прошу, может быть, на самом деле, валюта будет работать и с меньшим уровнем требований. Если это так, то следом за арабским динаром с коротким промежутком времени появится какая-то валюта Юго-Восточной Азии, которую несколько раз пробовали запустить Япония, Филиппины и страны Юго-Восточной Азии, и никак не могли договориться. Арабский динар подтолкнет. Может быть, появится валюта в Латинской Америке, и начнет складываться совершенно другой мультивалютный, межвалютный, супервалютный мир, не знаю, как описать, но совсем другая композиция мировой валютной системы. Мы про нее плохо понимаем. Но у меня ощущение, что мы к ней подходим".

Все это в совокупности означает конец пресловутой глобализации и возврат к протекционизму, подобному тому, который восторжествовал после Великой Депрессии 1929г. и привел ко Второй Империалистической войне.

Теоретики мир-системного анализа, оригинальной историко-материалистической школы исследования капитализма, пришли к выводу о том, что, вопреки примитивной прогрессистской схеме о неуклонном развитии мировой экономики от локальной замкнутости ко все большей глобализации, развитие капиталистической экономики совершается циклами, когда волны глобализации сменяются волнами протекционизма и экономического национализма. Именно так волна глобализации 1850-1914гг. сменилась волной протекционизма 1914-1945гг., вслед за чем с нарастающим ускорением последовала новая волна глобализации, которая сейчас, похоже, подходит к своему концу.

Смена циклов глобализации и протекционизма увязана с борьбой за гегемонию в капиталистическом мире, борьбой, высшей формой которой является империалистическая война. Наметившееся в конце 19 века ослабление мировой гегемонии Англии привело к 30-летней войне 1914-1945гг. за мировую гегемонию, победителем в которой оказались США, сперва разгромившие руками Германии и Японии старые европейские колониальные державы, а затем разгромившие руками Советского Союза своего самого опасного конкурента - Германию. После этого наступил двуполярный мир, ведущей силой в котором были Соединенные Штаты - как благодаря своему неоспоримому экономическому превосходству, так и благодаря искусной тактике - удерживать Западную Европу на короткой поводке при помощи страха,

внушаемого ей СССР. Конец Восточного блока, крах СССР стал началом конца мировой гегемонии США. Западная Европа перестала нуждаться в заокеанском защитнике и смогла начать собственную игру, хотя, из-за долгого отвыкания от самостоятельной политики большого стиля, у нее сперва это и получалось коряво.

Крах объединявшей западный мир и толкавшей его под опеку США «советской угрозы» был не единственной причиной начала конца американской гегемонии. США были не первой страной-гегемоном буржуазного мира. До них эта роль принадлежала Голландии и Англии. Во всех этих трех случаях мировая гегемония была прочна и надежна до тех пор, пока страна-гегемон оставалась промышленной мастерской мира, страной с самой развитой промышленностью. Но подобная ситуация не могла продолжаться вечно. Рост стоимости рабочей силы, обусловленный ростом ее квалификации, тенденция нормы прибыли к падению, устаревание некогда сверхсовременных предприятий (известно, что дешевле построить по последнему слову техники новое предприятие на чистом месте, чем перестраивать уже существующее), все это создавало конкурентные преимущества более отсталым буржуазным странам, а вчерашние гегемоны из флагманов мировой промышленности превращались в центры мировых финансов, что предвещало близящийся конец их гегемонии.

Американский правящий класс после 1989г. увидел надвигающуюся угрозу. Но изобретенное им лекарство оказалось хуже самой болезни. Он попытался взять под свой контроль все, лишив своих потенциальных конкурентов любых источников силы. Поскольку даже у американской буржуазии на пике ее влияния запас сил и средств был не бесконечен, попытавшись контролировать все, она умудрилась утратить контроль и над тем, над чем он был ей жизненно необходим. Увязнув на Ближнем Востоке, в Ираке и Афганистане, Соединенные Штаты потеряли контроль над политическими процессами в находящейся у них под боком Латинской Америке. Они перенапряглись, и теперь им предстоит болезненный для них процесс приведения их грандиозных претензий в соответствие с их поскромневшими возможностями.

Пол Кеннеди, очень умный американский исследователь, буржуа, сознательно пользующийся методом экономического материализма для анализа «взлетов и падений великих держав», в своей вышедшей в 1988г. книге, где он предсказал скорый закат американской гегемонии, дал следующую замечательную по лаконизму формулировку о соотношении экономической и военной силы:

«Относительная сила ведущих наций в мировых делах никогда не остается постоянной, прежде всего из-за неодинаковых темпов роста в различных обществах и технологических и организационных прорывов, которые дают большие преимущества одним обществам по сравнению с другими...Как только их производительная способность усиливается, для этих стран обыкновенно становится более легким поддерживать бремя оплаты широкомасштабных вооружений в мирное время и поддерживать и снабжать армию и флот во время войны. Это звучит грубо меркантилистически, но **богатство обыкновенно необходимо, чтобы поддерживать военную мощь, а военная мощь обыкновенно необходима, чтобы приобретать и защищать богатство.** Если, однако, слишком большая доля государственных ресурсов отвращается от создания богатства и вместо этого направляется на военные цели, это скорее всего в длительной перспективе приведет к ослаблению национальной мощи. Точно так же, если государство перепрыгивает за пределы своих возможностей - скажем, завоеванием дополнительных территорий или ведением дорогостоящих войн, - оно рискует, что потенциальные прибыли от внешней экспансии могут быть перевешены большими расходами на нее - дилемма, становящаяся острой, если соответствующая нация вступает в период относительного экономического упадка» (Paul Kennedy. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. 1988, pp. XV-XVI).

Теперь, 20 лет спустя, о закате американской гегемонии говорят не только движимые бескорыстным поиском истины буржуазные идеологи, но и движимые вполне корыстными интересами своих национальных буржуазий буржуазные политики - Саркози и Путин. Причем не только говорят, но и действуют. Русский империализм, потерявший львиную часть подконтрольных ему территорий в 1989-1991гг., мог перейти к политике империалистического реванша лишь в благоприятной для этого международной ситуации, и августовская война показала, что он правильно использовал благоприятную для него ситуацию резкого ослабления США, увязнувших в иракской войне и лихорадимых экономическим кризисом. Соединенные Штаты сдали Саакашвили, показав тем самым проамерикански настроенным политикам, что защиты от США не будет, и с волей США считаться не обязательно. Теперь для экспансии русского империализма на очереди, скорее всего, Украина.

Мировая гегемония США закончилась - это еще один очень важный результат кризиса. 20 век, век мировой гегемонии США, начавшийся в 1914г., закончился не в 1991г., а в 2008г. Наступил многополярный мир, мир конкурирующих империалистических хищников, в котором каждый воюет сам за себя. Вот что написал о таком многополярном мире один из талантливейших российских исследователей мировой политики Олег Арин:

«...Как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного или близкого к мощи и потенциалу страны-гегемона, оно требует для себя нового статуса, означающего на деле очередной передел мира. При этом сам закон [закон силы] разворачивается в определенном замкнутом цикле изменения международных отношений, состоящих из трех взаимопереходящих фаз: многополярность, биполярность и единоличная гегемония... **среди них**

наименее устойчивой, а значит, а значит, и самой опасной, является многополярная система, а самой устойчивой - биполярная система» (Олег Арин. Россия на обочине мира. М., 1999, сс. 81-82).

И действительно. Ведь субъектами «многополярного мира» выступают не некие миролюбивые народы, озабоченные миром, дружбой и мирным сосуществованием, но банды империалистических хищников, занятых тем, чтобы урвать для себя побольше, абсолютно не считаясь с потом и кровью ни своих, ни чужих народов.

Пока что мы не можем предсказать с полной точностью расклад сил в грядущих империалистических войнах за передел мира. Сумеет ли Западная Европа преодолеть политическую раздробленность и военную отсталость, стать из союза государств единым империалистическим центром силы с единой волей? Какую долгосрочную стратегию выберет Россия? Сумеет ли она договориться о разделе сфер влияния с США (что было бы для русского империализма в долгосрочной перспективе лучшим вариантом) или бросит всю свою не до конца растранжиренную военную мощь на поддержку анти-американской коалиции? Как поведет себя Китай и не окажется ли он таким же определяющим исход войны в последнюю минуту фактором, каким в войнах 1914-1918гг и 1939-1945гг. оказались США? Что будут делать разнообразные империалистические государства средней руки в Азии, Латинской Америке и Африке? (у каждого из них - свои интересы). Наконец, не следует списывать со счетов и США, которые, волей-неволей отдав то, что не в силах удержать, с тем большей хваткой вцепятся в то, потеря чего для них смерти подобна...

Очевидно одно. Мир, в который человечество вступило в 2008г., будет жутким и кровавым миром, миром бесконечных страданий, горя и жертв, короче говоря, миром империалистических войн. Вся мировая буржуазия хочет, чтобы он остался таковым на веки веков, она может предложить человечеству единственный выбор: ужас без конца - или ужасный конец. Но от пролетариата зависит, станет ли новая эпоха войн, в которую вступило человечество, и новой эпохой пролетарских революций...

Кроме борьбы за гегемонию в буржуазном мире, есть еще одна чрезвычайно важная причина, которая толкает капитализм к новой серии чудовищных войн. Мы уже говорили об одном из важнейших противоречий капитализма, состоящем в несоответствии между потенциально бесконечными производительными силами и вызванной нищетой масс узостью потребительского рынка. Это противоречие было проанализировано в 1930-е годы группой итальянских левых коммунистов, объединявшихся в эмиграции вокруг журнала «Итог». Они доказали, что самым удобным для капитализма средством временного разрешения этого противоречия является война, и чем война будет разрушительней и ужасней, тем для капитализма лучше. В самом деле, война уничтожает огромную массу избыточных производительных сил и избыточной рабочей силы, а послевоенное восстановление из руин создает огромный рынок, обеспечивая условия для длительного экономического роста.

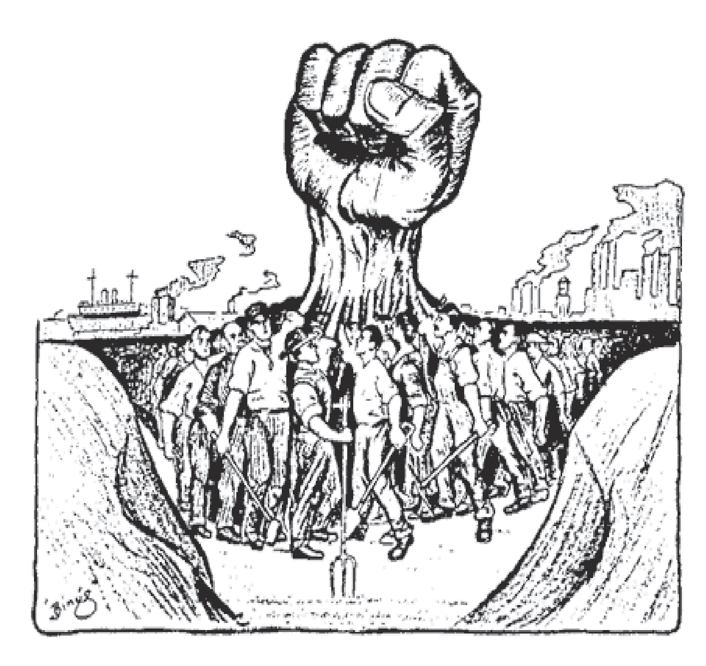
Мрачный анализ итальянских интернационалистов был полностью подтвержден Второй империалистической войной и ее последствиями. Именно Вторая мировая война покончила с затяжной экономической депрессией 1929-1940гг., а послевоенный экономический бум 1945-1973гг. прямом смысле слова рос из перегноя костей пролетариев, погибших на империалистических фронтах, из пепла пролетариев, сожженных в Освенциме, Дрездене и Хиросиме.

Но благоприятные для капитализма последствия даже такой грандиозной бойни были не вечны. С окончанием послевоенного восстановления капитализм в середине 1970-х годов вступил в затяжную стагнацию, все паллиативные средства выйти из нее, о которых мы писали выше (урезание зарплаты рабочих, перенос производства в отсталые страны с дешевой рабочей силой, уход в финансовые спекуляции) лишь продлили эту стагнацию на 30 лет, и увенчалось все новой Великой Депрессией, радикальный выход из которой может дать лишь новая мировая война. Разница сейчас лишь в том, что современная военная техника, современные разрушительные силы настолько превосходят свои аналоги 1939-1945гг., что не исключен вариант, когда наслаждаться плодами послевоенного бума будет некому.

Вот что готовит обездоленному классу капитализм. И если большинство пролетариев не интересуется пока что ни политикой, ни кризисом, ни войной, то недалек час, когда политика, кризис и война заинтересуются ими. Уроки Великой Депрессии 1929г и Империалистической Войны 1939-1945г. доказали иллюзорность той мысли, будто капитализм сменится социализмом сам собой, в результате смертельного экономического краха или в результате войны с ее «военным социализмом». Сами собой, стихийные экономические силы капитализма могут угробить капитализм лишь вместе со всем человечеством, победа социализма может быть лишь делом борьбы, воли, сознания и революционной организации пролетарского класса. Нагромождая катастрофу на катастрофе, идя от варварства к еще большему варварству, харкая ложью и чавкая человечиной, капитализм ставит пролетариат перед выбором: смириться с прозябанием в аду империалистического мира и со смертью в аду империалистических войн, или - восстать против этого чудовищного вампира, вбить в него осиновый кол, взять под свой коллективный контроль все достижения человеческого труда и человеческой науки, спасти жизни живых и нерожденных - а равным образом спасти смысл жизни мертвых, и начать подлинно человеческую часть человеческой истории...

Выбор за нами, товарищи пролетарии!

УКРАИНА: НЕЗАВЕРШЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ



4-я годовщина «оранжевой революции», совпавшая по времени с очередной дракой внутри победившей в ней буржуазной группировки, дает повод еще раз поразмышлять о судьбе этой странной революции, странность которой заключается в первую очередь в том, что она даже не пыталась выйти за пределы буржуазной революции - и это в эпоху упадка капитализма, когда буржуазная революция в принципе не может решить никаких общественных проблем...

Почти все буржуазные режимы современности утверждают, что являются демократическими режимами. То, что демократия при капитализме - есть не что иное, как политическая форма власти капитала, для социалистов-революционеров - факт очевидный. Однако нужно разобраться, чем отличается эта политическая форма власти капитала от других ее форм.

Отличия буржуазно-демократического строя от других форм господства буржуазии следует искать в двух плоскостях: в отношениях внутри самого класса буржуазии и в отношениях этого класса с эксплуатируемыми массами.

В отличие от откровенной диктатуры, буржуазная демократия означает политическую власть всей буржуазии, а не одной ее части и не защищающей экономические интересы буржуазии, подавляя и пресекая ее политические притязания, военной или чиновничьей клики. Устойчивый буржуазно-демократический режим способен проводить долгосрочную политику, синтезирующую интересы разных групп буржуазии, учитывающую эти интересы и в то же время объединяющую их в рассчитанную на годы вперед стратегию.

Однако наличие демократии внутри правящего класса - не единственный признак буржуазно-демократического строя, который существовал в развитых капиталистических странах в 1870-1970-е годы. Демократия, доступ к государственному управлению, свобода слова и организаций для «своих», для властных и богатых, существовали и в старых олигархических республиках и в олигархических конституционных монархиях. Что отличало их всех от буржуазной демократии 20 века - так это полное отстранение простонародья от политики, имущественный ценз для участия в выборах и вообще режим классовой сегрегации.

Буржуазные демократии 1870-1870-х годов, в отличие от Венецианской республики позднего средневековья или Английской монархии 18 века, были обществами классового компромисса. Из страха перед пролетарским бунтом, буржуазия пошла на политические и экономические уступки обездоленным массам, чем продлила свое господство не меньше чем на полтора столетия.

После того, как раннее революционное рабочее движение было сломлено беспощадным террором буржуазии, после того, как в рабочие массы было вбито понимание капитализма как роковой неизбежности, буржуазия пошла на введение всеобщего избирательного права, а чтобы поддерживать свою власть над пролетариатом, легализовала рабочие партии и профсоюзы. Эти последние организовывали пролетариат, но организовывали его типично буржуазным образом, множество одиночек и частных групп работников они делали классом, но классом, играющим по правилам, установленным его классовым врагом - буржуазией. Они организовывали давление рабочих на буржуазию, чтобы та пошла на реформы, и тем самым предотвратила революцию. Бурный экономический рост 1870-1913 и 1945-1975гг. позволял буржуазии идти на социальный компромисс, на экономические уступки пролетариям, позволял жертвовать частью, чтобы сохранить целое. В столетие классового компромисса пролетарии из изгоев, стоящих вне общества, из отверженных, которым было нечего терять, кроме своих цепей, которые считались ничем и именно поэтому стремились стать всем, превратились в часть политической системы капитализма. С их настроениями должен был считаться любой разумный буржуазный политик, а уступки им воспринимались любым разумным буржуа как неприятная неизбежность.

Все начало меняться в 1970-е годы, когда капитализм вступил в затяжную депрессию, из которой не может выбраться по сей день. Буржуазия сочла, что в обстановке уменьшающихся прибылей уступки рабочему классу обходятся слишком дорого, и что поэтому следует забрать их назад. Отучившиеся за долгие десятилетия классового мира от непримиримой борьбы и солидарности рабочие могли оказать оказавшемуся неожиданным для них наступлению буржуазии лишь спорадическое сопротивление, а их партийные и профсоюзные лидеры, за те же долгие десятилетия социального компромисса полностью

вросшие в правящий класс, советовали им во имя «национальной экономики» потуже затянуть пояса.

В результате за последние 30 лет в развитых капиталистических странах от классической буржуазной демократии 1870-1970-х годов сохранилась лишь пустая форма, содержание - классовый компромисс - ушло в небытие. Если 50 лет назад правые и левые буржуазные партии спорили о реальных вещах: какую политику лучше проводить в интересах сохранения капитализма, то теперь и правые, и «левые» партии буржуазии единодушны в том, что единственная возможная в нашем мире политика состоит в том, чтобы побольше взять с бедных и побольше дать богатым. Из политической корпорации буржуазного общества, организуемой и контролируемой «своими» партиями и профсоюзами, пролетариат снова превратился в класс отверженных бедняков, лишенных политического представительства и именно поэтому могущий опираться лишь на свою силу, в класс, стоящий вне буржуазной политической системы, в класс, который считается ничем и именно поэтому может стать чем-то, лишь став всем...

Этот длинный экскурс в историю буржуазной демократии понадобился нам для того, чтобы лучше понять особенности политической системы СНГовии вообще и Украины в особенности...

В эпоху перестройки и постперестройки для «советской» буржуазии, стремительно перестраивающейся в русскую, украинскую и т.д. буржуазии, демократические словесы стали обязательным лицемерием. Почти все возникшие на территории СССР государства (мы говорим осторожно «почти все», потому что плохо знаем идеологию ханств Средней Азии) претендовали на то, что являются демократиями. Однако в них не было тех социальных условий, которые делали бы возможной прочную и устойчивую буржуазно-демократическую форму правления, в результате она осталась здесь формой без содержания.

Рабочий класс СССР был атомизирован сперва сталинским террором, затем брежневским благополучием, превращен в совокупность одиночек и профессиональных групп, неспособных ни к революционной, ни к реформистской борьбе за общеклассовые интересы. Всеобщая деполитизация, охватившая народ после последовавших один за другим краха двух иллюзий: сперва в «коммунизме», затем в «демократии», имела своим следствием то, что множество партий, созданных в начале 1990-х годов, оказались однодневками и фикциями, мало чем отличающимися друг от друга и неспособными к борьбе за власть. В то же время находившаяся в состоянии реорганизации буржуазия не доросла еще до отстаивания общеклассовых интересов и ожесточенно (иногда - с оружием в руках, когда самым надежным средством решения бизнес-конфликта было нанять киллера) дралась за интересы индивидуальные и самое большее - клановые. В итоге всего этого получились выборы, победитель на которых известен заранее, и оппозиция, которая не вредна, потому что не вредит. Так обстоит дело в России, не говоря уже о среднеазиатских ханствах.

Такая тенденция существовала и на Украине при Кучме, во всяком случае, в последние годы его правления. «Оранжевая революция» сорвала эту тенденцию, пресекла шедшую полным ходом путинизацию Украины. Однако она не создала и не могла создать устойчивый и жизнеспособный в долговременной перспективе буржуазно-демократический режим на Украине, поэтому что будет дальше с Украиной - это еще большой вопрос...

Различия политического устройства современной России и современной Украины не в последнюю очередь объясняются их географией. Украина по своей территории- это крупная европейская страна, Россия - полуконтинент. Эта разница не могла не повлиять на ход и итог борьбы буржуазных кланов.

Чтобы при своих огромных размерах Россия не развалилась на множество частей, ее правящие классы испокон веков проводили политику жесткой и последовательной централизации. Все основные капиталы перемещаются через Москву и контролируются Москвой, где находятся и все центры принятия общеполитических решений. В то же время из-за огромности России московский центр может сквозь пальцы смотреть на художества каких-то региональных князьков Башкирии или Татарии, которые заведомо не могут угрожать ему по причине своей слабосильности сравнительно с ним.

К концу 1990-х годов как русская, так и украинская буржуазия, понеся многочисленные утраты в зоологической борьбе за существование с отстрелом конкурентов, вышла из этой стадии зоологической борьбы за выживание, и не дойдя еще до общеклассовых организации и сознания, добралась до клановой организации и кланового сознания. В России политический кризис, развернувшийся на закате ельцинской эпохи, завершился победой самого мощного клана - государственной буржуазии, чиновников и силовиков, клана, который весьма больно дал по рукам претендовавшим на власть в Москве конкурирующим группировкам и установил режим бонапартизма - режим, защищающий прибыли частной буржуазии от посягательств пролетариата и иностранных конкурентов, но в то же время отстраняющий эту частную буржуазию от политической власти. Если русская частная буржуазия не могла демократическим путем вырабатывать общеклассовую политическую стратегию, ей пришлось смириться с тем, что эту выгодную ей как классу в целом стратегию будут вырабатывать и проводить Гбшные бонапарты, и что в процессе проведения этой стратегии отдельным представителям частной буржуазии придется очень несладко. В то же время режим Гбшных бонапартов имел достаточно ума, чтобы принять безоговорочную капитуляцию от вчерашних фрондеров из «Отечества - Всей России», сохранив им должности и капиталы, при условии, что они признают сюзеренитет Кремля и не будут лезть в кремлевскую политику.

Степень реальной экономической и политической централизации Украины меньше, чем России. Киев, при всей его важности, все же не Москва. Захват Москвы башкирскими или чукотскими буржуазными группировками находится на уровне политической фантастики, а вот захват Киева донецкой группировкой в конце 2004г. выглядел настолько реальной угрозой, что против него объединилась вся остальная украинская буржуазия.

Режим Кучмы опирался на коалицию буржуазных кланов: днепропетровского (к коему принадлежал сам Кучма), донецкого и киевского. Экономический подъем начала 2000-х годов привел к резкому усилению донецкого клана и к оттеснению на задний план всех прочих. Это нашло выражение в выдвижении «донецкого» Януковича в преемники Кучмы.

«Донецких» сгубила жадность. Они не поняли, что если всерьез стремиться к взятию власти, нужно делиться. Клановая и личная жадность преобладала в них над общеклассовым интересом. Незадолго до первых выборов 2004г. по Киеву ходили основанные на множестве реальных фактов разговоры - один страшнее другого - о наезжавших донецких братках, которые клали глаз на все то, на что после победы собирались наложить лапу. Чувствовавшая себя обделенной западноукраинская буржуазия поняла, что пробил ее час, потому что киевская и днепропетровская группировки не будут всерьез бороться за то, чтобы посадить себе на шею «донецких», а значит, их благожелательный нейтралитет или даже активная помощь в борьбе с донецкой экспансией обеспечены. Так стала возможной «оранжевая революция».

Испокон веков эксплуататорские группировки используют в своих междоусобных войнах эксплуатируемые классы. Но только нынешнее вырожденное сознание упадочного капитализма может считать, что такое использование может быть эффективным при использовании примитивного подкупа. Чтобы обездоленные шли умирать на баррикады, или даже стоять долгими часами на лютом морозе, нужно вдохнуть в них веру в то, что они делают великое и святое дело, нужно раскрыть перед ними все преступления и пороки своих конкурентов (скромно умалчивая о своих собственных), нужно воззвать к их самым благородным чувствам, к их святой ненависти и к их страстному стремлению покончить со своим нищенским уделом. Все это оранжистская буржуазия и проделала - с некоторым даже блеском. Это, наверное, единственный плюс, который зачтется ей на суде истории - и на суде Ревтрибунала грядущей Коммуны.

Во время «оранжевой революции» трудящиеся массы боролись не за свое, но за чужое дело. Но двигал ими их собственный, вполне реальный протест против невыносимой жизни, против повседневного ада капиталистической эксплуатации. В ходе борьбы они получили бесценный опыт: как положительный, так и отрицательный. Положительный опыт состоял в том, что миллионные массы обездоленных людей могут властно вмешиваться в политику и срывать планы правителей. Отрицательный же опыт - еще более важный - состоит в том, что смена «плохих» правителей на правителей «хороших» означает для обездоленных масс лишь продолжение их невыносимых страданий, единственный способ прекратить которые - это взять власть в свои руки, установить власть общих собраний трудящихся, трудовую республику ...

После своей победы «оранжевая революция» застряла на полдороге. Она сорвала авторитаризацию буржуазного режима, но не создала не только трудовую республику - т.е. власть общих собраний трудящихся (о ней в то время думала разве полдюжина левых активистов), но и устойчивую и жизнеспособную буржуазно-демократическую республику. Устойчивость и жизнеспособность этой последней определяется не столько свободным проявлением плюрализма интересов буржуазных группировок, но способностью вырабатывать из этого плюрализма долгосрочную политику в интересах всего класса буржуазии, политику, которую способны воспринять все буржуазные группировки. Добавочной опорой буржуазной демократии является способность интегрировать рабочий класс, идя ему на социальные уступки. С этим последним обстоятельством дела для украинской буржуазии обстоят точно так же, как для русской - обстоят плохо. Промышленное оборудование изношено, мировой рынок переполнен и к тому же вползает в Великую Депрессию, поэтому прибыль украинская буржуазия может получать лишь за счет нещадной эксплуатации рабочего класса, и ни о какой готовности к социальным компромиссам и к введению социального государства с ее стороны нет и речи. Национализированный в первое премьерство Тимошенко «Миттал стил» был немедленно перепродан, куда пошли вырученные от этой перепродажи деньги, знают лишь те, кто их получал, а от социальной демагогии, присущей ей одно время, Тимошенко все больше переходит к демагогии национальной.

Не лучше обстоит дело и с консолидацией украинской буржуазии в класс, проникнутый сознанием общих интересов и ориентированный на долгую перспективу. Триумф «донецких» не состоялся, но класса украинской буржуазии как спаянного одной волей политического субъекта по прежнему нет, есть прежние кланы, подковерная борьба которых и составляет историю Украины 2005-2008гг. Уже назначение президентом Ющенко в 2005г. премьером его прежнего заклятого врага, Януковича, стало страшным ударом для наивных рядовых оранжистов, верящих в борьбу светоча демократии Ющенко с чудищем Бандюковичем.

Это было не последнее разочарование. Жизнь трудящихся украинцев, от самых обездоленных бедняков, до мелких торговцев, студентов и начальничков самого низшего ранга, всех тех, кто в составе плебейской коалиции мерз на Майдане, не испытала заметных изменений в лучшую сторону, изменений, которые обещала «оранжевая революция». Маятник покачался, но все вернулось на круги своя. Прибавки к зарплатам съедает инфляция, условия

содержания в тюрьмах чуть-чуть улучшились, но политические заключенные, попавшие в них за борьбу против кучмовского режима, на свободу не вышли. Сразу после победы Ющенко во многих городах Украины возникли низовые социальные движения, выступавшие за продолжение революции, за смещение оставшейся с кучмовских времен администрации и за установление контроля над жизнью города со стороны «громады». С разочарованием в итогах «оранжевой революции» и со спадом общественной активности такие движения в большинстве случаев развалились или были перекуплены определенными местными буржуазными группировками, которые стали использовать их против своих конкурентов. Кучмовские чиновники отчасти остались, но даже в случае отстранения их сменившие их новые чиновники оказались ничуть не лучше.

Опыт, разумеется, не прошел даром, прошедшая через незавершенную революцию Украина - более живая страна, чем замороженная Россия. Подспудное политическое размышление продолжается в массах тех, кто мерз на Майдане, и если у одних оно приводит к полному разочарованию в политике, то есть наверняка и те, кто рано или поздно дойдет до вывода «Пусть они все - начальники и капиталисты - проваливают!» и захочет довести до конца недоделанное на Майдане, не повторяя прежних ошибок и не веря никаким буржуазным группировкам, которые между тем в обстановке буржуазной демократии делают свое хорошее дело - своей беспринципной конкурентной борьбой дискредитируют себя в глазах трудового народа.

Лучшее изложение отличия буржуазного авторитаризма от буржуазной демократии было дано одним из персонажей детективного романа Александры Марининой: «Есть города, где правит одна мафия, и есть города, где мафий несколько. В городах с несколькими мафиями жить легче». Россия сейчас дает пример первой ситуации, Украина - второй, и жить в ней действительно несколько легче. Проблема в том, что общества с плюрализмом мафий, плюрализмом буржуазных кланов, не сведенным в некую общую политику, беззащитны перед лицом монолитной мафии. Это доказывает судьба Речи Посполитой, аристократической республики, поделенной на части абсолютистскими монархиями, и это же доказывает судьба плюралистической многопартийной Веймарской республики, завоеванной гитлеровской НСДАП.

Украинская буржуазия до сих по не продемонстрировала никаких признаков политических способностей, никаких симптомов того, что от клановых интересов она поднялась до общеклассового интереса. Это делает судьбу буржуазной демократии на Украине весьма проблематичной.

Возобладает ли тенденция к авторитаризму и удастся ли Ющенко (или кому-то еще) то, что не удалось Кучме и Януковичу? Или предстоят события еще более интересные - и куда более страшные?

Основной факт мировой политики в настоящее время - это вызванное экономическим кризисом резкое падение международной роли США, фактический крах американской гегемонии. Потеряв значительную часть подчиненной ей прежде территории, русская империалистическая буржуазия могла приступить к отвоеванию потерянного лишь при благоприятной мировой ситуации. Крах американской гегемонии и заинтересованность Западной Европы в союзе с Россией (как из-за российских нефти и газа, так и для общего противостояния США) показали ей, что час пробил. Подвиги православного русского воинства в Южной Осетии и Абхазии - это начало, как началом была гитлеровская аннексия Австрии. Дальше, по логике вещей, последует Крым, а быть может, вся Юго-Восточная Украина. Защищать «украинскую державность» США не будут - не защитили же они Саакашвили, да и вообще им сейчас не до того. Между тем вся внешняя политика украинской буржуазии искала защиты от восточного соседа - от Российской Империи - в альянсе с США, а не в собственных силах, не в собственном и не в русском народе.

Украинские националисты старых времен, Бандера и Стецько, как буржуазные политики были на три головы выше нынешних украинских политиканов. Рассуждая в логике капитализма, они прекрасно понимали, что от соседства с Россией Украине все равно никуда не деться, и что пока сохраняется (пусть в урезанном виде) Российская Империя, она неизбежно будет тянуться своими когтями к Украине - как кот к куску сала. Выход из ситуации они видели в превращении Украины в самостоятельный империалистический центр силы, в объединении вокруг нее всей Восточной Европы и в окончательном развале Российской Империи, в превращении ее в федеративную республику, находящуюся в вассальных отношениях с Украиной. Такой империалистической политике большого стиля нельзя отказать в логичности и даже в своеобразном разбойничьем величии.

Но упадочная украинская буржуазия и ее упадочные политики оказались неспособны на империализм большого стиля. Когда в начале 2005г,. во время пенсионерских бунтов в России, в Ленинграде стояли оранжевые палатки, а русские пенсионеры надевали оранжевые повязки, Украинская Республика могла бросить вызов Российской Империи в борьбе за гегемонию в Восточной Европе. Но для этого нужны были Бандера и Стецько, а не Ющенко и Тимошенко. А на нет, как известно, и суда нет, поэтому «маемо те, що маемо» («имеем то, что имеем» - слова Кучмы, вошедшие в украинский фольклор так же, как в русский фольклор вошли слова Черномырдина «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда»).

А «маемо» мы непрекращающуюся грызню украинских буржуазных группировок, при этом проигравшие группировки неизбежно будут искать помощи у соседей, самым сильным из которых является Россия. Сильные в свое время пророссийские настроения среди юго-восточных кланов украинской буржуазии сильно поослабли после путинского зажима олигархов, показавшего буржуазии украинского Юго-Востока, что

в случае объединения с Россией она рискует потерять весь свой бизнес в пользу алчных до прибылей «кремлевских» и «питерских» (таким же образом когда-то Иван Грозный своей опричниной уничтожил весьма сильные среди православных магнатов Великого Княжества Литовского промосковские настроения: этим магнатам стало понятно, что идти на объединение с Московским царством - значит буквально класть голову под топор). Но что будет, если Кремль покажет, что от него все равно не уйти, лапу на украинский Юго-Восток он все равно наложит, и в то же время даст гарантии, что покорных будет «милостиво миловать и жалостливо жаловать»?

Украинским правящим классам не впервые идти «под высокую государеву руку» и не впервые продаваться соседям. Достаточно вспомнить «Руину» 17 века., когда вся Правобережная Украина была превращена в безлюдную пустыню в ходе ожесточенных войн разных группировок украинского правящего класса, ожесточенно споривших между собой - кому продаться: Москве, Варшаве или Стамбулу? При современном развитии военной техники все может окончиться еще страшнее...

Современное украинское буржуазное государство не содержит в себе гарантий собственной жизнеспособности. Для трудящихся классов оно оказалось не доброй матерью, а злой мачехой. Миллионы жителей Украины не могут найти работу на Украине - с ее разваливающейся промышленностью и опустевшими селами - и вынуждены маяться полурабами на чужбине. Старые борцы за независимость Украину - от Шевченко до Полтавы, боролись не за украинское государство как таковое, не за независимость украинских правящих классов от их начальников в Москве или Варшаве. Лозунгом Шевченко и Полтавы было «За вольную Украину без хлопа и пана!», без раба и господина. Вместо этого современная Украина является страной чудовищного панского паразитизма и чудовищной хлопской нищеты.

Современное украинское буржуазное государство не может обеспечить интеграцию в Украину ее многочисленных жителей, говорящих на русском языке. Этнический украинский национализм не объединяет, а раскалывает Украину, толкает русскоязычное население в объятия империалистической Москвы. И никакие фокус-покусы с изобретением «национальной идее» тут не помогут. Объединит Украину только политическая и социальная революция, только доведение до конца того дела, ради которого сотни тысяч мерзли на Майдане, от руки изготавливая самодельные лозунги: «Нам терпеть обрыдло! Мы - народ, а не быдло!».

Только политическая и социальная революция создаст на Украине безнациональную трудовую республику, власть общих собраний трудящихся, при которой в равном положении будут находиться все национальные языки и культуры, и выбьет таким образом почву из-под империалистических происков Москвы. Только такая великая революция возродит великую украинскую культуру, даст ей невиданный подъем (как Великая революция 1917-1921гг. вызвала к жизни великую украинскую культуру 1920-х годов). Только политические и социальная революция лишит власти и собственности паразитические буржуазные кланы, только в ней трудовые массы завоюют власть и собственность и станут хозяевами собственной судьбы.

Середины нет. Как говорил великий французский революционер Сен-Жюст, «Кто делает революцию наполовину, тот сам роет себе могилу». «Оранжевая революция» оказалась революцией меньше чем на половину. Уложит ли созданную ею неустойчивую буржуазную республику в могилу новый президентский авторитаризм или империалистическая война, вопрос важный, но не самый главный. Как буржуазная демократия, украинское буржуазное государство обречено...

Ситуация на Украине усугубляется мировым экономическим кризисом, воздействие которого на Украину имеет особо острые формы. Уже закрылись 20 (из 36) доменных печей. О значении этого факта нужно судить, помня, что металлургия имеет для украинской экономики и особенно для украинского экспорта почти такое значение, как добыча нефти и газа для экономики и экспорта России, и что погашенную доменную печь невозможно снова сделать работающей, т.е. больше половины современной украинской металлургии уничтожено навсегда.

Как и любая другая буржуазия, украинская буржуазия пытается решить свои проблемы за счет трудового народа. Украинское правительство получило кредит от МВФ в обмен на обязательства по добиванию остатков системы социального обеспечения. На встрече с предпринимателями Тимошенко заявила, что «социальному паразитированию» нужно положить конец. Под паразитами она понимает, ясное дело, не капиталистов, богатеющих за счет народной нужды и бедняцкого горя, но пролетариев, трудом которых создано все богатство общества. В рамках этой программы капиталистического наступления были повышены в 4 раза цены на поезд в киевском транспорте, что стало сильным ударом по трудящемуся классу.

Как воздействует кризис на трудящиеся массы и как они воспринимают его, можно видеть по письму одного украинского пролетария:

«...Кризис развивается пока вокруг моей работы, т.е. зарплату платят пока исправно. А вот ООО “Домобудивнык”, на котором работает мой зять, сворачивает строительство, замораживает объекты, объявило своим рабочим об сокращении их. Пообещали поставить людей на биржу а по весне более толковых (?) забрать опять на работу. Дочь учится в педуниверситете на втором курсе после академотпуска, получает 130 гривен в месяц. Внук 1,5 года постоянно болеет, лечение требует средств. И если зять потеряет работу, кризис приблизится и к нашей семье вплотную. Остановка предприятий, строек идет

по всей Украине. Безработных становится все больше, и найти хорошо оплачиваемую работу сейчас рабочему трудно. Но никаких протестов и роптаний пока что не наблюдается. Люди "сочувственно" говорят о всемирном кризисе, хотя причину его возникновения объяснить может не каждый, как, впрочем , и я. Мне кажется, что кризис на Украине создается и раздувается искусственно с целью поддержать теряющий свою стоимость доллар. Наверное именно поэтому стоимость доллара непрерывно растет приближается уже к 7 гривнам. Наличного доллара в обменных пунктах найти невозможно, банкиры через менял и биржи наваривают барыши на валюте (используя недавно полученный кредит от МВФ). Вокруг села , где моя дача, стоят сотни гектаров подсолнуха и кукурузы. Убирать не торопятся, так как негде хранить, а продавать по низким закупочным ценам наверное не выгодно. Подсолнух сыпется, кукурузу люди таскают на корм скоту. Цены на импортную технику растут, на продукты растут, на газ с сегодняшнего дня тоже поднимают. Бензин в пределах до 6 гривен. По селам вырезают коров, держать некому и невыгодно. На железной дороге тоже идут сокращения, хотя штаты ее не укомплектованы. ИТР и рабочих отправляют в отпуска за свой счет. Следует ожидать новых аварий и трагедий. Цены на лекарства растут, врачи берут за лечение уже в открытую и без стеснения. ЭТО НАВЕРНОЕ И ЕСТЬ КРИЗИС».

Единственная альтернатива для трудящихся масс, единственный путь покончить с нищетой и бесправием, - усвоить уроки «оранжевой революции», не верить никаким буржуазным группировкам, никаким буржуазным политикам и партиям, и бороться за свою революцию, за свою власть - власть общих собраний трудящихся.

Что означает лозунг власти общих собраний трудящихся?

1). Слом всей буржуазной власти, президентств, парламентов и т.д., переход всей власти в руки общих собраний трудящихся по производству и территориям; с выборными и подконтрольными делегатами;

2). Экспроприацию всей эксплуататорской собственности, частной или государственной, все равно, управление производством общими собраниями и советами трудящихся; ориентацию производства не на прибыль паразитов, а на удовлетворение человеческих потребностей;

3). Слом всей чиновничьей, управленческой, военной и карательной систем, всеобщее вооружение трудового народа;

4). Реальный федерализм, устройство власти по принципу «снизу - вверх»;

5). Принципиально безнациональный характер власти общих собраний (не «Украина для украинцев», а Украина для всех, кто живет и трудится на данной территории), свободное и равноправное развитие всех языков и культур, которые могут развиваться и обогащаться лишь при взаимодействии друг с другом;

6). Возрождение старой идеи Мыколы Хвыльового об Украине как мосте между пролетариями Запада и трудящимися Востока, понимание невозможности устоять во враждебном империалистическом окружении без боевого союза с пролетариями всего мира; практическая боевая солидарность с пролетарской борьбой в любой точке земного шара.

То, что достичь всего этого будет крайне трудно, что эксплуататоры-паразиты никогда не уступят своей власти без боя, это понятно. Но украинский трудовой народ, как и трудовой народ всего мира, будет либо гнить и вырождаться в аду империалистического мира и гибнуть в аду империалистических войн, либо вырвется из этого ада, добудет себе свободу в бою своей рабочей рукой, сделает то, что не удалось сделать поколению Махно и Хвыльового...

Других реалистических альтернатив просто нет...

Марлен Инсаров

КАКИМ БЫТЬ РАБОЧЕМУ ДВИЖЕНИЮ?



Если мы проанализируем историю борьбы трудящихся в России за последние 17 лет, то увидим, что эта борьба не развивается постепенным, эволюционным путем, шаг за шагом, но носит взрывчатый, скачкообразный характер. За долгими периодами раздавленности и пассивности пролетариата (то есть класса обездоленных, лишенных власти над средствами производства и общественной жизнью в целом, людей) следуют резкие всплески пролетарского сопротивления. Эти бурные вспышки пролетарского сопротивления были обусловлены в конечном счете кризисом существующей в данный момент модели российского капитализма, кризисом, толкающим пролетариев на борьбу. Но в оба периода подъема пролетарской борьбы - в 1989-1991 и 1998-1999гг. - у пролетариев в их подавляющем большинстве отсутствовало понимание того, чем и как нужно и можно заменить капиталистические порядки. У них отсутствовало революционно-социалистическое сознание. Поэтому выход из капиталистического кризиса осуществляла консолидировавшаяся на новой основе буржуазия. Она осуществляла переход к новым формам своего господства и новым способам эксплуатации пролетариата, что обеспечивало ей еще несколько лет сравнительно спокойной жизни.

Но русская буржуазия в условиях упадка мирового капитализма всегда оказывалась неспособной преодолеть тупиковый характер российского капитализма, поэтому новый кризис был неизбежен. Подобная история повторялась уже дважды. А происходящее с начала 2005г. расшатывание путинской модели государственно-монополистического капитализма показывает, что не за горами уже третий на памяти живущего сейчас поколения кризис российского капитализма, кризис, исход которого далеко не предрешен и который может завершиться либо пролетарской революцией, либо повторением старой истории - т.е. приходом к власти новой буржуазной группировки. Что должно делать движение трудящихся, чтобы не наступать на старые грабли и, выдвинув собственную освободительную альтернативу, вырвать общество из болота маразма и разложения?

ПОДЪЕМЫ И СПАДЫ

Первый - и наиболее мощный - подъем пролетарской борьбы приходится на 1989 - 1991гг. - на эпоху шахтерских стачек. Они стали пролетарской классовой реакцией на экономический кризис существовавшего в СССР государственного капитализма. Однако бастовавшие шахтеры - а равным образом и другие пролетарии - хорошо знали, против чего нужно бороться, но плохо представляли себе, за что нужно бороться, чтобы освободиться от угнетения. В большинстве своем они разделяли иллюзии, что переход от государственного к частному капитализму даст им свободу и благосостояние. Поэтому шахтерское движение шло по ниспадающей линии. Самой классово самостоятельной и мощной была стихийная шахтерская забастовка 1989г. Однако, созданные в ходе нее шахтерские профсоюзы очень быстро оказались под контролем буржуазных групп, стоявших за переход к частному капитализму. Шахтерские стачки 1990-1991гг., организованные этими профсоюзами, по классовой самостоятельности намного уступали замечательной стихийной всеобщей стачке 1989г.

Переход к рыночно-монополистическому капитализму 1990-х годов нанес смертельный удар по прорыночным иллюзиям пролетарских масс и почти смертельный удар по организованному рабочему движению 1989-1991гг. В условиях краха производства пролетарский протест был парализован. Почти все силы пролетариев уходили на борьбу за индивидуальное выживание. Рабочие организации 1989-1991гг. либо развалились, либо попали под контроль разных буржуазных группировок, немалая часть лидеров шахтерских забастовок пошла в услужение буржуазии.

Новый всплеск пролетарской борьбы приходится на 1998-1999гг. Он совпадает с кризисом капитализма олигархической растащиловки. Этот кризис наступил тогда, когда все было приватизировано и буржуазия волей-неволей должна была перейти от обогащения за счет труда прошлых поколений к планомерной эксплуатации современного поколения и ограблению поколений будущих (последнее осуществляется посредством экспорта энергосырья).

Пролетарские выступления 1998-1999гг. (рельсовая война, пикет на Горбатом мосту, Выборг и Ясногорск) не выдвинули сознательной революционно-социалистической альтернативы буржуазным порядкам. Если в 1989-1991г пролетарии, замордованные деспотизмом государственного капитализма, в большинстве своем разделяли иллюзии о частном капитализме, то в 1998-1999гг,

измученные вакханалией частно-олигархического капитализма, они склонны были поддаваться иллюзиям о государственно регулируемом капитализме. В обоих случаях речь шла о выборе в пределах капиталистического строя, а не о прорыве к другому обществу.

Такое пролетарское политическое сознание 1990 - 1999гг. являлось всего лишь зеркальным отражением капиталистических порядков. Оно хотело выбирать из двух типов капитализма тот, который считало лучшим.

Освободительная революция пролетариата возможна только в период общественного кризиса. Однако не всегда возможность переходит в действительность. Для ее реализации требуется наличие у значительной части пролетариев сознания того, что нужно бороться не за смену одних форм эксплуатации на другие, а за уничтожение эксплуатации вообще. Если этого нет, то буржуазия сама осуществляет выход из кризиса, изменив формы и методы своего господства. Именно это произошло в 1999 - 2000гг.

ПУТИНСКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ И БУДУЩАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ

Беспорядочный грабеж сменился при Путине грабительским порядком. Вакханалию всеобщей растащиловки сменила упорядоченная безжалостная эксплуатация пролетариата. Чересчур возомнившие о себе пресловутые «олигархии», являвшиеся на самом деле лишь приказчиками чиновничьего аппарата, были поставлены на место. Наступила путинская стабилизация. Окончательно установилась система государственно-монополистического капитализма - синтез государственного капитализма эпохи СССР и монополистического капитализма 1990-х годов. Государство сосредоточило в своих руках источники стратегического сырья и валюты, опираясь на могущественный «Газпром».

Однако путинская стабилизация имела непрочный и неустойчивый характер. Вся российская экономика держится в первую очередь на экспорте нефти и газа, к чему, правда, следует добавить также экспорт оружия. Поэтому российская экономика представляет собой неустойчивое единство множества противоречий. Относительно благополучные регионы нефтедобычи и Москва, где концентрируются финансовые потоки, представляют собой острова, окруженные морем нищеты, деградации, возврата к натуральному хозяйству. Обновления и модернизации средств производства на большинстве даже прибыльных предприятий не происходит, и промышленность приходит в упадок. По подсчетам современного буржуазного экономиста М. Делягина, износ инженерных и коммуникационных сетей составляет в России 60-70%, в т.ч. износ котельных - 54,5%, водопроводов - 65,3%, канализации - 62,5%, теплотрасс - 62,8%, электросетей - 58,1%, водопроводно-насосных станций - 65,1%, канализационных насосных станций - 57,1%, очистных сооружений водопровода - 53,9% и канализации - 56,2%, трансформаторных подстанций - 57%. Физический износ улично-дорожной сети превысил 52%, мостов - 45%, путепроводов - 56%, 12 - 15% жилищного фонда нуждается в капитальном ремонте. В 2004г. из-за износа коммуникаций в жилищно-коммунальном хозяйстве терялось до 70% тепла, 30% воды, 18% электроэнергии (см. М.Г. Делягин. Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? М., 2005, с.178).

Из разоренной российской провинции (а также из стран СНГ, где положение еще хуже) миллионы обездоленных пролетариев направляются на заработки в центры российской капиталистической экономики. Там их ждут тяжелый и низкооплачиваемый труд и полурабская зависимость от хозяев и ментов. Очень большая часть этих пролетариев концентрируется в производстве, ориентированном на обеспечение потребления паразитического буржуазного класса (речь идет в первую очередь о буржестройках).

И по природным условиям, и по численности населения Россия не похожа на Кувейт. Доходов от экспорта нефти не хватает и не может хватать не только для трудового населения, но и для самого буржуазного класса (в этом последний входят не только владельцы заводов, газет, пароходов, но и чиновничий аппарат власти и управления - от мента до президента). Паразитическое потребление буржуазии при узком производственном базисе может быть обеспечено лишь за счет чудовищной эксплуатации и нищеты пролетариата. При Путине произошел новый виток экспроприации пролетариев, лишения их всех и всяких прав и гарантий. Началось все с отмены КЗОТа, а вслед за этим настала очередь пенсионной реформы, реформы ЖКХ и прочих мер, лишающих пролетариев последних остатков системы социального обеспечения.

Ответом на новое наступление капитала стали пенсионерские бунты начала 2005г. Эти бунты тем больше напугали господствующий класс, что совпали во времени с «цветными революциями» на Украине, в Киргизии и Узбекистане. Утверждение о том, что эпоха революций закончилась, рухнуло, и в затхлом болоте русского капитализма повеяло бешенством ветров.

Русский капитализм устоял - и не мог не устоять, точно так же как устоял капитализм в Украине и Киргизии. Парадокс «оранжевых революций» заключался в том, что они происходили в эпоху упадка капитализма, когда буржуазная революция и даже буржуазная реформа, выводящая капитализм на новый уровень прогрессивного развития, были невозможны, но у выступивших против нищеты и бесправия пролетариев напрочь отсутствовало понимание необходимости борьбы за социалистическую революцию. Поэтому «оранжевые революции» не ставили целей, выходящих за рамки капитализма. В результате на Украине все кончилось тем, что «отец украинской демократии» Ющенко назначил премьером своего бывшего конкурента Януковича. Все вернулось на круги своя, а украинским пролетариям остался лишь горький, но необходимый опыт - можно ли надеяться на доброго

буржуя в качестве спасителя от буржуя злого.

В России волна пенсионерских протестов спала. Созданные в ходе нее Координационные советы из организаций массовой борьбы превратились либо в поле интриг буржуазной оппозиции (Ленинград, Уфа, Ижевск), либо в приводной ремень троцкистской протопартии (Пермь). Однако великий страх русского правящего класса, пережитый им в начале 2005г., не был всего лишь не имевшим последствий эпизодом. Стало понятно, что путинская стабилизация подходит к концу, что новые пролетарские протесты против буржуазной эксплуатации неизбежны, и что буржуазии нужно оседлать эти протесты, чтобы сохранить свою власть. Разные антипутинские группы буржуазной оппозиции - от либералов до НБП и КПРФ - стали фактически действовать единым фронтом.

Однако не прекратилось и брожение в пролетарских низах. После пенсионеров на борьбу стали подниматься и промышленные рабочие. После спада забастовочной борьбы в начале 2000-х годов она вновь пошла на подъем.

В 2006г. 5-дневной забастовкой добились повышения зарплаты в 2.5 раза рабочие Калининградского янтарного завода (подобный успех объясняется в первую очередь тем, что предприятие является мировым монополистом по добыче янтаря (95%!) и капиталистам дешевле обойдется поднять зарплату рабочим, чем допускать длительные забастовки). Состоялись акции протеста нефтяников Тюменской области с требованием повышения зарплаты и отказа от системы штрафов. Весь 2006г. продолжались волнения на Воронежском экскаваторном заводе, апогеем которых стал захвата рабочими в заложники управляющего заводом Тарасова (июль 2006г.). В середине июля забастовали рабочие Уфимского приборостроительного завода, протестуя против увольнения рабочего активиста Андрея Колыбанова и требуя отставки директора завода. Победой кончились летние забастовки троллейбусников Махачкалы, водителей маршруток Сочи и Самары. Брожением охвачены предприятия Санкт-Петербурга и Ленинградской области (морской порт, завод Форда и т.д.). Перечень можно продолжить.

Подобное оживление борьбы промышленного пролетариата объясняется несколькими причинами. Экономический подъем путинских лет имел весьма ограниченный характер , но он все же не был всего лишь выдумкой режима. Этот подъем затронул отрасли, обеспечивающие экспорт сырья (нефть и газ), военную промышленность, а также производство, обеспечивающее потребление буржуазии и мелкой буржуазии («буржестройки» и сфера обслуживания). Российская промышленность так и не поднялась до уровня 1990г. Однако по сравнению с 1990-ми годами, когда предприятия стояли и уже поэтому забастовки были невозможны, ситуация изменилась.

Изменение ситуации сказалось и в том, что на заводы пошла, хотя и тонким потоком, пролетарская молодежь. В 1990-е годы наиболее смелые, энергичные и потенциально способные к революционной борьбе молодые пролетарии шли не на заводы, а в торговлю или в бандитизм. В большинстве случаев они гибли там, но иногда могли выбиться наверх, в буржуи. Сейчас все места наверху заняты, а капиталистическая промышленность нуждается в пролетарском поте и крови. Молодые пролетарии, немалая часть которых работает в чужих городах, не имеют и тех скудных остатков социальной обеспеченности (квартира, дача и т.п.), которые есть у пролетариев старших поколений. Все условия жизни отбивают у пролетарской молодежи веру в защиту государства - государства, от которого она не видит ничего, кроме ментовских поборов и издевательств. Все условия жизни приучают современную пролетарскую молодежь надеяться только на собственную силу. Произойдет ли переход от индивидуальной борьбы за собственное выживание к коллективной борьбе за общее освобождение - зависит от многих обстоятельств. Одним из них являются и действия людей, считающих себя пролетарскими революционерами.

НИ ПАРТИИ, НИ ПРОФСОЮЗЫ

Борьба промышленного пролетариата современной России возникает почти на пустом месте. Живой памяти о великом революционном движении 19 - начала 20 века не осталось, как не осталось живой памяти и о пролетарских протестах 1950-1960-х годов. Организации трудящихся, созданные в перестроечную эпоху, либо давным-давно развалились, либо стали инструментами буржуазии. Все нужно начинать заново. И от того, как и на каких позициях будет создаваться сейчас рабочее движение России, зависит его судьба и судьба всего российского общества на ближайшую историческую эпоху.

Одним из факторов, который обусловит характер складывающегося рабочего движения, станет деятельность людей и групп, считающих себя пролетарскими революционерами. Мнение значительной части таких людей и групп о перспективах рабочей борьбы и своего места в ней весьма ярко выразил активист Марксистской группы «Рабочая демократия» Kollo d'Herbois: «Так называемый «экономизм» или «тред-юнионизм», как ни плох он с точки зрения «абсолютных», конечных целей общепролетарской политики, и как бы ни противоречил он светлым догматам высокой теории - тред-юнионизм этот есть объективно неизбежный этап в развитии классовой борьбы в сегодняшней России в ее конкретно-исторических условиях...

...В России..., в условиях, когда рабочие совершенно бесправны и бессильны перед произволом капиталистов, о таком «реформизме» приходится только мечтать - было бы хоть некое подобие организованной рабоче-профсоюзной борьбы!» (Kollo d'Herbois. Классовая борьба в ОАО «Морпорт Санкт-Петербурга»// «Рабочая демократия», №1(92), январь 2006г.). Как видим, Kollo d'Herbois придерживается теории этапов, согласно которой рабочие первоначально должны пройти стадию

борьбы за экономические интересы и лишь затем приступать к борьбе за социальное освобождение. Кроме того, он считает, что экономическая борьба рабочих неизбежно организуется и возглавляется профсоюзами, их же политическая борьба - партией. Подобные представления приобрели у многих левых всю прочность предрассудка, однако они противоречат подлинной истории пролетарской борьбы и уводят борьбу пролетариев современной России на тупиковый путь.

Практически все ранние - и наиболее революционные - организации пролетариата в разных странах не были ни профсоюзами, ни партиями в позднейшем смысле, ибо они соединяли борьбу за экономические интересы рабочих с борьбой за социальную революцию. В России первыми организациями рабочих были возникшие в 1870-е годы Южнорусский и Северорусский союзы рабочих. Создавшие их в сотрудничестве революционерами - интеллигентами рабочие активисты были социалистами и революционерами и соединяли экономическую стачечную борьбу с работой по подготовке социальной революцией. Все русское рабочее движение конца 19 - начала 20 веков создавалось не профбюрократией, а революционерами. Его величие, его размах и решительность обусловливалось соединением двух потоков - революционного сознания, которое представляло собой проделанное революционерами обобщение опыта самих рабочих с пролетарской самодеятельностью и инициативой. С-р. максималист Г. Нестроев писал о раннем движении екатеринославских рабочих так: «Смелость, предприимчивость и бесстрашие, - такова характеристика этих рабочих, и пришлых, и местных, имеющих родоначальниками энергичных переселенцев... Когда я столкнулся с местным рабочим, я увидел, что он не тот, которого я знал до сих пор - не ремесленник, не независимый социалист, а полный боевой энергии и жажды борьбы, не „экономист", борющийся за прибавку пятачка на рубль, а революционер, признающий все методы борьбы - от стачки с насилием до вооруженных демонстраций и террора. В начале 1904 года здесь уже образовалась боевая рабочая дружина». На другом конце планеты организацией того же типа, что и Южнорусский и Северорусский рабочие союзы была лучшая организация пролетарского анархизма - аргентинская ФОРА (Федерация Трудящихся Аргентинского Региона). Она соединяла борьбу за непосредственные экономические интересы пролетариев (6-часовой рабочий день при сохранении зарплаты, прекращение увольнений и т.д.) с борьбой за революцию и безгосударственный коммунизм. ФОРА не являлась ни партией, ни профсоюзом, но была интегральной революционной организацией. Значительная, если не большая часть социально-активных рабочих Аргентины в этот ранний период движения считали себя революционерами и анархо-коммунистами.

Рабочие, состоявшие в ФОРА - как и все рабочие - революционеры разных стран и эпох, не были животными, двигаемыми биологическими импульсами и не были марионетками, приводимыми в движение автоматическими законами истории. Они были людьми, желавшими жить полноценной жизнью, в которой материальные и духовные стремления не будут противоречить друг другу, и на борьбу против капитализма их толкало то, что этот последний стремился превратить их в животных или марионеток. Они боролись как против экономической нищеты и эксплуатации, так и против политической обездоленности, отсутствия власти над своей собственной жизнью. Они стремились определять свою судьбу сами, что было невозможно при сохранении капитализма. Их целью было всестороннее, всеохватывающее освобождение.

Марксизм, ставший идеологией реформистского рабочего движения, лишил борьбу пролетариата всеобщего освободительного измерения, в высшей степени присущего революционному рабочему движению домарксистского периода, свел борьбу и жизнь рабочих к борьбе за пятачок, оставив все остальные сферы на попечение партийного начальства. Одним из следствий этого явился крах марксистских партий Германии в 1933г. Вот что пишет об этом современный российский историк О.Р. Пленков:

«...Известный социал-демократ Вальтер Хегнер вспоминал, как прогуливаясь в конце 1933г. со своим товарищем по рабочему кварталу, который ранее был оплотом коммунистов, они с удивлением обнаружили, что все дома были увешаны знаменами со свастикой, а по разговорам жен рабочих на улице они поняли, что Гитлера и его политику здесь однозначно приветствуют и одобряют. Такая метаморфоза настроений рабочих показалась Хегнеру и его товарищу очень странной и совершенно нелогичной. Хегнер был поражен тем, как тонко нацисты смогли мобилизовать нацию; он объяснял это тем, что социал-демократы, будучи рационалистами и не обладая фантазией, сосредоточились в своей политике на сугубо приземленных вещах: на зарплате, на домашнем бюджете, на буднях и прозе жизни. Нацисты же, по его словам, смогли зажечь сердца высокими целями, смогли пробудить фантазию, оторвать людей от будничных забот, внушить им романтически возвышенный образ мысли, обращенный к целям, стоящим высоко над действительностью: «нам казалось, что это какое-то злое колдовство»» (О.Р. Пленков. III Рейх. Нацистское государство. СПб, 2004, с.76).

Немецкие рабочие поддержали фашистов именно потому, что были лучше, чем думали о них социал-демократы, именно потому, что не превратились в одномерных уродов, в которых их пытался превратить капитализм, именно потому, что сохраняли другое, всеобще-человеческое измерение, именно потому, что потребность в «высоких целях» значила для них не меньше, а в иные моменты и больше, чем потребность в «сугубо приземленных вещах». То, что «высокие цели» фашистов были ложью, доказательств не требует, но ответственность за то, что рабочие Германии пошли за этой ложью, лежит именно на тех, кто не захотел или не сумел предложить им подлинно высокие цели.

История может повториться. Если современные марксисты в значительной их части отказываются вести политическую агитацию и пропаганду, отказываются увязывать борьбу за экономические требования рабочих с перспективой общей борьбы против существующего строя, то от политической работы в пролетариате вовсе не отказываются фашисты –русские, исламистские и т.д. В результате движения пролетарского протеста проходят под фашистскими лозунгами и направляются в буржуазное русло - примерами чего являются Кондапога и Будапешт. Помешать этому пролетарские революционеры могут лишь в том случае, если не будут считать рабочих жвачными животными, интересующимися лишь непосредственными целями, лишь если сумеют обратиться к огромному возмущению против всех условий современной жизни, которого полным-полно накопилось у пролетариев, лишь если сумеют показать пролетариям перспективу уничтожения эксплуататорских грабительских порядков, перспективу всеохватывающего освобождения...

История рабочего движения показывает нам, что схема, согласно которой пролетарская борьба неизбежно должна пройти сперва через этап чисто экономической борьбы, и лишь затем может переходить к борьбе революционной, а равным образом схема, что экономическая борьба рабочих неизбежно должна контролироваться профсоюзами, а их политическая борьба - партией - эта схема является несостоятельной.

Сама по себе ссылка на историю мало что решает. Нужно рассмотреть, что такое профсоюзы, до какой степени и в каких пределах возможна профсоюзная борьба в современной России и каким образом следует создавать классовое пролетарское движение.

ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА ПРОФСОЮЗОВ

Профсоюзы по самой своей природе являются посредниками между пролетариатом и буржуазией, агентами по более выгодной продаже рабочей силы - а равным образом агентами буржуазии, помогающими ей удерживать в повиновении пролетариат, который профсоюзы принуждают смириться с положением всего лишь эксплуатируемой рабочей силы. Профсоюзы заменяют прямое противостояние класса против класса сделками и маневрами. Они отучают массы пролетариев от самодеятельности и инициативы, приучают к тому, что вопросы, касающиеся жизни пролетариев, решаются не общей волей пролетарских масс, не собраниями трудящихся, а верхушечными переговорами руководства профсоюзов (чиновников, живущих обычно на взносы рабочих) с хозяевами.

Долгосрочные успехи профсоюзов возможны лишь в обществе, переживающем длительный и равномерный подъем капиталистического производства. В условиях такого подъема буржуазии выгоднее идти на частичные уступки, чем терять возможные прибыли из-за забастовок. Такого длительного и равномерного экономического подъема в современной России нет и быть не может. Рост в отдельных секторах экономики соединяется с застоем или развалом в других секторах. И, главное, даже этот рост в отдельных секторах обречен иметь весьма узкие пределы - до радикального падения цен на нефть на мировом рынке. Не случайно устойчивая реформистская рабочая борьба и реальные реформистские профсоюзы существуют лишь среди тех групп пролетариев, кто в силу своего положения в системе капиталистического производства может заставить буржуазию идти на уступки, чтобы избежать грандиозных убытков в случае забастовок. Речь идет о таких группах трудящихся, как докеры и авиадиспетчеры. Во всех остальных отраслях к ФНПРовским профсоюзам рабочие испытывают либо абсолютное безразличие, либо холодную ненависть, а неФНПРовские профсоюзы, как правило, находятся в ни живом, ни мертвом состоянии.

В отношении рабочих к профсоюзам проявляется правильное чувство, что профсоюзы сейчас могут быть для рабочих источником вреда, но не могут - даже если бы и хотели - быть источником пользы. Вследствие узкой производственной базы российского капитализма чудовищная паразитическая роскошь русской буржуазии может быть обеспечена лишь за счет чудовищной сверхэксплуатации пролетариата. Идти рабочим на уступки русские буржуи не хотят, да и не могут. Современная русская буржуазия вышла либо из государственной мафии эпохи СССР, либо из частных мафий. Она привыкла к решению споров даже в своей собственной среде путем прямого насилия. Поэтому попытки воздействовать на нее посредством легальных, разрешенных забастовок и тем более хождений по судам по наивности своей напоминают обращение к щуке: знает ли она, что такое добродетель. Создание на контролируемых мафиозными буржуазными структурами зарегистрированных и подзаконных профсоюзов подставляет рабочих активистов под террор мафии, милиции и ФСБ. К этому террору верящие в законные формы борьбы активисты не готовы и потому перед ним беззащитны. Пример - попытка создания зарегистрированного неФНПРовского профсоюза и издания его легальной газеты на металлургическом предприятии в Шелехово под Иркутском, вслед за чем последовали репрессии ФСБ и милиции, сожжение офиса легальной и подзаконной профсоюзной организации СКТ в Омске, нападения на активистов других легальных и подзаконных профсоюзов.

Деятельность легалистских профсоюзов, ФНПР или чуть более активных альтернативных профсоюзов, ориентированных на подзаконные действия, бессмысленна с чисто практической точки зрения. Выполнить свою роль, защитить экономические права работников они не в состоянии. Вот что пишет лидер одного из таких профсоюзов (СКТ) Василий Старостин: «В 2002 году после принятия нового Трудового кодекса трудовые права работников и альтернативных профсоюзов опустили до такого уровня, что даже отстоять такое право надо иметь серьезный опыт... Сейчас уволить можно любого человека. После активизации альтернативных профсоюзов в успешном отстаивании имеющихся трудовых прав, директора пролоббировали усечение

таких прав». Кроме того, добавляет он «все кто приходит к альтернативщикам, сразу попадает на заметку директору». А вот оценка профсоюзов, данная сотрудником ФСБ в беседе с сибирским журналистом: «Независимое профдвижение, коль скоро оно действует в легальных рамках, для нас интереса не представляет, скорее даже нам полезно, так как позволяет вовремя вскрыть напряженность, которая в ином раскладе может привести к силовым последствиям».

Насилию буржуазии может противостоять лишь сила пролетариата. Нелегальные, незарегистрированные и способные к самообороне революционные группы на предприятиях куда адекватнее в обстановке буржуазного террора, чем легальное профсоюзное движение.

Не следует забывать еще об одном очень важном обстоятельстве. Наиболее угнетенной и бесправной частью современного российского пролетариата являются рабочие - мигранты. В большинстве случаев они не имеют регистрации (получение которой - затяжная бюрократическая процедура), немалую их часть составляют рабочие ближнего и дальнего зарубежья, не имеющие российского гражданства. Они беззащитны как перед хозяином, так и перед ментом, не интегрированы в российскую политическую систему. Легальная, в рамках закона борьба для них - звук пустой.

РАБОЧИЕ-МИГРАНТЫ И ИХ РОЛЬ

В судьбе рабочих - мигрантов весьма ярко выражается упадочный характер современного российского капитализма. Сокращение численности населения России создает дефицит рабочей силы, который и восполняют бесправные и низкооплачиваемые рабочие СНГ и дальнего зарубежья. Но эксплуатирующие их российские капиталисты не могут и не хотят проводить политику, нацеленную на дальнюю перспективу, на обеспечение своих собственных буржуазных долгосрочных интересов. Сокращение численности населения России при перенаселенности Китая делает неизбежным заселение в ближайшие десятилетия пустующих пространств Сибири и Дальнего Востока иммигрантами из Китая, - и этому бессильны противостоять искусственные ограничения. Если бы российский капитализм находился на подъеме, он должен был бы интегрировать иммигрантов из Китая, а равным образом из других стран в российское общество. Так сделал в 19 веке капитализм США, ставший самым передовым капитализмом именно за счет интенсивной интеграции энергичных и трудолюбивых работников - иммигрантов со всего мира. Если бы русский капитализм смог давать всем рабочим - мигрантам работу за достойную оплату, гражданство и политическое равноправие, отсутствие национальной дискриминации, а впридачу к этому вел пропаганду в духе, что все мы россияне, неважно, славянского или китайского происхождения, он сильно продлил бы себе жизнь.

Однако напрасно было бы ждать такой политики, направленной на создание условий для капиталистического подъема, от капитализма в эпоху упадка. Русская буржуазия обладает психологией временщиков. Она неспособна проводить долгосрочную политику в своих собственных интересах. Поэтому она алчет больших и быстрых прибылей, а там хоть трава не расти - как персонаж старого анекдота, ответивший на вопрос, что он делал бы, если бы стал царем: «украл бы казну и сбежал». Поэтому рабочие - мигранты подвергаются безжалостной эксплуатации, не интегрируются в буржуазную политическую систему и представляют собой потенциально взрывчатую силу.

Экономизм, считающий, что рабочих интересует только положение на предприятии и только борьба за зарплату, показывает всю свою несостоятельность в отношении иногородних рабочих. Экономическая сверхэксплуатация, которой они подвергаются, неразрывно связана с их политическим бесправием, власть над ними хозяина и власть мента слиты в неразрывное целое. Их борьба против буржуазной эксплуатации неотделима от борьбы против полицейского гнета. А поскольку упадочный российский капитализм не может стать иным, чем он есть, не может обойтись без сверхэксплуатации иногородних и иностранных рабочих, дать им политическое и гражданское равноправие, то борьба рабочих-мигрантов будет скорее всего направлена против всего эксплуататорского общества.

Современный капитализм представляет собой двухголовую гидру полицейские-чиновничьего самодержавия и паразитической буржуазии. Борьба против самодержавия и борьба против капитализма неотделимы друг от друга, политическая и социальная революция совпадают. Поэтому революционная организация не может быть ни чисто политическим обществом, плетущемся в хвосте у либералов из антипутинской оппозиции , ни профсоюзом, ограничивающим свои задачи рамками предприятия. Она должна быть борцом против всех видов несправедливости, эксплуатации и гнета и соединять все частные протесты с перспективой всеобщего освобождения.

ПРОЛЕТАРИИ И РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

Для различных левых групп общая перспектива их деятельности вытекает из разного подхода к, казалось бы, весьма отвлеченному мировоззренческому вопросу: считают ли они сами себя частью пролетариата или нет. Большинство подобных групп проводит грань между собой и классом пролетариев и его борьбой. Из такого отделения самих себя от пролетариата делаются обыкновенно два разных вывода (хотя иногда они забавным образом переплетаются). Сторонники ленинистских концепций считают, что подлинная борьба рабочих, коль скоро она ведется не так и не за то, как хочется самозванным пролетарским авангардам, это вовсе не рабочая борьба. Мол пролетарии, если они не прочитали Маркса, это - не пролетарии. Носителем же подлинного пролетарского сознания является настоящая пролетарская партия

из нескольких человек, не имеющая с живыми пролетариями никаких связей, а революция наступит тогда, когда данная «партия» напишет большое-пребольшое количество текстов с изложением своих правильных позиций. Поклонники же стихийности, например некоторые умеренные синдикалисты и левые интеллигенты, напротив, думают, что подлинная рабочая борьба - это лишь легальное профсоюзное рабочее движение, а задача левых групп - быть комментаторами его деятельности, быть подручниками и советниками нарождающейся профсоюзной бюрократии.

И первый подход, проникнутый манией величия, и второй подход, характеризующийся комплексом неполноценности, имеют то общее, что их сторонники не считают самих себя частью класса пролетариев, а свою настоящую и будущую деятельность - частью пролетарской борьбы. Если же исходить из того, что люди, входящие в левые группы, являются такими же пролетариями физического или умственного труда, как и все остальные пролетарии, не лучше и не хуже, то именно на их долю выпадает задача заложить основы революционного пролетарского движения, как это сделали 130 лет назад русские революционеры. Никто не сделает за нас нашу работу, революционное пролетарское движение могут создать только революционеры, а не профбюрократы.

Бессилие и гнилость ФНПРовских профсоюзов, слабость и бесперспективность внеФНПРовских профсоюзов, неверие рабочих в профсоюзы, неразрывное переплетение экономической и политической борьбы, борьбы против хозяйской эксплуатации и чиновничье - ментовского гнета - все это предоставляет нам широкое поле работы. Каким будет движение трудящихся России в предстоящую историческую эпоху - может решиться в самые ближайшие годы. Пока что существуют две возможности. И позор тем, кто будет отстаивать реформистский путь легального профсоюзного движения против революционного пути прямой бескомпромиссной классовой борьбы!

Пролетарии, вступающие в борьбу с капиталом и государством, пролетарии, из опыта своей жизни и борьбы убедившиеся в необходимости уничтожение буржуазного строя, проникшиеся интересом к революционным идеям и обратившиеся в поисках ответа на вопрос «что делать?» к претендующим на революционность организациям - какой совет они получат от этих организаций? Совет ограничиваться пока что чисто экономической борьбой на предприятиях и лишь потом, в неопределенной перспективе, переходить к революционной борьбе против всего буржуазного строя? Совет становиться организаторами мелких профсоюзов и передоверить вопросы общей политики лидерам троцкистских или синдикалистских сект? Те пролетарии, которые последуют данному совету, очень скоро убедятся, что этот гладкий путь - самый нереальный. Из-за чиновничье-полицейского характера русского капитализма легальная борьба на предприятиях за чисто экономические интересы очень скоро упирается в тупик. После этого большая часть пролетариев, совершенно справедливо разочаровавшись в давших им подобный совет мнимых революционерах, разочаруется и в революционной деятельности вообще. Другая часть - не знаем, насколько большая - будет искать другие пути освободительной борьбы. Те же потенциальные пролетарские борцы, кто в силу стечения обстоятельств достигнет на профсоюзном пути определенных успехов, будут так же интегрированы политической системой капитализма, как это произошло с лидерами шахтерских забастовок 1989 - 1991г.

Автору данной статьи пришлось в свое время присутствовать при том, как на студенческом пикете, направленном против отмены студенческой отсрочки от призыва, одна студентка спросила троцкистского активиста, правда ли, что он - член Революционной Рабочей Партии и выступает за революцию. Вместо того, чтобы начать революционную пропаганду, троцкистский активист замялся и ответил, что, действительно, как частное лицо - он член Революционной Рабочей Партии, однако здесь он присутствует как представитель студенческого профсоюза, мирный, смирный и законопослушный. Между тем, как выяснилось в ходе дальнейшего разговора, студентка интересовалась вопросом революции всерьез, и рассказала случай, когда студенческая компания, где она была, стала строить планы, как совершить революцию. Даже если подобный студенческий треп и представлял собой чистую фантазию, следует помнить, что 10 лет назад подобные революционные фантазии в студенческой среде были невозможны, и что революционное сознание складывается именно путем прояснения подобных бессознательных влечений.

В данном эпизоде вышеупомянутый троцкист с блеском показал себя не как революционер, а как профсоюзный деятель. Нет сомнения, что здесь проявились не только и не столько его индивидуальные качества, но порочность всей теории этапов и подмены революционной борьбы профсоюзничеством.

Революционерам нечего надеяться, что их дело сделает кто-то вместо них. Освободительное движение пролетариата не создается профсоюзными чиновниками. Краеугольные камни этого движения закладываются именно сейчас. Людям, считающим себя революционерами, нужно действовать так же, как действовали русские революционеры 1870-х годов - т.е. самим создавать революционное пролетарское движение, устанавливая разными путями и способами контакты с борющимися и мыслящими рабочими, завоевывая их доверие и уважение в качестве равных товарищей, инициируя создание групп пролетарского классового сопротивления.

ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЬБЫ

В современную эпоху упадочного капитализма все партии и профсоюзы с собственным бюрократическим аппаратом окончательно и бесповоротно интегрировались в политическую систему

капитализма. Они стали орудиями, с помощью которых буржуазия удерживает в подчинении пролетариат. Организациями, борющимися за освобождение пролетариата, могут быть, с одной стороны, общие собрания, объединяющие всех поднявшихся на борьбу пролетариев, с другой стороны, революционно-социалистические группы, включающие в себя меньшинство пролетариев, уже сейчас ведущее борьбу за социальную революцию.

Именно общие собрания с выборными и подконтрольными им (через систему наказов и право отзыва и замены делегата) Советами делегатов станут органами новой, пролетарской власти после победы социалистической революции. Однако пока сохраняется капитализм, подобные общие собрания возникают лишь на подъеме пролетарской борьбы и рассыпаются с ее спадом. Попытка же создать на подъеме борьбы постоянные массовые организации кончается тем, что со спадом борьбы подобные организации ставятся под контроль разными буржуазными группировками. Именно это произошло как с созданными в 1989г. шахтерскими профсоюзами, так и с возникшими в начале 2005г. Координационными советами. Кроме этого, не следует забывать, что разные буржуазные партии пытаются и будут пытаться воздействовать на массовое пролетарское движение, перенаправлять пролетарский протест с врагов подлинных на врагов мнимых. Поэтому надежда, что стихийная борьба и массовые организации самодостаточны, и что общие собрания справятся сами, без существования революционной организации - подобные надежды являются ошибочными.

Пролетарии, уже сейчас понимающие, что избавление от всех бед и страданий возможно лишь путем уничтожения капиталистического строя и уже сейчас готовые вести борьбу за свержение капитализма, необходимым образом будут объединяться в революционную организацию. Эта организация передовой части пролетариев не будет командовать своим классом. Своим действием и своим примером она инициирует борьбу всего класса, а равным образом будет объяснять своему классу ход и перспективу общей борьбы, возникающие в ходе нее возможности и угрожающие ей опасности.

Пока что революционные группы, стоящие именно на таких - и ни на каких других - позициях - очень слабы и немногочисленны. В силу своей слабости и немногочисленности они неизбежным образом организуются на внезаводской основе. Однако в случае их роста и усиления будут создаваться социально-революционные группы на предприятиях. Рядом с ними неизбежно будут существовать также борющиеся пролетарские группы по месту жительства и вообще на межпрофессиональной основе - но речь сейчас не о них. Социально-революционная группа на предприятии будет действовать таким же образом, как действовали революционные рабочие кружки в России 1870-1880-х годов. Она будет соединять борьбу за непосредственные экономические интересы рабочих с революционной агитацией и пропагандой. Современный русский капитализм мало чем отличается от капитализма царской России - и борьба с ним будет принимать схожие формы. Деятельность революционной группы на предприятии будет иметь нелегальный характер. Ей ни к чему засвечивать своих активистов, добиваясь регистрации, ни к чему иметь списки членов. Небольшая группа рабочих-революционеров, имеющих четкие цели, спаянных приобретенным в общей борьбе взаимным доверием и пользующихся уважением в своих трудовых коллективах, в нужное время и в нужном месте сумеет сделать куда больше, чем ФНПРовский или неФНПРовский профсоюз.

Однако борьбы на одном предприятии недостаточно - не только по общепринципиальным соображениям, но и по той весьма практической причине, что борьба на предприятии, чтобы быть успешной, нуждается в помощи извне данного предприятия. Борьба на отдельном предприятии нуждается в помощи самой разнообразной, от стачек солидарности и касс взаимопомощи до помощи с изданием и распространением листовок. Поэтому социально-революционные группы на разных предприятиях - и вне предприятий - необходимым образом будут координировать свою деятельность в рамках общей организации. Решения в этой организации будут приниматься не бюрократическим партийным аппаратом, но общим собранием всех членов организации (современные средства связи - в первую очередь Интернет - предоставляют для этого технические возможности). Специализированные же органы будут иметь не управленческий, а технический характер. Понятно, например, что верстка революционной газеты не может быть занятием всех членов организации. Однако решение о том, какие материалы печатать в газете, принимается общим обсуждением, задача же технической редакции - выполнить определившуюся в ходе общего обсуждения волю всей организации.

Освободительная борьба пролетариата не может завершиться победой без существования объединяющей самых сознательных и решительных пролетариев революционной организации. Лишь она способна как сохранять традицию пролетарского протеста в самую глухую пору реакции, так и расшатать энергичным действием эксплуататорскую систему. Лишь она может указать пролетарскому классу выход из болота старого мира и первой пойти под вражеский огонь, увлекая за собой весь класс. Только такая организация может поддерживать пламя классовой борьбы в периоды раздавленности и апатии основной массы своего класса. Только она в периоды подъема пролетарской борьбы может объяснять всему классу всевозможные маневры различных агентов буржуазии. Только она может (против всех иллюзорных средств уничтожения бедствий пролетариев) указывать на средство настоящее - на свержение буржуазного строя. Старый американский революционер Де Леон сравнивал массовое движение с древком копья, а революционно-социалистическую организацию - с его наконечником. Наконечник без древка - всего лишь кусок железа, однако древко без наконечника может только нанести сильный удар по капитализму, но не убить его...

ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Теперь нам следует рассмотреть вопрос, за какие требования должна бороться революционная организация на предприятии. Некоторые рабочие активисты поддерживают лозунги рабочего контроля. На наш взгляд, подобная идея является неправильной, что мы и постараемся доказать.

68 лет назад Лев Троцкий в своей «Агонии капитализма и задачах Четвертого Интернационала» дал теоретическую аргументацию в пользу идеи рабочего контроля. Мысль Троцкого состояла в том, что борьбы за экономические требования абсолютно недостаточно, тогда как прямой призыв к пролетарской революции может отпугнуть широкие массы рабочих. Поэтому нужно выдвигать такие требования, которые хитрым образом вовлекали бы рабочих в борьбу за революцию, хотя бы сами рабочие этого не сознавали. Идея подобных «переходных» требований укоренилась в идеологии различных троцкистских организаций, и в программе «На чем мы стоим», принадлежащей поколовшейся на несколько кусков троцкистской РРП. Там мы находим «национализацию банков ... и централизацию всей кредитной системы в руках государства», «отмену коммерческой тайны и установление рабочего контроля за бухгалтерией предприятий», «установление прямого прогрессивного налогообложения и упразднение косвенных налогов» и т.п. «переходные» лозунги. Они, с одной стороны, едва ли могут быть выполнены при сохранении власти буржуазии, с другой же, стороны, подразумевают сохранение этой власти, и потому не являются ни рыбой, ни мясом.

Возьмем, например, лозунг «рабочего контроля за бухгалтерией предприятий». Лозунг рабочего контроля предполагает, что власть на предприятии (и в обществе в целом) остается у буржуазии, рабочие лишь осуществляют контроль за функционированием этой власти. Нет сомнения, что пока буржуазия прочно удерживает власть, она никоим образом не допустит никакого рабочего контроля за своей властью. А в то же время, когда у рабочих и ИТР будет сила, чтобы заставить буржуазию потерять свою собственность на власть, им ни к чему будет ограничиваться полумерами. Зачем рабочий контролем над буржуазной властью, если есть сила свергнуть эту власть вообще? Поэтому, при прочном капитализме лозунг рабочего контроля в большинстве случаев (об исключении мы сейчас скажем) заведомо нереализуем, а в условиях революционной ситуации он представляет вредную полумеру.

На осуществление лозунга рабочего контроля буржуи могут пойти лишь в виде исключения - и именно тогда реализация данного лозунга с наибольшей силой ударит по иллюзиям его сторонников. Владельцы предприятия могут отказаться от коммерческой тайны и открыть для рабочего контроля бухгалтерские книги лишь с целью убедить рабочих, что предприятие находится в таком бедственном положении, что все классовые требования рабочих приведут к его окончательному банкротству. А раз так, то рабочие в интересах родного предприятия должны «войти в положение» своих хозяев и ради сохранения производства потуже затянуть пояса. Нет сомнения, что буржуазия, искусная в двойной бухгалтерии и всевозможных махинациях, достигнет своей цели и что практическая реализация лозунга «рабочего контроля» обернется лишь содействием рабочих сохранению их эксплуатации.

В целом же троцкистские «переходные» требования в их совокупности представляют утопию хорошего и прогрессивного, контролируемого рабочими капитализма - утопию вредную тем, что отвлекает пролетариев от борьбы за собственные классовые интересы и за коммунистическую революцию.

Может показаться, что такие классовые требования, как 6-часовой рабочий день без сокращения зарплаты, регулярная выплата зарплаты не ниже средней по отрасли и т.п. представляют собой аналог лозунгу «рабочего контроля» и прочим «переходным требованиям». Однако так только кажется.

Было бы оторванной от жизни наивностью ограничиваться общими призывами к коммунистической революции и поворачиваться спиной к борьбе рабочего класса за свои повседневные интересы. Эта борьба важна для пролетариев не только сама по себе. Именно в ней - если только она ведется не путем переговоров профсоюзного начальства с капиталистами, но прямым действием пролетарских масс - у пролетариев воспитываются чувства собственного достоинства и солидарности. Только в ходе прямого действия вырабатывается практика принятия решений общими собраниями. Только борясь с системой каждый день, люди могут научиться действовать коллективно и менять условия собственной жизни. И в то же время только так они могут преодолеть страх перед законами буржуазно-мафиозного государства. Без всего этого победа пролетарской революции невозможна. Поэтому революционно-пролетарская организация должна быть на передовом крае борьбы за непосредственные интересы пролетариев, отстаивая методы прямого действия (забастовка, перекрытие дорог и т.п.) и решение всех вопросов общими собраниями. Ее непосредственные экономические требования служат лишь общими ориентирами, указывающими на принцип - в ходе пролетарской борьбы пролетариям нужно отстаивать свои интересы без всякого вхождения в интересы буржуев, без всяких забот об отечественном производстве и его рентабельности, но лишь исходя из своей силы. Понятно, например, что там, где у нас нет силы добиться у буржуазии немедленного введения 6-часового рабочего дня, придется - до тех пор, пока не наберем силу - временно согласиться хотя бы на соблюдение 8-часового. Там же, где есть сила навязать буржуазии 4-часовой рабочий день, мы не поколеблемся сделать это...

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА.

Активист Сибирской конфедерации труда (СКТ) -небольшого неФНПРовского профсоюза - написал

в рассылке, объясняя, почему в его организации не действует принцип обязательного решения всех вопросов общим собранием и почему часто вопросы решаются профкомами:

«.. СКТ- это сеть организаций и каждая поступает так, как считает нужным,

т.к. все равно вся работа ложиться именно на эту организацию... Проводить общие собрания порой имеет смысл, порой ни имеет смысла, ситуация на предприятиях очень разная и все зависит от задачи и количества активной части работников. Если профком все берет на себя, значит для этого есть причины.. Отсылка на синдикалистские принципы общих собраний, могут иметь положительный фактор, если это возможно».

В этих словах есть определенная логика. Она связана именно с приспособлением профсоюза к текущей реальности, приспособлением, в результате которого профсоюзу (или отдельным его активистам, которые собственно и формируют профком) где-то выгодно проводить собрания, а где-то нет. То есть основной критерий оценки- сиюминутная выгода, как ее понимают профактивисты на местах.

Но эта логика (несомненно, оправданная с точки зрения профактивистов) не является революционной.

С точки зрения другой, революционной логики есть цель-безвластный коммунизм. И есть средства, которые соответствуют этой цели и только с помощью которых можно ее достичь. Эти средства - прямое действие, принцип принятия решений общим собранием, отказ от судов и т.д. Частичная экономическая борьба - это не цель в себе, она необходима в т.ч. потому, что в процессе нее миллионы очень разных людей могут научиться совместно принимать решения, могут перестать уважать власть и перестать бояться чиновничьего закона и чиновничьего произвола, короче говоря, стать способными к коммунистической революции.

Перед современным человечеством все более грозно встает выбор: или всемирная революция, уничтожение капитализма, замена его безгосударственным и бесклассовым обществом, или экологические катастрофы и войны планетарного масштаба, конечным результатом которых станет гибель человечества. Пролетарская революция - это единственное средство спасения человечества от гибели, пролетарская борьба ведется не просто за улучшение жизни какой-либо группы пролетариев, но и за спасение жизни настоящего и будущих поколений - и, в не меньшей степени, за спасение смысла жизни прошлых поколений. Именно исходя из этого, следует оценивать средства пролетарской борьбы.

В самом деле, если даже какая-то группа пролетариев путем хождения по судам, обращения к депутатам Госдумы или переговоров профсоюзного начальства с администрацией сумеет добиться повышения зарплаты, но в результате этого пролетарии привыкнут полагаться не на свою собственную силу, а на помощь начальства, и благодаря этому через 20 или 30 лет не смогут помешать этому начальству угробить их вместе со всем человечеством в какой-нибудь патриотической войне - то ясно, что по большому счету, увеличение зарплаты оказалось бессмысленным, - если только не считать правильным принцип упадочных классов: живи одним днем.

У нас, пролетарских революционеров, есть цель - освобождение человечества путем коммунистической революции, и есть средства, ведущие к этой цели (это не означает, что творческая мысль пролетариата не способна находить какие-то новые средства). Лишь та пролетарская борьба имеет смысл, в ходе которой у пролетариев воспитывается чувство собственной силы и собственного достоинства, исчезает вера в помощь начальства, исчезает страх перед властью и ее законами, развивается умение решать свои дела вместе, коллективом.

Конечно, без повседневной работы, повседневной борьбы на производстве или по месту жительства, жизнь изменить невозможно. Но сама подобная борьба без собраний, без отвержения законов и т.д. для наших целей бесполезна.

По счастью, у нас есть простой выход на повседневную жизнь трудящихся. Мы должны говорить борющимся трудящимся - и это лучший способ агитации за безвластный коммунизм- что наша цель - бесклассовое и безгосударственное коммунистическое общество - это такой строй, при котором собрания, подобные вашему, и подконтрольные им советы и будут решать все вопросы жизни общества, самостоятельно или договариваясь между собой. Но без практики реальной борьбы трудящихся, борьбы, руководимой их общими собраниями, нам гораздо сложнее это объяснить. Без такой практики мы можем это объяснить лишь одиночкам, но не массам людей.

Каждая забастовка, даже проводимая за частичные экономические требования, если она осуществляется методами прямого действия и руководится общим собранием борющихся пролетариев, содержит в себе зачатки революции, является прообразом будущего строя. Важны не только цели борьбы, но и ее средства - содействуют ли они сохранению покорности и подчиненности пролетариев, их веры в устойчивость существующего порядка, как обстоит дело с забастовками, контролируемыми профбюрократией и протекающими в рамках буржуазной законности, или, напротив, воспитывают у пролетариев чувства достоинства и солидарности, привычку решать все вопросы собственной коллективной борьбой, как делают пролетарские выступления, руководимые общими собраниями и применяющие методы прямого действия.

КАПИТАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Квалифицированные рабочие нередко удивляются, почему русские капиталисты так бестолково и неудачно организуют производство - не обращая при этом внимания на исходящие от квалифицированных

рабочих рационализаторские предложения. Почему же буржуи лишают себя тем самым потенциальных прибылей? Для ответа на этот вопрос недостаточно сослаться на присущую русской буржуазии психологию временщиков, стремящихся урвать максимальную прибыль в минимальный срок и равнодушных к долгосрочным перспективам. Эта психология временщиков имеет свое объяснение в материальных условиях.

Русский капитализм традиционно зависит от государства, игравшего выдающуюся роль в русской истории. Любой предприниматель, каким бы крупным он не был, может в любой момент потерять свое место по решению высокопоставленных чиновников. Какой же смысл ему тогда проводить долгосрочную хозяйственную политику, вкладывать деньги в модернизацию производства и принимать рационализаторские предложения трудящихся, в надежде извлечь из всего этого прибыль когда-нибудь в будущем? Ведь будущего у него может и не быть. Куда надежнее извлечь максимум доходов из существующего производства в минимально короткие сроки, а там хоть трава не расти.

Вообще, при капитализме недостаточно что-либо произвести. Произведенное нужно продать, в противном случае с точки зрения капитализма производство окажется напрасным. Нужен рынок сбыта. В современную эпоху этот рынок сбыта крайне узок. Мировые производительные силы переросли капиталистические производственные отношения. Хотя молочных рек и кисельных берегов нет и не предвидится, современное производство, если реорганизовать его на рациональных началах, сделает возможным удовлетворение базовых здоровых потребностей всех людей, которые смогут быть сыты, одеты, иметь жилье, лечиться и иметь доступ к знанию. Но капитализм интересуется не потребностями, а платежеспособным спросом. Платежеспособный же спрос класса пролетариев, т.е. большинства населения, неизбежно должен быть низким, поскольку, чем он ниже, тем, при прочих равных условиях, выше прибыль капиталистов. Так капитализм запутывается в собственных неразрешимых противоречиях - чем выше прибыль буржуазии и чем ниже зарплата пролетариев, тем уже рынок и тем неизбежнее экономическая стагнация.

Из отраслей российской экономики обеспеченный рынок сбыта имеют добыча сырья (экспортируемого на внешний рынок) и военная промышленность (производящая оружие как для русской армии, так и на экспорт - вообще говоря, зависимость от военных казенных заказов является старой традицией русского капитализма). Не следует забывать также о рынке сбыта, создаваемом паразитическими потребностями буржуазии и «среднего класса», хотя эти буржуазные классы в значительной степени потребляют импортные товары. В целом же российский внутренний рынок весьма узок из-за крайней бедности населения. Пойти на увеличение доходов пролетариата, отказаться от части своей прибыли и создать таким образом обширный внутренний рынок русская буржуазия не может, так как это противоречило бы всем принципам существования капитализма. Вот и остается ей продавать нефть и газ на мировом рынке да выполнять военные заказы. Отсюда и следует парадокс потенциально богатой страны с крайне бедным народом - парадокс, обусловленный не злой волей отдельных лиц, но логикой функционирования капитализма.

Русский капитализм имеет тупиковый характер - как и весь современный мировой капитализм вообще. Современный капитализм может существовать лишь от кризиса к кризису, от катастрофы к катастрофе. Нагромождая противоречие на противоречие и катастрофу на катастрофу, он неизбежно приведет к гибели человечество - если до этого не будет уничтожен сам.

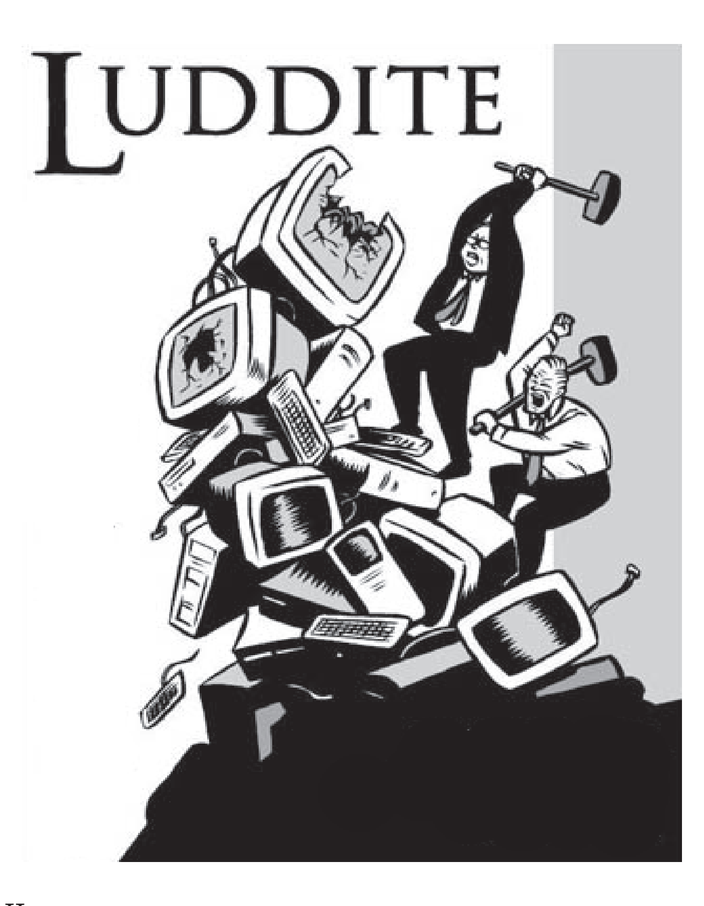
Уничтожение капитализма может быть совершено лишь освободительной революцией класса пролетариев - лишенных собственности и власти работников. Промышленные рабочие - не единственная, но чрезвычайно важная часть класса пролетариев, в равноправном союзе со всеми другими группами пролетариата они уничтожат буржуазный мир.

Поражение пролетарских выступлений в России в 1989-1991 и 1998-1999гг. объясняется в первую очередь тем, что пролетарии имели иллюзии, будто улучшение их жизни возможно не посредством уничтожения капитализма, но посредством смены одной его формы на другую. Чтобы подобная неудача не повторилась, следует порвать с иллюзиями о возможности хорошего, гуманного и прогрессивного капитализма. Следует любое пролетарское выступление соединять с перспективой всеохватывающей освободительной революции. Реформирование российского капитализма, профсоюзная деятельность по штопанию заплат на грязном от пролетарского пота и крови буржуазном халате, программа «переходных требований» и создания переходного, не капиталистического и не социалистического общества - все это безжизненные утопии. Они не выводят общество из тупика полного маразма и разложения. Коммунистическая революция - единственная альтернатива мучительной смерти в этом тупике.

М. И.

2006 г.

К ВОПРОСУ О ПРОФСОЮЗНОЙ БОРЬБЕ



Нас, левых коммунистов, являющихся принципиальными противниками профсоюзов, всевозможные троцкистские пособники профсоюзной бюрократии очень часто обвиняют в сектантстве и догматизме. По логике троцкистов, наша оппозиция их профсоюзной возне якобы вытекает из нашего стремления сохранить в чистом виде правильность теории, тогда как они, троцкисты, сопереживая всей душой «простым людям», рвутся помочь «реальной борьбе простых живых людей за достойную жизнь», и исключительно ради помощи простым людям плетут сложные интриги в бюрократических профсоюзных аппаратах.

На самом деле, если мы являемся противниками профсоюзов и интриг в них, так это не потому, что мы будто бы хотим сохранить чистоту теории путем изоляции от действительности, а потому, что действительность убеждает нас на каждом шагу, что в условиях современного капитализма профсоюзы могут только предавать и продавать реальную борьбу пролетариев (которые, заметим, могут быть не менее сложными людьми, чем даже утонченные троцкисты), что профсоюзная деятельность как путь к освобождению пролетарского класса в условиях современного капитализма в лучшем случае, невозможна, в худшее случае, вредна, так как вселяет в пролетарские массы заведомо неисполнимые иллюзии и развращает пролетарских активистов, содействует их превращению в прислужников буржуазии.

Начнем с азов. Профсоюз по своей природе есть реформистская организация, борющаяся за улучшение положения рабочего класса в рамках капитализма (с этим согласятся и троцкисты). Отсюда следует, что успешность профсоюзной борьбы даже в этих скромных рамках возможна лишь в условиях прогрессивного капитализма, когда буржуазия готова поделиться с рабочими массами плодами капиталистического прогресса, дабы эти массы с тем большим энтузиазмом выращивали для господ буржуа плоды куда более сочные.

Современный капитализм - в мире вообще, в СНГ в особенности - находится в стадии кризиса, упадка и деградации. При современной чудовищной изношенности оборудования на российских предприятиях, при нежелании и невозможности для русской буржуазии осуществить модернизацию производства единственно возможный способ для нее получать прибыли заключается в сврхэксплуатации рабочего класса. Делиться с ним, идти ему на уступки под воздействием профсоюзной борьбы русская буржуазия просто не может в силу объективных причин - в силу упадочного характера современного российского капитализма. Примеры, когда профсоюзная борьба в современной России имела эффективный характер, относятся к очень специфическим отраслям производства (докеры, авиадиспетчеры и т.п.), в которых занята весьма незначительная часть рабочего класса современной России.

Невозможность профсоюзной борьбы для подавляющего большинства рабочего класса России имеет еще одну причину. Русская буржуазия не способна идти на уступки своим наемным рабам не только объективно, но и субъективно. В самом деле, каковы два главных источника происхождения современной русской буржуазии? Это сталинский государственный аппарат и мафия. Ни тот, ни другой институт не были школой социального компромисса, а между тем правящий класс России по сей день представляет собой единую в трех лицах троицу чиновника, бандита и бизнесмена. О какой такой профсоюзной стачке может идти речь в городке, где «все схвачено» данной троицей? Правящий класс России даже внутри себя привык решать дела посредством прямого насилия, с какой стати он будет вести себя по отношению к своим рабам по-другому? Идти по пути наивного профсоюзничества означает в данных условиях просто подставлять рабочих активистов под террор правящего класса, под террор, к которому они будут абсолютно не готовы ни физически, ни психологически.

Значительную и весьма важную часть современного российского пролетариата составляют рабочие-мигранты. Какую такую борьбу в рамках профсоюзов они могут вести, когда профсоюзы ограничивают свою деятельность рамками законов, а для законов рабочих-мигрантов не существует вообще?

При нынешних порядках и при нынешних законах в России, при антизабастовочном законодательстве, при

тесной срощенности буржуазии, мафии и спецслужб профсоюзная реформистская борьба в России просто невозможна. Нынешний спад забастовочного движения в России после его подъема лета 2007-весны 2008гг. объясняется как раз тем обстоятельством, что рабочие почувствовали это по реакции властей на забастовку на «Форде» и на стачку железнодорожников, а к другим формам и методам борьбы рабочие пока в большинстве своем не готовы.

Вот что с горечью душевной пишет о рабочей борьбе в современной России в своем «Кратком информационном обзоре протестной и забастовочной активности в России в первом полугодии 2008 г.» эксперт реформистского ИКД П.В. Бизюков: «Преобладают стихийные акции, роль профсоюзов, чаще всего, сводится к координации действий, возникающих стихийно. Организованные коллективные трудовые споры встречаются редко. Стихийные конфликты чаще приводят к положительным результатам, чем организованные коллективные споры... Большинство зафиксированных акций проходят в форме несанкционированных акций - остановок работы, голодовок, стихийных акций. Забастовок, которые проходят в форме организованных трудовых споров немного. Кроме того, как показывает опыт предыдущих лет, суды часто не признают законными забастовки, даже если они начались как официальные коллективные трудовые споры. Незаконная забастовка московских железнодорожников, которые пытались начать коллективный трудовой спор в прошлом году, привел их к пониманию необходимости проводить необъявленные акции, которые нельзя предотвратить и проигнорировать. Именно такой способ становится наиболее эффективным средством привлечения работодателя к диалогу, и привлечения внимания властей.

Такая практика свидетельствует о неработоспособности закона, так как в стране, при высокой степени неурегулированности трудовых отношений, достаточно высокой конфликтности, практически нет законных забастовок.

Роль профсоюзов в трудовых конфликтах, судя по всему, невелика. В лучшем случае, профсоюз «сопровождает» забастовщиков, т.е. организуем им консультации, помощь, посредничество. Сами профсоюзы очень редко могут организовать законную забастовку в рамках коллективного трудового спора. Поэтому работники начинают действовать до того, как профсоюз сможет развернуть сложную процедуру подготовки к забастовке. Профсоюз не может ни присоединиться, ни возглавить такую акцию, так как он, в этом случае несет ответственность за организацию забастовки. Подобную ситуацию можно оценить следующим образом: нынешнее законодательство, за счет сложной процедуры не предохраняет экономику от безответственных [!!!] забастовок. До определенного уровня напряженности такой закон просто гасит забастовки, а потом, когда «градус кипения» поднимается выше критической отметки, закон не позволяет трудовым конфликтам протекать в законной форме, отталкивая профсоюзы и провоцируя стихийные акции...

Ситуация с забастовками постепенно выходит из-под контроля. Способность закона «гасить» забастовки, видимо, исчерпана. Есть много причин, усиливающих социальную напряженность в сфере социально-трудовых отношений. Возникающие там противоречия не разрешаются в открытой и законной форме, а накапливаются, и взрываются в виде стихийных акций. При росте числа стихийных конфликтов ситуация будет усугубляться. Жесткое подавление акций протеста работников приведет к росту возмущения и катализирует протесты, то же самое произойдет, если санкций не будет, и станет понятно, что нарушение жесткой процедуры можно осуществлять безнаказанно...

Другой тревожной тенденцией стало появление такой причины, как невыплаты зарплаты. Это свидетельствует о высокой степени неурегулированности трудовых отношений на некоторых предприятиях. Причем, на некоторых предприятиях, где возникли задержки зарплат, есть профсоюз, который не смог, или не имел возможности урегулировать эту проблему. Все это создает неблагоприятный фон для развития трудовых отношений в стране. Рост стихийных акций и возвращение неплатежей напоминает ситуацию второй половины 1990-х годов, которые вылились в массовое забастовочное движение и «рельсовые войны...»».

Однако, как показал пример всплеска рабочей борьбы 1998-1999г., стихийный пролетарский протест абсолютно недостаточен, чтобы положить конец бедствиям пролетариев и обеспечить им «достойную жизнь». Такая достойная жизнь вообще невозможна до тех пор, пока они остаются пролетариями, наемными рабами. Достойную жизнь, человеческое достоинство пролетарии могут завоевать, лишь перестав быть пролетариями, лишь свергнув капитализм. Свергнуть капитализм невозможно, ограничиваясь экономической борьбой за заработную плату, свержение капитализма подразумевает революционную борьбу за уничтожение системы наемного рабства. Вопреки распространенному у наших троцкистов мифу (воскрешающему миф старых «экономистов» и меньшевиков), революционное сознание и революционная борьба не являются дальнейшим развитием профсоюзного сознания и экономической борьбы, они возникают из другого источника и лежат в другой плоскости, чем эти последние.

Экономическая борьба, представляющая собой борьбу за выживание в условиях капитализма, сама по себе неспособна объединить класс пролетариев в революционную силу. Эту борьбу за выживание изо дня в день ведут все пролетарии, не думая при этом в большинстве случаев ни о каких забастовках и профсоюзах, а равным образом не думая ни о какой классовой солидарности. Рабочий Иванов, получивший более выгодную работу за счет рабочего Петрова, ведет индивидуальную экономическую борьбу, причем судьба потерпевшего поражение

в этой борьбе Петрова его, по общему правилу, не волнует. Если в экономической борьбе за выживание объединяются рабочие целых предприятий и даже отраслей, и если она принимает профсоюзный и даже стачечный характер, она не перестает при этом сама по себе находиться в рамках капитализма. Взятая сама по себе, экономическая борьба рабочих отдельных категорий не создает солидарность всего угнетенного класса, она может не объединять, а разделять рабочих, замыкать их в профессиональной изолированности, решать проблемы одних групп рабочих за счет других (забастовки работников общественного транспорта выходят боком остальным пролетариям, вынужденным этим транспортом пользоваться; забастовки учителей создают головную боль пролетариям, чьи дети ходят школу; забастовки 90-х годов обыкновенно кончались тем, что власти перебрасывали бастующей категории работников часть требуемых ими денег, но деньги эти брались не из прибылей буржуазии, а из средств, предназначавшихся другим группам работников).

Если при всем при том забастовочная борьба является школой коммунизма, то это потому - и только потому - что в ней пролетарии бросают вызов казавшимся всемогущими капиталу и государству, в борьбе утверждают свое человеческое достоинство, в борьбе учатся не бояться, думать, действовать и организовываться. Только поэтому и только так экономическая забастовка рабочих может стать школой коммунизма, только поэтому она может вести к развитию классовой солидарности. С точки зрения непосредственных экономических интересов, шахтеру нет дела до учителя, а учителю - до машиниста, но если кто-то из них покажет пример борьбы и сопротивления, это докажет другим группам работников, что борьба и сопротивление возможны и пробудит у них чувство солидарности.

Чтобы быть школой коммунизма, забастовка должна осуществляться под контролем общего собрания забастовщиков. Именно оно должно принимать все ключевые решения. Забастовка, судьбу которой решают профсоюзные чинуши за спиной рабочего класса, такая забастовка оставляет пролетарские массы пассивными марионетками в руках господ и начальников и не развивает, а гасит развитие сознательности и инициативы угнетенного класса. Одна из проблем наших троцкистов состоит в том, что они в упор не понимают тех самых «простых людей», борьбе за «достойную жизнь» которых они вздумали помогать. Троцкисты считают себя революционными социалистами, но боятся выступать в таком качестве перед угнетенными массами, которые, как известно, по простоте своей не поймут таких сложных вещей и могут быть вовлечены в революцию лишь сложной тактикой, лишь против своей воли. В итоге взаимодействие троцкистов и рабочих происходит так: Некие троцкисты пришли в начавший стачку рабочий профсоюз и выразили готовность оказать ему всякое содействие (для простоты картины берем случай, что профсоюз возглавляется не продавшимися буржуазии чинушами, а искренними рабочими активистами). Современные рабочие активисты, как и современные рабочие вообще, воспитаны условиями современного капитализма, приучающими любого и всякого, что все живут по принципу: каждый за себя. Поэтому рабочие активисты в упор не понимают, с какой стати вызвались помогать нам люди, которые видят нас в первый раз в жизни и которые, судя по всему, не имеют никакого отношения ни к нашему предприятию, ни к рабочему классу вообще (как известно, отыскать среди наших троцкистов кадрового рабочего лишь немногим легче, чем совершить мировую революцию). Не без оснований они предполагают за непрошеными доброхотами некие тайные виды. Помощь (тем паче бесплатную!), они, однако же, с готовностью принимают, ибо теми же условиями жизни при капитализме приучены к тому, что всякая дрянь в дело сгодится. Дальше отношения между двумя сторонами развиваются в зависимости от ситуации, но обыкновенно, рабочие активисты, став профсоюзными вождиками и исчерпав надобность в бесплатной помощи, вежливо или невежливо раскланиваются со своими бесплатными помощниками. «Работа с профсоюзами», которую вели различные мелкие левые группы, в реальности была бесплатной работой этих левых групп на мелкое профсоюзное начальство, - и по-другому быть не может. Скрывая свои взгляды и намерения (в прямом противоречии с «Коммунистическим манифестом»!), считая себя революционными социалистами и пытаясь действовать как профсоюзники, троцкисты не могли быть революционными социалистами и, для полного своего счастья, в конце концов обнаруживали, что их польза для профсоюзов немногим превышает пользу пятой ноги для собаки.

Рабочие просто не понимают непрошеных благодетелей, вызвавшихся помогать их экономической борьбе. Их отношения с такими благодетелями всегда остаются отношениями чужих с чужими. Вся идея, что подходы к рабочему классу нужно искать через его непосредственные экономические интересы, основана на ложной предпосылке, т.к. вся действительность современного упадочного капитализма учит рабочих тому правилу, что в сфере экономических интересов царит принцип «каждый за себя». Кто недоволен своими экономическими условиями, может попытаться найти себе другую работу или, в крайнем случае, вместе со своими товарищами на предприятии начать забастовку. Ни для того, ни для другого не нужна ни революция, ни революционеры.

Однако та же действительность современного упадочного капитализма учит рабочие массы, что, выбиваясь из сил в каждодневной изнурительной борьбе за существование, они все равно обречены в этой борьбе на поражение. Любые прибавки к зарплате съедает инфляция, законы, суды и правители стоят на защите интересов богачей и начальников, все индивидуальные и групповые усилия приводят в тупик, что порождает чувство омерзительной безысходности. Именно это чувство может дать толчок к возникновению революционного сознания. Весь современный капиталистический строй враждебен обездоленным массам, играя по его правилам, стараясь выжить в нем, приспосабливаясь к нему, ты

обречен. Достойно жить ты сможешь, лишь сделав обреченным этот строй, лишь уничтожив его. Именно это мы и должны говорить пролетарским массам - не как благодетели, вздумавшие осчастливить «простых людей», а как пролетарии - пролетариям, как те, кто первыми понял то, что с нашей помощью вслед за нами поймет весь наш класс.

Современный капитализм отказался от системы классового компромисса, преобладавшей в мире в 1870-1970-е годы. Мировой пролетариат вообще и российский пролетариат в особенности отброшен на 140 лет назад. Из этого факта и следует исходить при всех планах на будущее, иначе они будут чистой маниловщиной.

Современная Россия представляет собой реставрацию старорежимных самодержавных порядков царской России. Для рабочего класса это означает нищенскую зарплату, чудовищную эксплуатацию, политическое бесправие, полное бессилие перед первым встречным исправником и городовым, неинтегрированность в политическую систему, короче говоря, означает классовую сегрегацию и классовый расизм. В советских букварях печатались стихи, объяснявшие детям условия жизни рабочего класса в царской России:

...А если станет невтерпеж,
В сердцах сожмешь кулак,
Прибавки требовать пойдешь,
Поднимешь красный флаг, -
Жандармы схватят, изобьют,
Узнаешь, где острог,
И как колодники поют,
Когда их путь далек.

Если в полном объеме все это происходит сейчас сравнительно редко, то не по доброте душевной власть предержащих, но единственно потому, что пролетарии пока что не только не поднимают красный флаг, но даже и редко требуют прибавки. Но так скромно ведут они себя в том числе и по той причине, что повседневная действительность доказывает им, что жандармов и острогов для них заранее наготовили про запас - и в избытке...

Пролетарии современной России отброшены на 140 лет назад не только по объективному положению, но и по субъективному самосознанию. Говоря новомодным штилем, у них утеряна классовая идентичность, иными словами, осознание себя в первую очередь классом пролетариев, противостоящим классу буржуазии. Первичное психологическое деление мира состоит в делении его на «мы» и противостоящих этому «мы» «они». В начале 20 века пролетарии России относили себя к «пролетариям», противостоящим «помещикам и капиталистам», сколько пролетариев современной России осознают себя в первую очередь пролетариями, а не «русскими», противостоящими «чуркам и америкосам» и не к семье Ивановых, противостоящей соседям по лестничной площадке - семье Петровых?

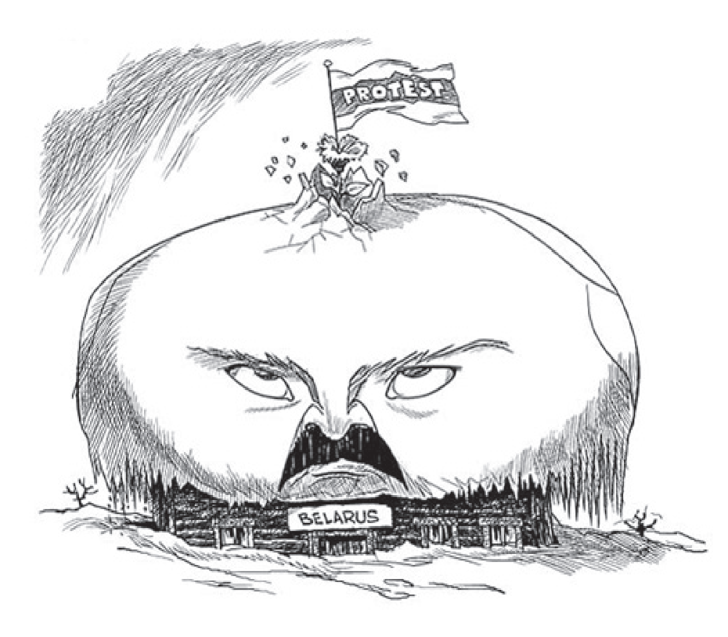
Класс пролетариев как экономическая категория, как совокупность наемных рабов капитала создается самим капитализмом. Но классовую борьбу ведут не экономические категории. Класс пролетариев как политическая сила, как человеческая общность, объединенная общими интересами и общими идеалами и противостоящая классу угнетателей, может быть создан только сознательными действиями людей, их борьбой и самопожертвование. Таким созданием пролетариата и придется нам заниматься. Это скромная задача в сравнении с любимыми среди части троцкистов иллюзиями о близости революции, но на эту скромную задачу пойдет много сил и много жертв, и, не решив ее, ни о чем дальнейшем не может быть и речи...

Не пролетариат выбирает условия для борьбы, но бороться он может, лишь адекватно осознав эти условия. Не пролетарии выбрали слом «социального государства» и возврат к капитализму 19 века, но бороться им предстоит именно в условиях такого капитализма. Будучи отброшены к ситуации царской России, пролетарии волей-неволей будут в формах и способах своей борьбы воспроизводить формы и методы рабочей борьбы и рабочей организации царской России и подобных ей обществ. Учиться им волей-неволей придется не на опыте профсоюзной бюрократии эпохи классового компромисса, но на победах и поражениях Южнорусского и Северного рабочих союзов царской России, Польской социально-революционной партии «Пролетариат», Рабочей федерации Аргентинского региона (ФОРА) и других революционных пролетарских организаций, боровшихся в эпоху классовой сегрегации.

Все такие организации действовали в условиях жесткого буржуазного режима. Все они соединяли борьбу за экономические интересы рабочего класса с борьбой за социальную революцию. Все они вели борьбу посредством прямого классового действия, формы и методы которого зависели от конкретной ситуации.

То, что стоящая впереди борьба трудна необыкновенно, это само собой понятно. Но не мы выбираем условия классовой борьбы, их навязывает пролетариату его классовый враг... Русские революционеры начала 1870-х годов тоже знали, что начинают необыкновенно трудное дело, на котором, быть может, придется лечь костьми двум поколениям. Им не на кого было опереться, кроме как на самих себя - и на многомиллионный обездоленный трудовой народ, застрельщиками борьбы которого они были. Они не шли в подручные профсоюзной бюрократии - каковой и не было тогда, и не пытались помочь «простым людям» через всевозможные земства. В своей пропаганде в народе они прямо и честно призывали к социальной революции, а не к штопанью Тришкина кафтана самодержавия и капитализма. Своей многолетней мученической работой они сумели объяснить народу, что причина всех бедствий и всей неправды состоит именно в господстве самодержавия и капитализма. Итогом их работы стала Великая революция 1917г...

ИЗГНАНИЕ ИЗ СОЦИАЛЬНОГО РАЯ



Минск становится все более чистым, нарядным, цивилизованным и напоминающим нечто средне-европейское. Каждому достанет по кусочку этой красоты. И уставшему от трудов праведных бизнесмену, обзирающему аккуратство проспектов из окон комфортабельного автомобиля. И высокопоставленному чиновнику, шейху, олигарху – любующемуся на озелененные пейзажи при главной реке Свислочи из пентхауса или фешенебельного номера новехонькой гостиницы. И, конечно, пенсионеру – священной корове белорусского государства, неизменному голосовальщику за президента. Теперь он ходит по ровным гладким облагороженным улицам. И все чаще пешком. Льготы отменены.

Слова Друга всех пенсионеров и ветеранов из беседы со студентами БГУ 12 февраля 2008 г.

«Мне говорят: «Вот пенсионеры - ваш оплот и надежда, вот они против вас». Но я не понимаю, почему в городе-герое Минске, где мы миллиарды и миллиарды вкладываем в то, чтобы и тротуары были лучше, и магазины рядом, и аптеки, пенсионер должен бесплатно ехать? Куда? Магазин рядом, аптека рядом, товаров сегодня - дай Бог. Выйди на улицу, даже вот на первый этаж спускайся в магазин, покупай. Если ты хочешь каждый день на другой край Минска с Востока на Запад ехать для того, чтобы внучке, внуку отвезти шоколадку, побыть у своих детей, - купи билет и езжай».

За год в Республике Беларусь отменили множество наследованных от СССР льгот для пенсионеров, школьников, инвалидов, узников концлагерей Второй Мировой войны. Это не российский вариант – с монетизацией и всяческими расшаркиваниями перед бывшими льготниками – просто напрочь отняли, и конец. Без компенсаций. Да еще обхамили вдогонку (см. выше). Не было почти никаких акций протеста. Все настолько привыкли верить в Батьку, что до сих пор убеждены – как-то все само рассосется. Как-то Батька поправит. На Беларуси привыкли верить. Белорусов немножко припугнули, немножко задурили. Они не научились бороться за свои права. Все их попытки тихой беззлобной борьбы неизвестны большинству. Прав господин Президент, зачем колесить по городу? «Если ты такой пугливый, сиди дома, не гуляй».

В Беларуси привыкли видеть случайно уцелевший осколок СССР, эдакий отколовшийся и пустившийся в свободное плавание реликтовый айсберг. На обтаявшем грязном континенте слагаются легенды и песни, как прекрасно на айсберге, как сытно тамошним пингвинам, как главный Белый Медведь печется об их здоровье и безопасности, детстве и старости, предохраняет рыбные угодья от разграблений и ледяные хижины – от приватизации. И он вещает, этот большой и грозный Друг народа, он грохочет, что не даст, не допустит, защитит, отстоит:

«Но сколько предприятий еще «сидят» на дотации государства и никак не могут подняться с колен! <...> Западные теоретики советуют избавляться от таких предприятий, банкротить их. Мол, поднимать экономически отсталые производства невыгодно. Однако мы ни при каких условиях не можем следовать таким советам. Банкротить — это проще всего. А как быть с жителями этих населенных пунктов? С ними что делать? Тоже банкротить? Для нас такие подходы неприемлемы». (Доклад Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании, 3 марта 2006 г.). Там же: «У нас сохранена и приумножена общенародная собственность. Наша экономика развивается не за счет чьих–то подачек, а за счет нашего собственного труда. У нас сохранена и приумножена такая общенародная собственность, которая позволяет защитить наш народ».

Однако энтузиазм убывает. Народолюбие остывает. Чем крепче трон президента, тем приемлемее для него любые подходы. «Подачкам» (инвестициям и кредитам) мы теперь очень рады, а над «общенародной собственностью» не так уж и дрожим (к тому же в новой редакции Конституции это понятие убрано, собственность может быть только государственной или частной; народ не у дел).

«Получается, что в основном мы поддерживаем на плаву бездельников. Зачем нам скидывать огромные средства в нерентабельно работающие сельскохозяйственные предприятия, зачем нам поддерживать бездельников? <...> Пришла пора не только отказаться от поддержания на плаву безнадежно лежащих предприятий, но и прекратить распыление государственных средств на неэффективные либо малоэффективные проекты». (На совещании по вопросам оказания государственной поддержки организациям реального сектора экономики 26 июня 2007 г.)

Ориентиры поменялись, произошла скандальная измена идеалам? Готовы «избавляться», «банкротить», продавать. Отчего не продать – кто пикнет? У любого собственника один идеал – приумножение собственности. И собственности на государство со всеми его замечательными и полезными для владельца механизмами – не исключение. Что на первом плане у любого нормального менеджера капиталистической фирмы? Эффективность. Рентабельность. Конкурентоспособность. В этом

менеджеры страны всегда постоянны в идеалах. Если актив нерентабелен, нужно от него избавиться. Нам говорили что-то противоположное – о социальной значимости нерентабельных объектов и т.п.? Так то ж давно было. Мода изменилась. А власть осталась в тех же руках. За несколько лет проданы иностранным корпорациям и бунтовавший в 2005 г. завод «Мотовело», и государственный оператор сотовой связи «БеСТ», которым собирались гордиться на самом высшем уровне, а сколько заключается контрактов втихую, без контроля общественности?

В 2003 году в своем программном Докладе на Семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов по вопросам совершенствования идеологической работы Глава государства стращал: «Доминирующей и исключительно агрессивной является сегодня идеология либерализма. Либерализм (или точнее — неолиберализм) коротко можно определить как идеологию социального неравенства людей, наживы и индивидуализма. <...> Ну хорошо, представим на минуту невозможное: курс поменяется, и верх возьмут идеи либерализма с культом чистогана и индивидуализма, совершенно чуждым нашему народу. Где будет наша самобытная белорусская культура и где будут эти «свядомыя інтэлігенты»?». Страшно? Ничего, миленькие, потерпите. Это западный либерализм плохой, у нас будет хороший. Мы возьмем из него самое лучшее... конкуренцию. И невозможное возможно. «Но черты либерализма, хотя в меньшей степени, должны быть и нам присущи. Думаю, ничего плохого нет в жесткой конкуренции. Все равно мир в этом развивается, конкуренция порождает высочайшие образцы творчества и результатов труда», - резюмирует отец нации свой крайне логичный и последовательный экскурс в теорию либерализма.

Стоит ли удивляться всему последующему? Либерализация под мудрым руководством радеющего о своем народе отца – не либерализация, а так... Бьет – значит любит. Вчера клял на чем свет стоит МВФ? Значит, так и нужно. Сегодня открывает ему объятия – значит, былые враги исправились.

«Исправляется» - и усердно! – само «государство для народа». По мнению МВФ слишком раскормлен в этом государстве народ и слишком зарегулирована экономика? Исправим-с.

Вскорости после душевных переговоров с МВФ, 1 декабря 2008 года ставка первого разряда волевым решением правительства снижена на 20%. Вслед за ней потянутся вниз зарплаты всего воинства бюджетных работников. Хотя, как мямлил замминистра экономики А. Тур, «в переговорах с МВФ обсуждалась не только динамика зарплаты, но и целый комплекс мер». С комплексами народолюбия борьба идет на славу.

«Под этот момент надо сделать то, чего мы боялись сделать, и спокойно идти в этом направлении. Никакой опасности нет в том, если экономика будет более свободой. Тем более, что мы не потеряли рычаги управления» - заявляется теперь.

Именно! Главное для господ в правительственных кабинетах и банковских офисах – сохранить рычаги управления.

Итак, за время «Государства для народа» на Беларуси:

- началась приватизация «общенародных» предприятий;

- узаконены срочные контракты найма, отдающие работника на произвол хозяина;

- введено невозможное антипрофсоюзное законодательство;

- отняты многие льготы пенсионерам, детям и инвалидам без компенсации;

- снижены зарплаты бюджетникам, и (внимание!)

- грянула гроза либерализации.

Невозможная, проклинаемая и заклинаемая, вечно ставимая в упрек восточному соседу либерализация экономики запущена. И первая ее ласточка – блестящая хирургическая операция по удалению тонкого слоя денежного «сала» из запасников белорусского населения. Операция «С Новым Годом» была молниеносна как блицкриг – не зря при чтении поздравительной речи у Главы государства так воровато бегали глаза – он опять лгал. В сотый или двухсотый раз – лгал. Централизованное снижение курса белорусского рубля на потребованные МВФ 20% и соответственный скачок цен – вот новогодний подарок белорусского руководства покорной нации. Маленький грабительский рейд удался.

Зато у правительства грандиозные планы по благоукрашению столицы. Пяти- и шестизвездочные отели, торгово-развлекательные центры, фешенебельные жилища. Для тех, кто перестал бояться и начал жить.

Беларусь не оазис и даже не вольная льдина. Она одна из шестеренок мирового капиталистического механизма, вынужденная крутиться и тикать со всеми в такт. Во всем мире трудящимся приходится затягивать пояса, чтобы бюрократически-буржуазный тандем мог поддержать привычный для себя уровень жизни. Очередной добрый царь в очередной раз оказываются грубым и подлым обманщиком. А что ему делать? Он не может действовать иначе как по логике развития капитализма. И хотел бы иначе – не вышло бы. Чтобы смочь иначе, нужна не президентская буржуазная республика с сильным государственным аппаратом, который творит с передоверенной ему властью, что хочет, а САМОУПРАВЛЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ. Которые сами себя не обманут.

Францішш Санчэня



В первом номере нашего журнала мы публикуем несколько статей, посвященных германо-голландскому левому коммунизму – революционному течению, бывшему основным объектом критики в работе Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме». Статья Хенка Канне-Майера «Коммунизм рабочих советов в Германии» дает хорошее первичное представление об истории и позициях немецких левых коммунистов, следом за ней идут работы теоретиков движения, Антона Паннекука и Отто Рюле.

Германия была классической страной реформистской эпохи рабочего движения в 1871-1914гг., подобно тому как классической страной раннего, повстанческого рабочего движения являлась Франция. Социал-демократическая партия Германии была доминирующей партией II Интернационала.

Социал-демократия того периода организовывала пролетариев в класс – класс капиталистического общества, она давала им классовое сознание – реформистское классовое сознание. Советский литературный критик 1920-х годов С.М. Третьяков писал в своей статье о датском писателе, выходце из бедняцкой пролетарской среды Мартине Андерсене-Нексе:

«Социал-демократы в юности Нексе были той силой, которая превращала вчерашнего одинокого буяна-забулдыгу в организованного пролетария. На языке маленького Мартина «социал-демократ» означало, что отец-рабочий, доселе ходивший по воскресеньям в кабак и заканчивавший день дебошем, оставался дома с детишками, водя их гулять и читая им книжки» (С.М. Третьяков. Страна-перекресток: Документальная проза. М., 1991, с. 436).

Проблема состояла в том, что организованность, дававшаяся социал-демократией пролетариату, была буржуазной организованностью, иерархической организацией сверху вниз. По мере роста социал-демократии она становилась настоящим государством в государстве. Это государство в государстве возглавлялось новым социальным слоем – бюрократией рабочих организаций – социалистическими парламентариями, функционерами партии и профсоюзов, журналистами их газет и т.п., - слоем, насчитывавшим десятки тысяч человек. Этому социальному слою социальное освобождение пролетариата посредством революции было не нужно, поскольку данный слой уже достиг собственного освобождения, а революция была для неплохо живущих депутатов и партийных начальников хаосом, который был угрозой как для их жизни, так и для занимаемых ими постов. В итоге поддержка социал-демократией Первой империалистической войны и своих буржуазных правительств, ставшая для Ленина громом среди ясного неба, на деле была закономерным результатом уже давно разворачивавшегося процесса. Социал-демократические партии не перешли 1 августа 1914г. в другой классовый лагерь, а лишь честно признали, в каком лагере они находятся.

Однако растущая интеграция СДПГ в буржуазное общество вызывала протесты входивших в партию революционно настроенных пролетариев и интеллигентов. Ранние левые оппозиции в СДПГ – группа Моста и Гассельмана в 1878г. и «оппозиция молодых» в 1890-1891гг. были задавлены руководством партии при одобрении Маркса и Энгельса и исчезли практически бесследно. Устойчивая левая оппозиция в СДПГ возникает в 1900-е годы. Идейным лидером ее была Роза Люксембург. Активная участница не только немецкого, но и польского и русского социалистического движения, она исходила в своей теории из опыта Первой русской революции, убедившей ее, что сила революции и ее основа состоит в стихийном движении миллионных рабочих масс, а не в парламентских махинациях партийных вождей. Роза Люксембург и ее единомышленники (те же Паннекук и Рюле), сталкивавшиеся с самым бюрократизированным рабочим движением мира, раньше и острее, чем революционеры других стран, увидели новый феномен интеграции пролетарского движения в буржуазное общество посредством рабочей бюрократии, и подвергли этот феномен беспощадной критике. Работавшие в тесном контакте с германскими единомышленниками голландские левые марксисты («трибунисты», по названию их газеты) были первыми в развитом капиталистическом мире, кто пошел на организационный разрыв с реформизмом, создав в 1909. свою отдельную партию.

Однако до великих потрясений мировой войны левая оппозиция в Германии и Голландии находилась еще только в идейном и практическом становлении.

Голландская трибунистская партия насчитывала несколько сотен членов и не пользовалась влиянием в рабочей среде. Полный разрыв с социал-демократической теорией и практикой стал неизбежным результатом Первой Империалистической Войны. Для людей, отдавших долгие годы старой партии и воспитанных в ее традициях, этот разрыв был делом нелегким, не все прошли по нему до конца – кто-то постепенно вернулся в старое болото, кто-то – как замечательные, при всех их ошибках, революционеры Карл Либкнехт и Роза Люксембург – был убит классовым врагом, не успев сделать всего, что мог сделать.

Радикализация пролетарской борьбы в Германии явилась результатом мировой войны (Голландия в войне не участвовала, поэтому в ней не было ни революции, ни Всеобщего рабочего союза, а тамошние левые коммунисты остались пропагандистской группой). Это было неизбежно, но в этом заключалась будущая проблема. Активисты КРПГ, AAUD и AAUD-E были убеждены, что пробил, наконец, последний час тирании капитала. Однако что и как делать, если капитал сумеет удержать свое господство на несколько лет и уж тем более десятилетий? – Ответа на этот вопрос не было. Более того. Причиной краха КРПГ в 1922г. стало то обстоятельство, что часть лидеров и активистов на полном серьезе стала утверждать, что участие в забастовках – это обыкновенный реформизм, нужна борьба за немедленную революцию, и никак не меньше.

В КРПГ на пике ее силы входило 42 тысячи человек, в AAUD – 300 тысяч, в AAUD-E – 60 тысяч. Это огромные цифры, если сравнивать их с количеством активистов современных революционных групп. Однако не следует забывать, что в социал-демократические профсоюзы входило в то время 8 миллионов рабочих. Левокоммунистические организации объединяли авангард, передовой отряд своего класса – не меньше, но и не больше.

То, что они не смогли стать чем-то большим, объясняется в конечном счете уровнем развития производительных сил. Отсутствовали «средства общения», позволяющие огромным массам людей коллективно, без начальников и вождей, вырабатывать и принимать общие решения, а порабощенные иерархическим разделением труда на фабриках рабочие в большинстве своем были готовы принимать такое разделение труда и в своих классовых организациях. В результате то, что делали последовательные революционеры, оказалось работой на будущее – при поражении в настоящем.

Рост левокоммунистического движения в Германии был ответом передовой, самой борющейся и думающей части пролетариата, на Первую мировую войну. Когда капитализм смог раздавить революцию 1918-1923гг. и стабилизировать на несколько лет свою экономику, последовал крах левокоммунистического движения в Германии. Когда в 1929г. началась Великая депрессия и стало понятно, что до стабилизации капитализма еще далеко, попытки остатков Коммунистической рабочей партии и Всеобщих рабочих союзов вести активную работу среди движений безработных уперлись в то обстоятельство, что это движение жестко контролировалось сталинистами и нацистами (как сохранявшие работу рабочие контролировались социал-демократами).

Замечательная организованность немецкого рабочего класса нашла свое завершение в капитуляции без боя перед Гитлером. Входившие в СДПГ и КПГ рабочие ждали приказа к восстанию от «своих» партий – и, ясное дело, не дождались. Куда менее организованный испанский пролетариат ответил на франкистский путч стихийным восстанием.

Потерпели в конце концов поражение и немецкие, и испанские рабочие. Старое революционное рабочее движение со всей его силой и со всеми его слабостями было добито совместными усилиями фашизма, сталинизма и буржуазных демократий в Первой мировой войне. Память о нем осталась...

Современный капитализм, сломав классовый компромисс и уничтожив тем самым реформистское рабочее движение, вернул пролетариат в досоциал-демократическое состояние «одиноких забулдыг», ходящих по воскресеньям в кабак или добронравных обывателей, смотрящих по вечерам телевизор (100 лет назад о совершенно ином мире писал будущий теоретик германо-голландского левого коммунизма Герман Гортер «Раньше добрые нравы требовали, чтобы рабочий по вечерам был дома, теперь – и чем дальше, тем больше – нравы таковы, что рабочий по вечерам идет на собрание своей партии, профсоюза или культурно-просветительского общества» (Г. Гортер. Исторический материализм. М., 1919, с. 77). Невыносимость современного буржуазного мира ощутима все сильнее и страшнее. Что делать и как бороться? Восстанавливать старое социал-демократическое рабочее движение с его парламентариями и профбоссами, ведущими закулисные сделки с буржуазией? Но возможен ли классовый компромисс при современном упадочном капитализме, могущем существовать лишь при безжалостной эксплуатации, обездоленности и деградации пролетариев? И стоит ли современным рабочим активистам идти по пути шорника Эберта и слесаря Носке, зная, что Эберт и Носке в конце концов стали палачами и душителями немецкого пролетариата, из которого они **вышли** посредством парламентской и профсоюзной карьеры?

Поэтому новое освободительное движение угнетенного класса будет отталкиваться – когда оно возникнет - не от традиций парламентаризма, профсоюзничества и иерархических партаппаратов, оставленных социал-демократией, но от других, социально-революционных, традиций - к числу которых принадлежит и традиция германо-голландского левого коммунизма. Это не означает, что данные традиции можно просто воспроизвести в прежнем виде в мире, ставшем другим за 90 лет.

Критическому переосмыслению традиции германо-голландского левого коммунизма место не здесь и не сейчас. Скажем лишь об одном.

КРПГ, AAUD и AAUD-E были организациями прежде всего фабрично-заводского пролетариата и ориентировались на фабрично-заводской пролетариат (хотя следует помнить, что к ним тяготели несколько сотен представителей революционизированной художественной интеллигенции, создавших особое профессиональное объединение в составе AAUD и вместе с интересовавшимися данными вещами рабочими развивавших немецкий Пролеткульт). За 90 лет мир стал другим. Сегодня фабрично-заводские

рабочие – лишь часть пролетариата – класса лишенных власти и собственности и угнетенных капиталом и государством. Поэтому сегодня рабочистские элементы в теории и деятельности левого коммунизма эпохи Немецкой революции являются абсолютно устаревшими...

Коммунизм рабочих советов в Германии

Хенк Канне-Майер (1890 - 1962), рабочий-металлист, позднее учитель, работал в «Группе Интернациональных Коммунистов» и вместе с Яном Аппелем некоторое время был лидером голландской Коммунистической рабочей партии. Участвовал в составлении «Основных принципов коммунистического производства и распределения», автор множества мелких работ: «К истории коммунизма Советов в Голландии» и др.

Настоящая работа была впервые опубликована в 1938 г. в голландском журнале «Коммунизм Советов» (3, ноябрь 1938). В слегка измененной редакции она была опубликована во многих журналах революционных групп, в последний раз - в 1965 г.

Данное исследование не является работой специалиста в области государства и права. Ее цель также не состоит в том, чтобы вызвать в памяти случайные явления или увязать вместе детали, связанные с особой исторической ситуацией, но попытаться выявить некоторые крупные, исторически значимые черты. В равной мере оно пытается показать, что поражение Советского движения в Германии в 20-е гг. объяснялось прежде всего господством традиционных представлений, все еще влиявших на менталитет рабочих, и продемонстрировать, насколько сильна необходимость разработать новые идеи, адекватные переживаемой нами эпохе. Наконец, - несмотря на необыкновенные проблемы, выдвигаемые этой задачей вместе с новыми идеями и перед радикальными левыми - оно подчеркивает, что поиск нового в классовой борьбе и пропаганда нового мира являются одним из немногих средств, которыми могут воспользоваться сторонники идеи Советов, чтобы действовать в направлении всеобщего независимого классового движения, когда таковое возникнет.

Для читателя, который занимается проблемами, могущими возникнуть при возможном изменении общества самими рабочими, движение Советов, появившееся в XX веке в развитых странах, служит ценным объектом осмысления. Без сомнения, от него потребуется определенное мысленное усилие, но мы надеемся, что дело того стоит.

Начало революции

В ноябре 1918 г. германский фронт рухнул. Солдаты дезертировали тысячами. Вся военная машина развалилась. Тем не менее, морские офицеры решили дать последний бой, чтобы спасти свою честь. Матросы отказались повиноваться. Это было не первое их выступление, но все предыдущие были подавлены пулями и приказами. На сей раз непосредственной преграды уже не было; сперва на одном военном корабле, затем и на других было поднято красное знамя. Матросы избрали делегатов, которые создали Совет. С этого момента они вынуждены были делать все, чтобы движение расширялось. Они не хотели гибнуть в борьбе с врагом, но если бы они остались в изоляции, вмешались бы так называемые лояльные воинские части, вспыхнула бы новая борьба и наступило новое подавление. Матросы покинули свои корабли и захватили большой гамбургский порт; оттуда они поездами или другими способами отправились по домам.

Жест освобождения был совершен. Отныне события опережали друг друга. В Гамбурге матросов встретили с восторгом; солдаты и рабочие солидаризировались с ними и также создали Советы. Хотя эта форма организации была до тех пор практически неизвестна, в течении четырех дней плотная сеть рабочих и солдатских Советов покрыла всю страну. Возможно, люди слышали о российских Советах 1917 года, но наверняка очень мало: об этом позаботилась цензура. В любом случае, эту форму борьбы тогда не предлагала ни одна партия, ни одна организация.

Предшественники Советов

Но уже во время войны на германских фабриках появились организации, которые можно сравнить с Советами. Они были образованы в ходе стачек выборными ответственными, которых называли «доверенные лица». Профсоюзы наделяли их небольшими функциями; они должны были, в соответствии с немецкой профсоюзной традицией, осуществлять связь между рядовыми работниками и профсоюзами, передавая профсоюзному руководству в центре требования рабочих снизу. Во время войны чаще всего случались жалобы на интенсификацию труда или повышение цен. Но германские профсоюзы - как и в других странах - вошли в единый фронт с правительством и гарантировали, таким образом, социальный мир в обмен на небольшие улучшения для рабочих и участие профсоюзных вождей в официальных учреждениях. От этого страдали и доверенные лица. «Радикалы» рано или поздно призывались в армию и отправлялись в специальные подразделения. Было очень трудно отстаивать свою позицию вопреки профсоюзам.

В итоге доверенные лица прекратили информировать профсоюзы - что им было нетрудно -, но ситуация, а значит, и требования рабочих оставались, тем не менее, теми же самыми; они организовывались втайне. В 1917 г. страну внезапно сотрясла волна диких стачек. Это движение было стихийным и не руководилось никакой твердой организацией. Если оно, тем не менее, проходило с известной сплоченностью, то лишь потому, что ему предшествовали дискуссии и договоренности между отдельными фабриками, поскольку доверенные лица перед акцией установили связи между собой.

В этих движениях, порожденных невыносимым положением, в отсутствии какой-либо организации, к которой существовало бы хотя бы минимальное доверие, различные политические воззрения рабочих (социал-демократические, религиозные, либеральные, анархистские и др.) отступили на задний план перед лицом веления часа. Трудящиеся массы были вынуждены сами принимать решения на уровне фабрик. Осенью 1918 г. эти движения, имевшие до тех пор лишь спорадический характер и более или менее связанные между собой, приобрели прочную и всеобщую форму. Параллельно классическим аппаратам управления (полиции, трудовому ведомству, снабженческому ведомству и т.д.), а иногда вместо них рабочие Советы взяли в свои руки власть в важнейших промышленных центрах: Берлине, Гамбурге, Бремене, Рурской области, в Средней Германии, в Саксонии. Но их успехи были минимальны. Почему?

Легкая победа

Эта безрезультатность проистекала из самой легкости, с которой создавались рабочие Советы. Государственный аппарат утратил всякий авторитет; если он то тут, то там разваливался, то отнюдь не в результате ожесточенной, упорной борьбы самих рабочих. Их движение натолкнулось на пустоту и поэтому могло без больших трудностей расширяться, без необходимости вести борьбу и думать о борьбе. Единственная цель, о которой велась речь, была цель всего народа: мир.

В этом состоит одно из важнейших отличий от российской революции. В России первая революционная волна, Февральская революция, разбила царский режим, но война продолжалась. Поэтому движение объединенных рабочих было вынуждено усиливать свой нажим, должно было показать свою решительность и смелость. Но в Германии первое требование народа - мир было незамедлительно исполнено; кайзеровское господство без церемоний уступило место республике. Но что это будет за республика?

Пред войной у рабочих на сей счет не было расхождений. Рабочая политика, которая как в теории, так и на практике делалась социал-демократической партией и профсоюзами, принималась и признавалась большинством организованных рабочих. Для членов социалистического движения, которое сформировалось в ходе борьбы за парламентскую демократию и социальные реформы и на которое эта борьба наложила отпечаток, буржуазно-демократическое государство призвано было в один прекрасный день стать рычагом социализма. Достаточно будет завоевать большинство в парламенте, и социалистические министры затем шаг за шагом национализируют экономическую и социальную жизнь, и это будет социализм.

Существовало тогда и без сомнения революционное течение, наиболее известными представителями которого были Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Но это течение никогда не занимало четкой оппозиции против государственнического социализма; оно лишь образовало оппозицию внутри старой партии, и для рядовых людей это оппозиционное направление не было ясно отделено от всей партии. Новые концепции

Тем не менее, в дни больших массовых движений 1918-1921 гг. проявились и новые представления. Они не были делом мнимого авангарда, а вырабатывались самими массами. Самостоятельная активность рабочих на практике нашла свою организационную форму: Советы, эти новые организации, действовали вполне в духе класса. И поскольку существует теснейшая связь между формами борьбы, созданными классовой борьбой, и представлениями о будущем, естественно, что старые представления начали шататься. Теперь рабочие сами вели свою борьбу, вне партийного и профсоюзного аппарата; идея о том, что массы через Советы должны оказывать прямое влияние на общественную жизнь, начала обретать очертания. Лишь в этих рамках возможна «диктатура пролетариата», такая, которая не осуществляется партией, а служит выражением осуществленного наконец единства всего трудового народа. Конечно, такое общественное устройство не является демократическим в буржуазном понимании, поскольку та часть народа, которая не принимает участия в новой организации общественной жизни, не имеет голоса ни при обсуждении, ни при голосовании.

Мы сказали, что старые представления начали исчезать. Но стало ясно, что профсоюзные и парламентские традиции слишком глубоко укоренились в массах, и не могут исчезнуть за такой короткий срок. Буржуазия, социал-демократическая партия и профсоюзы напоминали об этих старых традициях. Особенно партия высокими словами приветствовала эту новую форму, посредством которой массы могли участвовать в общественной жизни. Она пошла еще дальше и потребовала, чтобы эта новая форма прямого господства была признана и подтверждена законом. Но выражая им свою симпатию, старое рабочее движение приблизилось к Советам, не отводя им соответствующего места, чтобы вступить с ними в конкуренцию. Требуя того, что называют рабочей демократией, старые партии и профсоюзы потребовали, чтобы в Советах были представлены все течения рабочего движения пропорционально их численности и значению.

Ловушка

Большая часть рабочих оказалась не в состоянии сопротивляться этим аргументам: они были в плену своих старых привычек. Так рабочие Советы превратились в объединения представителей социал-демократической партии, профсоюзов, левых социал-демократов, потребительских кооперативов и т.д., а также делегатов от фабрик. Важно при этом, что эти Советы были уже не органами групп рабочих, объединенных жизнью на фабрике, а формированиями, которые использовались старым рабочим движением и открывали дорогу реставрации капитализма на уровне демократического государственного капитализма.

Это означало поражение усилий рабочих. Фактически и делегаты в Советах теперь получали директивы не от массы, а от соответствующих организаций. Они просили рабочих позволить, наконец, снова утвердиться «порядку» и уважать его, заявив, что «беспорядок не есть социализм». При этих условиях Советы вскоре утратили свое значение в глазах рабочих. Буржуазным институтам удалось возобновить свою работу, ни в малейшей степени не заботясь о мнении Советов; именно в этом и состояла цель старого рабочего движения.

Старое рабочее движение могло гордиться своей победой. Принятый парламентом закон изложил все права и обязанности Советов вплоть до мельчайших деталей. Они должны были наблюдать за осуществлением социальных законов, такова их задача. Иными словами, по своему значению они превратились в колесико государственной машины; они приняли участие в развитии государственной машины, вместо того, чтобы ее разрушить. В массах традиции ожили гораздо сильнее, нежели были результаты стихийного действия.

Несмотря на эту «неудавшуюся революцию» нельзя сказать, что победа консервативных элементов была простой и легкой. Новая духовная ориентация оказалась достаточно сильной, чтобы сотни тысяч рабочих ожесточенно боролись за сохранение Советами их характера нового классового единства. Это заняло пять лет непрерывных столкновений и подчас даже вооруженной борьбы, и понадобилась бойня 35 тысяч рабочих, прежде чем движение Советов было окончательно побеждено объединенным фронтом буржуазии, старого рабочего движения и белой гвардии, созданной прусским юнкерством и реакционными студентами.

Политические течения

Со стороны рабочих можно в общих чертах выделить четыре политических направления:

а) социал-демократы. Они хотели, используя парламентский, путь постепенно национализировать крупную промышленность. Они имели тенденцию также к тому, чтобы предоставить профсоюзам исключительно роль посредников между государственным капиталом и рабочими.

б) коммунисты. Более или менее вдохновляясь российским примером, это направление выступало за прямую экспроприацию капиталистов массами. В соответствии с их концепциями, рабочим отводилась задача «завоевать» и «революционизировать» профсоюзы.

в) анархо-синдикалисты. Они выступали против политической власти и любого государства. По их представлениям, профсоюзы представляли собой форму будущего, поэтому следовало бороться за то, чтобы они стали как можно сильнее и оказались в состоянии управлять всей экономической жизнью. Один из известнейших теоретиков этого направления в 1920 г. писал, что профсоюзы следует рассматривать не как переходный продукт капитализма, а как зародыш будущего социалистического общества. В 1919 г. казалось, что настал час этого движения. После краха Германской империи эти профсоюзы стали быстро расти. В 1920 г. в анархистских профсоюзах насчитывалось около 200 тысяч членов.

г) но в том же году действенность профсоюзов стала сокращаться. Большая часть их приверженцев обратилась к совершенно другой форме организации, которая лучше подходила к условиям борьбы - революционной фабричной организации. На каждой фабрике существовала или должна была существовать собственная организация, которая могла бы действовать независимо от других и на первом этапе не была бы связана с другими. Каждая фабрика оказывалась, таким образом, «независимой» и должна была полностью полагаться только на себя.

Эти фабричные организации были, без сомнения, творением масс, однако следует подчеркнуть, что они возникли в контексте революции, которая еще не была побеждена, но уже, по крайней мере, стагнировала.

Быстро выяснилось, что рабочие не могут непосредственно взять политическую и экономическую власть через Советы и организоваться; сперва им приходилось вести борьбу против сил, выступавших против Советов. Поэтому революционные рабочие начали с соединения своих сил на всех предприятиях, чтобы сохранить связь с социальной жизнью. С помощью пропаганды они пытались пробудить сознание рабочих, призвать их покинуть профсоюзы и встать на сторону революционных фабричных организаций; только так рабочие смогли бы сами вместе руководить своей борьбой и добиться экономического и политического контроля над всем обществом.

Казалось, рабочий класс сделал большой шаг назад в области организации. Раньше рабочие были централизованы в нескольких мощных организациях, теперь же они раскололись на сотни маленьких групп, в каждой из которых, в зависимости от величины фабрики, насчитывалось несколько сотен или тысяч борцов. В действительности же эта форма была единственной, позволявшей осуществлять прямую гегемонию рабочих; и, хотя эти новые организации были небольшими, они перепугали буржуазию, социал-демократию и профсоюзы.

Развитие фабричных организаций

Эти организации были изолированы друг от друга не на основе принципа. Просто они возникали то тут, то там, стихийно и самостоятельно, в ходе диких забастовок (например, шахтеров в Рурской области в 1919 г.). Существовала тенденция к объединению всех этих организаций с целью создать сплоченный фронт против буржуазии и ее подручных. Эта инициатива исходила в апреле 1920 г. из больших портов, Гамбурга и Бремена. Первая объединительная конференция, в которой приняли участие делегаты из всех важнейших промышленных регионов Германии, состоялась в Ганновере. Полиция ворвалась в зал и запретила конгресс. Но в действительности эта

общая объединенная организация была уже создана; она смогла ясно определить важнейшие принципы своих действий. Эта организация приняла название «Всеобщий рабочий союз Германии» (ААУД). ААУД провозгласил важнейшим принципом борьбу против профсоюзов и отказ от парламентаризма. Каждая из организаций, входивших в союз, имела право на максимальную независимость и пользовалась максимальной свободой в выборе тактики.

В это время профсоюзы в Германии насчитывали больше членов, чем когда-либо за свою историю; они не достигли его снова даже сейчас. Только профсоюзы, находившиеся под контролем социалистов, охватывали 8 миллионов платящих членские взносы. В христианских профсоюзах было более миллиона членов, в рядах «желтых» профсоюзах - почти 300 тысяч. Помимо этого существовали анархо-синдикалистские организации, а также некоторые другие, позднее вступившие в руководимый Москвой Профинтерн. В самом начале ААУД насчитывал 80 тысяч рабочих (апрель 1920 г.), но он быстро рос и уже к концу года число его членов выросло до 300 тысяч. Конечно, организации, из которых состоял ААУД, в равной мере симпатизировали ФАУД (анархо-синдикалистам) и Профинтерну. В декабре 1920 г. эти противоречия спровоцировали раскол внутри ААУД, и многие примкнувшие к нему организации вышли из него и создали новую организацию, названную ААУД-Е (ААУД - Единая организация). После этого раскола ААУД заявлял на своем четвертом съезде в июне 1921 г., что в нем все еще насчитывается более 200 тысяч членов. В действительности эти цифры были весьма неточны: в марте 1921 г. поражение восстание в Средней Германии буквально сломало хребет ААУД. Ослабевшая организация уже не могла оказать действенного сопротивления начавшейся волне политических репрессий.

Коммунистическая партия Германии (КПГ)

Прежде чем мы остановимся на различных расколах в движении фабричных организаций, необходимо поговорить о компартии (КПГ). Во время войны и тем более после нее социал-демократия встала на сторону господствующего класса и сделала все для сохранения «социального мира». Единственным исключением было небольшое меньшинство товарищей и партийных функционеров, наиболее известными из которых были Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Они вели активную пропаганду против войны и резко критиковали социал-демократию. Они были не одиноки. Вне этой группы, «Союза Спартака», существовали и другие группы, такие как «Интернационалисты» во Франкфурте и Дрездене, «Левые радикалы» из Гамбурга и «Рабочая политика» из Бремена. После ноября 1918 г. и краха империи эти группы, в известной степени ориентировавшиеся на российскую революцию, активно вступили в уличную борьбу, из которой должна была вырасти новая политическая организация. Наконец, в Берлине состоялся объединительный съезд; в первый его день была основана Коммунистическая партия (30 декабря 1918 г.)

Эта партия немедленно превратилась в центр притяжения для многих революционных рабочих, выдвинувших лозунг: «Вся власть Советам». Нужно учитывать, что основатели КПГ своего рода по праву рождения образовали кадры новой партии; часто они несли в новую организацию дух старой партии. Рабочие, которые теперь притекали в КПГ и использовали новые формы борьбы, не всегда осмеливались, из уважения к дисциплине, выступить против своих вождей и склонялись перед устаревшими концепциями. За словами о «фабричной организации» в действительности стояли разные представления. Можно было видеть в них, как это делали вожди КПГ, базовые организации, выполняющие присылаемые извне директивы: это была старая концепция. Можно указать и на целый ансамбль совершенно иных позиций и умонастроений. В этом смысле термин «фабричная организация» подразумевал ломку раннее устоявшихся идей о: а) единстве рабочего класса; б) тактике борьбы; в) соотношении руководства и масс; г) диктатуре пролетариата; д) связи между государством и обществом; е) коммунизме как экономической и политической системе.

Все эти проблемы практически вставали в ходе самой борьбы новых организаций. Следовало попытаться их разрешить, иначе эти новые формы борьбы были обречены на исчезновение. Необходимость идейного обновления стала насущной задачей; но кадры новой партии - даже если у них находилась смелость отказаться от старых позиций - думали лишь о том, чтобы создать новую партию по образцу старой, но без ее плохих сторон, окрасив отныне цели в красный, а не розовый или белый цвет. С другой стороны, новым идеям, естественно, не доставало достаточной проработки и теоретической ясности, ведь они не упали с неба и не были гармоничным целым, рожденным гениальным мозгом. Они питались частью из старой идеологии, носились с новыми идеями и перемешивались с ними. Короче говоря, молодые радикальные товарищи из КПГ недостаточно резко и решительно противостояли своему руководству, они были слишком слабы и разрозненны.

Парламентаризм

КПГ с самого своего основания была расколота на различные лагеря по отношению к большому числу проблем, рожденных понятием «фабричная организация». Временное правительство, возглавленное социал-демократом Эбертом, назначило выборы в Учредительное собрание. Должна ли новая партия принять в них участие, пусть даже с целью разоблачения? Этот вопрос вызвал острейшие споры на съезде. Большинство рабочих было против любого участия в выборах. Партийное руководство, в том числе Либкнехт и Люксембург, высказывалось, напротив, за избирательную кампанию. Руководство проиграло голосование, большинство партии объявило себя антипарламентским. Согласно представлениям большинства, Национальное собрание имело только одну функцию - усилить господство буржуазии, придав ему «законную» основу. С другой стороны, пролетарские элементы партии активно настаивали на

требовании снова «активизировать» рабочие Советы или создать новые; они намеревались, возродив лозунг «Вся власть рабочим Советам!», подчеркнуть различие между парламентской и рабочей демократией.

Руководство КПГ усматривало в этом антипарламентаризме не прогрессивный момент, а шаг назад к синдикалистским и анархистским концепциям, сформировавшимся в начале индустриального капитализма. В действительности же антипарламентаризм нового политического течения имел не слишком много общего с революционным синдикализмом или анархизмом. Он отрицал эти концепции. Антипарламентаризм анархистов (либертариев) основывался на отрицании политической власти вообще, в частности, отрицании диктатуры пролетариата; новое же течение рассматривало антипарламентаризм как необходимое условие взятия политической власти. Речь шла таким образом о «марксистском» антипарламентаризме.

Профсоюзы

В том, что касается профсоюзной деятельности, руководство КПГ, разумеется, по-разному оценивало «движение фабричных организаций». Это (и убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта) привело вскоре после съезда к ожесточенным спорам.

Пропагандисты Советов выдвинули вначале лозунги: «Выйдем из профсоюзов! Поддерживайте фабричные организации! Создавайте рабочие Советы!!!». Руководство же КПГ заявляло: «Оставайтесь в профсоюзах!». Оно не верило в возможность «завоевания» профсоюзов, но полагало, что удастся «завоевать» руководство в некоторых из местных организаций. Когда такая возможность реализуется, можно будет объединить местные организации в центральную, которая будет уже революционной.

В это время руководство КПГ все еще пыталось избежать поражения. Большинство ее секций отказалось последовать этим указаниям. Но руководство не отказывалось от своей позиции, даже ценой исключения большинства членов партии; его поддерживали российская компартия и ее вождь, Ленин, который по этому случаю выпустил свою пагубную брошюру «Детская болезнь левизны». Эта позиция была проведена на съезде в Гейдельберге (октябрь 1919 г.), где руководству удалось с помощью махинаций «демократическим» путем исключить более половины членов партии... Теперь германская компартия могла проводить свою парламентскую и профсоюзную политику, имевшую все более жалкие результаты; исключение революционеров позволило ей чуть позже объединиться с левой социал-демократической партией (НСДПГ) (октябрь 1920 г.) и увеличить число своих членов в четыре раза - правда, всего на 3 года. В то же самое время КПГ потеряла наиболее боевых своих членов и вынуждена была безусловно покориться воле Москвы.

Коммунистическая рабочая партия Германии (КРПГ)

Вскоре после этого исключенные члены создали новую партию - КРПГ. Она вступила в тесные отношения с ААУД. В массовых движениях последующих лет КРПГ была силой, с которой приходилось считаться. Ее воли и практики прямого действия боялись также сильно, как и ее критики партий и профсоюзов, ее разоблачения капиталистической эксплуатации во всех ее формах, но прежде всего на фабриках; ее пресса и издания часто были лучшей марксистской литературой из всего, имевшегося в то время упадка марксистского рабочего движения. И это несмотря на то, что КРПГ замкнулась в старых традициях.

КРПГ и расхождения в ААУД

Оставим теперь партии и вернемся к движению «фабричных организаций». Это новое движение ясно демонстрировало, что в сознании рабочих произошла важная перемена. Но изменения влекли за собой различные последствия; внутри ААУД сформировалось множество разных направлений мысли. Общее согласие было достигнуто лишь по следующим пунктам:

а) новая организация должна направить свои усилия на рост рядов;

б) ее организационная структура должна быть такой, чтобы предотвратить образование клик вождей;

в) когда в этой организации будут миллионы членов, она должна будет организовать диктатуру пролетариата.

По двум пунктам существовали непреодолимые противоречия:

а) о необходимости или ненужности политической партии помимо ААУД;

б) об управлении экономической и социальной жизнью.

Вначале ААУД поддерживал весьма слабые контакты с КПГ, и этих разногласий практически не возникало. С созданием КРПГ ситуация изменилась. ААУД стал тесно сотрудничать с КРПГ, причем вопреки воле большого числа своих членов, особенно в Саксонии, Франкфурте, Гамбурге и т.д. (не следует забывать, что Германия все еще оставалась сильно раздробленной, и эта раздробленность влияла и на жизнь рабочих организаций). Противники КРПГ критиковали ее как по существу ту же «клику вождей», и в декабре создали ААУД -Е, отвергавшую любую партию пролетариата как «специализированную» организацию, политическую партию.

Общая платформа

Каковы были аргументы каждого из трех течений?

Они были едины во взгляде на современный мир. В целом, это означало, что каждый признавал: общество изменилось. В XIX веке пролетариат был крошечным меньшинством в обществе, он не мог бороться в одиночку и должен был пытаться вступить

в союзы с другими классами; отсюда исходила и демократическая стратегия Карла Маркса. Но эти времена, по крайней мере, в Западных странах, далеко позади. Пролетариат составляет там теперь большинство населения, а все сектора буржуазии объединяются под руководством крупного капитала. Поэтому революция становится задачей одного только пролетариата. И она неизбежна, поскольку капитализм вступил в период своего смертельного кризиса (не следует забывать, что эта оценка делалась в 20-30-е гг.).

Если общество, по крайней мере на Западе, коренным образом изменилось, должны измениться и представления о коммунизме. Они и менялись, равно как и старые представления, поддерживавшиеся старыми организациями и противоречившими социальному освобождению. Пример приводит Отто Рюле, один из главных теоретиков ААУД-Е в работе 1924 г.: «Национализация, остающаяся программой как социал-демократии, так и коммунистов, отнюдь не идентична обобществлению. С помощью национализации средств производства можно придти, к примеру, к сильно централизованному государственному капитализму, который, быть может, и превосходит частный капитализм, но остается, тем не менее, капитализмом». Коммунизм - это результат действия рабочих, их активной борьбы, он создается, в первую очередь, ими самими! Поэтому необходимо вначале создать новые организации. Но что это должны быть за организации? В этом пункте мнения расходились, и противоречия приводили к многочисленным расколам. В то время, как рабочий класс все больше отказывался от революционной активности, его официальные представители и организации занимались лишь демонстративными и смехотворными вещами, те, кто хотели действовать, защищая свои завоевания, лишь отражали сами общее разложение рабочего движения. Тем не менее, имеет смысл показать тогдашние расхождения.

Двойная организация

КРПГ выступала против массовой партии «ленинского типа», который возобладал после российской революции. Она придерживалась позиции, согласно которой революционная партия по необходимости должна быть элитарной, то есть маленькой; партией, заботящейся о качестве, а не о количестве своих членов. Партия, которая объединит в себе наиболее сознательных представителей класса, должна действовать в массах как дрожжи в тесте, то есть заниматься пропагандой, организовывать дискуссии и т.д.

Ее стратегией должна быть стратегия «класс против класса», основанная целиком на борьбе на фабриках и вооруженных выступлениях - иногда даже, как сопутствующее явление, следовало прибегать к средствам террора (бросанию бомб, экспроприации банков и т.д. - акциям, которые часто случались в начале 20-х гг.). Борьба на фабриках под руководством комитетов действия должна была выработать классовое сознание, необходимое для массовой борьбы, и мобилизовать на решающие схватки все большую часть пролетариата.

Герман Гортер, один из ведущих теоретиков этого направления, так обосновывал необходимость маленькой компартии: «Большинство пролетариев живут в невежестве. Они имеют весьма слабые представления об экономике и политике, они мало знают о национальных и международных событиях, о взаимосвязи между ними и влиянии, которое они могут оказать на революцию. Они не могут рационально объяснить свое классовое положение. По этой причине они не могут действовать в правильный момент. Они действуют, когда не надо, и не действуют, когда это необходимо. Они слишком часто ошибаются».

Итак, эта небольшая партия избранных имеет воспитательную задачу, она будет играть роль катализатора на уровне идей. Но задача самоорганизации масс отводится ААУД, который должен при этом воспользоваться резервуаром фабричных организаций. Его задачей будет вести борьбу с профсоюзами и подрывать их влияние; разумеется, с помощью пропаганды, но особенно посредством целенаправленных действий групп, «которые своими действиями должны показать, чем массам еще предстоит стать», как говорил Гортер. Наконец, в ходе борьбы фабричные организации превратятся в рабочие Советы, охватывающие всех рабочих и действующие непосредственно по их воле и под их контролем. Короче говоря, «диктатура пролетариата» была бы ничем иным как ААУД, распространенным на все фабрики Германии.

Аргументы ААУД-Е

ААУД-Е, выступавшая против политической партии, отдельной от фабричных организаций, стремилась создать большую единую организацию, задачей которой было бы практическое ведение массовой борьбы, а затем и организация управления обществом на основе рабочих Советов.

Следовательно, новая организация имела одновременно и экономические, и политические задачи.

С другой стороны, эта концепция отличалась от старого революционного синдикализма, отвергавшего особую политическую власть рабочих и диктатуру пролетариата. Но в то же время, признавая, что пролетариат слаб, расколот и непросвещен и что поэтому необходимо длительное обучение, ААУД-Е не считала необходимой элитную партию в роде КРПГ. По ее мнению, для этой воспитательной задачи достаточно фабричных организаций, поскольку в них гарантированы свобода дискуссий и свобода слова. Характерно, что ААУД-Е критиковала КРПГ «в духе» самой КРПГ: по ее мнению, КРПГ была централистской партией с профессиональными вождями и платными редакторами, которая отличалась от КПГ только отрицанием парламентаризма; «двойная организация» - это ни что иное, как применение политики «двойной кормушки» на пользу вождей. Большинство течений в ААУД-Е отвергало наличие оплачиваемых вождей.

«Ни членских билетов, ни уставов, ничего иного в том же роде», - говорили они. Некоторые группы шли даже настолько далеко, что создавали анти-организационные организации...

Грубо говоря, когда пролетариат слишком слаб и не обладает знаниями, чтобы принимать решения в ходе своей борьбы, это еще отнюдь не означает, что нужна партия. Никто не может действовать вместо пролетариата, он должен сам преодолевать свои ошибки, иначе он будет побежден и дорого заплатит за свое поражение. Двойная организация - это устаревшая организационная форма, остаток старой традиции: партия и профсоюзы.

Эти расхождения между КРПГ, ААУД и ААУД-Е имели практические последствия. Например, во время восстания в Средней Германии в марте 1921 г., которое было по большей части вызвано и руководилось вооруженными группами КРПГ (которая в то время еще была симпатизирующей партией 3-го Интернационала). ААУД-Е отказалась в нем участвовать, поскольку оно, по ее мнению, служило тому, чтобы прикрыть российские трудности и затушевать подавление Кронштадта.

Несмотря на повторные ошибки, вызывавшие резкую и зачастую путаную полемику и по персональным вопросам, «дух КРПГ» долго оказывал ощутимое влияние на массы - по причине преувеличенного настояния на прямых насильственных действиях, вызванных глубокой дезориентацией и безнадежностью, благодаря ее страстной критике капитализма и его помощников среди рабочих из всех политических течений (сюда попадали и «дворцовые господа» из Москвы). Следует добавить, что каждое из этих направлений имело сильную прессу, поддерживаемую в целом за счет нелегальных денежных средств, и что их члены, часто уволенные с работы за свою подрывную деятельность, были очень активны на улице, публичных мероприятиях и т.д.

Ошибка в расчетах

Рассчитывали на то, что быстрый рост фабричных организаций в 1919-1920 гг. с той же скоростью продолжится в последующей борьбе. Надеялись, что из фабричных организаций сможет возникнуть массовое движение, в котором «миллионы и миллионы рабочих обнаружат для себя сознательный коммунизм», и что оно нейтрализует силу так называемых рабочих профсоюзов. Исходя из правильной гипотезы о том, что пролетариат может бороться и победить только как организованный класс, полагали, что рабочие смогут найти путь, создавая новую, постоянную, все время растущую организацию. Ростом ААУД и ААУД-Е измеряли развитие боеспособности и классового сознания. За периодом ускоренного экономического роста (1923 - 1929) последовала новая фаза борьбы, которая закончилась в 1933 г. с приходом к власти Гитлера. Все это время ААУ, КРПГ и ААУД-Е все больше замыкались на себе. В конце концов в них оставалось не более чем пара сотен членов, остатки некогда больших фабричных организаций, иными словами, то тут, то там остались разбросаны маленькие зерна при общем числе пролетариев в 20 миллионов. Фабричные организации больше не были «всеобщими» организациями рабочих, они были ядром сознательных коммунистов-сторонников рабочих Советов. С этого момента ААУ и ААУД-Е приобрели характер маленьких «партий», хотя в своей прессе всегда утверждали обратное.

Функции

Была ли малая численность членов причиной медленного превращения фабричных организаций в политические партии? Нет. Причиной стало изменение функций. Хотя фабричные организации никогда не считали своей задачей руководство забастовкой, проведение переговоров с предпринимателями, формулирование требований (это было делом самих бастующих). ААУ и ААУД-Е были организациями практической борьбы. Они ограничивались пропагандистской работой и выполнением функций поддержки. Каждый раз, когда вспыхивала стачка, фабричные организации брали на себя значительную часть организационной работы: их пресса становилась прессой забастовки, они организовывали собрания бастующих и ораторы на этих собраниях были часто членами ААУ и ААУД-Е. Но задача переговоров с предпринимателями отводилась стачкому, в котором члены фабричных организаций представляли не свою группу как таковую, а бастующих, которые их выбрали и перед которыми они несли ответственность.

У политической партии, КРПГ, была другая функция. Ее задача состояла главным образом в пропаганде, политическом и экономическом анализе. Во время выборов она занималась антипарламентской пропагандой и разоблачала буржуазные и иные партии; она призывала создавать на фабриках, в торговых организациях и среди безработных комитеты действия, цель которых - агитация в массах, пытающихся инстинктивно оторваться от старых организаций.

Изменение функций

Но фактически, после поражения и кровавого подавления в 1921 г., с наступлением волны экономического процветания эти функции превратились в чисто теоретические. Деятельность этой партии ограничивалась чисто пропагандистской работой и анализом, то есть действиями политической группы. Разочарованное отсутствием революционной перспективы, большинство членов покинуло организацию. Сокращение сферы ее деятельности привело и к тому, что фабрики перестали составлять основу организации. Организовывались теперь на уровне кварталов, в кафе, иногда пели (по-немецки) в хоре, с пылом старые рабочие песни надежды и гнева.

Разницы между КРПГ, ААУД и ААУД-Е больше не было. Члены КРПГ и ААУД практически встречались в номинально различных группах, да и члены ААУД-Е были организованы в группу политического характера, даже если не желали этого признавать.

Антон Паннекук, голландский марксист, бывший одним из теоретических вдохновителей всех этих групп, в 1927 г. писал по этому поводу: «ААУ, как и КРПГ, в основном составляет организацию, непосредственной целью которой является революция. В иные времена, во времена упадка, о создании такой организации нельзя было бы и думать. Но она пережила годы революционных боев; и рабочие, которые ее, с одной стороны, создали и боролись под ее знаменем, не хотели утратить опыт этой борьбы и сохраняли ее как зародыш будущих сражений». Однако из трех политических «партий» одного и того же направления две были лишними. С ростом угрозы, когда старые рабочие организации были охвачены трусостью, а нацисты шли от триумфа к триумфу, ААУ, оторвавшийся к этому времени от КРПГ, в декабре 1931 г. объединился с с ААУД-Е. а в КРПГ осталось совсем мало членов; другие из ААУД-Е объединились с анархистскими группами.

Но большинство оставшихся в фабричных организациях организовались в новом Коммунистическом рабочем союзе КАУД, выразив тем самым представление о том, что эта новая организация является уже не «всеобщей», объединяющей в себе всех рабочих, охваченных революционной волей, каким был, к примеру, ААУ, а организацией сознательных коммунистических рабочих.

Организованный класс

КАУД стал, таким образом, выражением изменения в концепции организации. И это изменение имело свой смысл. Следует напомнить, что до этого имелось в виду под понятием «организованного класса». ААУ и ААУД-Е вначале полагали, что именно они организуют рабочий класс, что миллионы пролетариев вступят в их организацию. В принципе это была идея, очень близкая к представлениям революционных синдикалистов, ожидавших, что в один прекрасный день все рабочие окажутся в их профсоюзах; тогда, наконец, рабочий класс станет организованным классом.

Теперь КАУД призывала рабочих организовать свои собственные комитеты действия и устанавливать связи между ними. Иными словами: борьба организованного класса больше не зависит от организации, созданной до борьбы. В этой новой концепции «организованный» класс становился рабочим классом, борющимся под своим собственным руководством. Эта новая концепция имела последствия для многих вопросов, например, о диктатуре пролетариата. Ведь если организованная борьба не была больше исключительным делом и объектом руководства специализированных организаций, то они не могли и рассматриваться как органы диктатуры пролетариата. Тем самым исчезла проблема, которая часто приводила к острым конфликтам: кто должен осуществлять или организовать власть - КРПГ или ААУ?

Диктатура пролетариата больше не должна быть задачей специализированных групп, это будет задача самого борющегося класса, берущего на себя все функции, все аспекты борьбы. Задачи новой организации, КАУД, ограничивались коммунистической пропагандой, разъясняющей цели, которые побуждают рабочий класс к борьбе против капиталистов и старых организаций, сперва методами диких забастовок, и во всех акциях демонстрирующей ему его силу и слабости.

Коммунистическое общество и фабричные организации

Дальнейшее развитие этих идей должно было неизбежно сопровождаться пересмотром прежних представлений об элементах, образующих коммунистическое общество. Господствовавшее в целом в массах мнение было нацелено на создание государственно-капиталистической системы. Иными словами, существовал целый ряд теорий с небольшими различиями между ними, но вся эта идеология могла быть сведена к трем принципам: государство путем национализации, управляемой экономики, социальных реформ и т.д. образует рычаг, который позволяет осуществить социализм, причем парламентское и профсоюзное действие являются важными средствами борьбы. Соответственно рабочие борются не как независимый класс, преследующий прежде всего свои цели, он должен доверить «управление и руководство классовой борьбой» парламентским и профсоюзным вождям. Можно поэтому сказать, что, согласно этой идеологии, партия и профсоюз образуют в глазах рабочих конститутивные элементы государства и именно этим элементам должно принадлежать управление и руководство будущим коммунистическим обществом.

В ходе первой фазы, последовавшей за поражением революционного действия в Германии, эта традиция все еще была сильно представлена в концепциях ААУД. КРПГ и ААУД-Е. Все они высказывались за организацию, которая должна охватывать миллионы и миллионы членов, чтобы осуществить политическую и экономическую диктатуру пролетариата. Так, ААУД заявлял в 1922 г., что он в состоянии на основе своих действий взять в свои руки «управление 6% немецких фабрик». Но теперь эта концепция была поколеблена. До тех пор, как мы видели, сотни фабричных организаций, связанных с ААУД или ААУД-Е либо организованных в них, требовали максимальной независимости в том, что касается свободы принимаемых решений, и делали все возможное, чтобы предотвратить образование новой «клики вождей». Но можно ли сохранить эту независимость внутри коммунистической жизни? Экономическая жизнь сильно специализирована, и все отрасли экономики тесно взаимосвязаны. Как следует управлять экономической жизнью, не возвращаясь в производстве и распределении общественного богатства к централизованным инстанциям? Можно ли заменить государство как регулятора производства и организатора распределения? Здесь выявилось противоречие между старыми представлениями о коммунистическом обществе и новой, примененной теперь формой борьбы. Экономической централизации и ее последствий, ясно продемонстрированных на

практике, опасались, но не знали, как их можно избежать. Дискуссия, в зависимости от необходимости и степени, привела к выводу о большем или меньшем «федерализме» или «централизме».

ААУД-Е больше тяготел к «федерализму», КРПГ и ААУД больше склонялись к «централизму». В 1923 г. один из ведущих теоретиков КРПГ Карл Шредер объявил даже, что «чем сильнее централизовано коммунистическое общество, тем оно лучше».

Фактически это противоречие оставалось неразрешимым, если оставаться на уровне старых концепций «организованного класса». С одной стороны, примыкали к представлениям революционного синдикализма о взятии фабрик профсоюзами, с другой - думали как большевики, что централизованный аппарат, государство, должен регулировать производственный процесс и взять в свои руки распределение «национального дохода» среди рабочих. В любом случае дискуссия о коммунистическом обществе, если исходить из дилеммы «федерализм или централизм», совершенно неплодотворна. Эти проблемы - проблемы организации, чисто технические, поскольку коммунистическое общество - в первую очередь экономическая проблема. Капитализм должен быть преодолен путем создания иной экономической системы, в которой средства производства, продукты, рабочая сила не выступают в «стоимостной форме», а эксплуатация трудящихся классов в пользу привилегированных слоев ликвидирована. Дискуссия о «федерализме или централизме» лишена смысла, если сперва не показать, каков будет экономический базис этого «федерализма» или «централизма». В действительности организационные формы данной экономики в целом не являются произвольными, а выводятся из принципов самой этой экономики. Так например, принцип прибыли и прибавочной стоимости, ее частного или коллективного присвоения происходит на основе всех форм, принимаемых капиталистической экономикой. Вот почему недостаточно представлять экономику коммунизма только как отрицание капиталистической системы: отсутствие денег, рынка, частной или государственной собственности. Необходимо представить его позитивные характерные черты, показать, каковы будут экономические законы, которые восторжествуют над законами капитализма. Если поступить именно так, вполне вероятно, что альтернатива «федерализм или централизм» окажется мнимой проблемой.

Конец движения в Германии

Прежде чем мы продолжим заниматься этим вопросом, вероятно, имеет смысл бросить взгляд на практическую судьбу движения, выросшего из революционных фабричных организаций.

ААУД порвал с КРПГ с конца 1929 г. Его пресса выступила за «гибкую тактику», то есть поддержку рабочих выступлений с целью улучшения оплаты и условий труда, сокращения рабочего времени. КРПГ сочла эту тактику опасным шагом в сторону классового сотрудничества, соскальзыванием к политике торга. После исключения ее лидера Шарера, найденного виновным в соглашении с врагом - он опубликовал роман в издательстве, принадлежащем КПГ - КРПГ пришла к восхвалению индивидуального террора как средства пробуждения классового сознания в массах. С этим движением был связан Маринус ван дер Люббе, который поджег рейхстаг. Запалив огонь в отдаленном крыле рейхстага, он хотел с помощью символического жеста побудить рабочих проснуться от их летаргии.

Ни та, ни другая тактика не дала результатов. Германия находилась в экономическом кризисе неслыханных масштабов, число безработных стремительно росло; диких забастовок не было; никто не соблюдал профсоюзные распоряжения. Профсоюзы тесно сотрудничали с предпринимателями и государством. Пресса коммунистов Советов часто конфисковывалась, ее призывы к созданию автономных комитетов действий не встречали отклика. Ирония момента: единственная большая дикая стачка того времени - забастовка берлинских транспортных предприятий в 1932 году - была организована вопреки социалистическим профсоюзам совместно сталинистскими и гитлеровскими бонзами.

После легального прихода Гитлера к власти активисты различных направлений были арестованы и заключены в концлагеря, из которых большинство не вернулось. В 1945 г. некоторые из выживших были расстреляны по приказу ГПУ при вступлении русской армии в Саксонию. Еще в 1952 г. бывший лидер ААУД Альфред Вайланд был похищен на улице в Западном Берлине и увезен в Восточный, где был осужден на многолетнее тюремное заключение.

Биография Отто Рюле



Автор публикуемой статьи Отто Рюле был немецким революционером и видным теоретиком коммунизма рабочих Советов – левокоммунистического течения, известного в Советском Союзе исключительно по критике его Лениным в «Детской болезни левизны в коммунизме»...

Рюле был народным учителем по образованию, профессии и призванию. До 1914г. основная сфера его теоретическим интересов лежала в области социалистической педагогики, которая, в противовес авторитарной педагогике господствующих классов, воспитывающей покорные и нерассуждающие винтики буржуазной системы, должна была развивать самостоятельную активность и самостоятельное мышление пролетарского ребенка. На темы педагогики и психологии Рюле опубликовал в разные годы множество книг («Труд и воспитание», «Пролетарский ребенок», «Основные вопросы воспитания», «Сексуальное воспитание детей», «Душа пролетарского ребенка», «Иллюстрированная история культуры и нравов пролетариата», «Школа труда» и т.д.).

В 1912г. Рюле был избран депутатом немецкого рейхстага – парламента – от Социал-демократической партии Германии, членом которой тогда состоял. С началом Первой Империалистической войны занял интернационалистские позиции – в отличие от большинства СДПГ, и нашел в себе мужество, порывая с партийной дисциплиной, быть вторым депутатом рейхстага, проголосовавшим 20 марта 1915г. вместе с Карлом Либкнехтом против военных кредитов (4 августа 1914г., подчиняясь партийной дисциплине, за военные кредиты голосовали все социал-демократические депутаты, включая противников войны; 2 декабря 1914г. против военных кредитов выступил только Либкнехт).

В отличие от Розы Люксембург и других лидеров «Союза Спартака», Рюле уже с 1916г. был сторонником немедленного разрыва интернационалистов с социал-шовинистской СДПГ. 25 октября 1918г. он выступил с революционной речью в рейхстаге, разоблачая попытки правящего класса демократизировать фасад эксплуататорской системы, оставив основы этой системы в неприкосновенности.

Многолетнее членство Рюле в СДПГ и пребывание в парламенте дало ему горький, но незаменимый отрицательный опыт, и последующая его критика иерархический партийной системы, механической организационной дисциплины и парламентского закулисного торга будет критикой со знанием дела изнутри.

Альтернативу всей этой механике, обеспечивающей подчинение пролетариев буржуазии, он увидел в системе Советов и фабзавкомов, возникших во время Ноябрьской революции в Германии, активным участником которой – в своей родной Саксонии – он был. Как и другие пролетарские революционеры разных оттенков взглядов, Рюле принял участие в Учредительном съезде Коммунистической партии Германии, съезде, большинство участников которого занимало антипарламентские и антипрофсоюзные позиции, а одобренный ими Устав обеспечивал широчайшую автономию местных групп.

Но, после следовавших одно за другим катастрофических поражений революции, уже осенью 1919г. сторонники первоначальных позиций КПГ (60 тысяч из 100 тысяч членов партии на тот момент) путем закулисных махинаций были исключены из партии – к этим исключенным принадлежал и Рюле. Вскоре они образовали Коммунистическую рабочую партию Германии (КРПГ). Вслед за тем, весной 1920г., на конференции фабзавкомов был образован Всеобщий рабочий союз (немецкая аббревиатура – AAU), начавший сотрудничать с КРПГ.

Рюле был одним из двух делегатов КРПГ, посланных летом 1920г. в Москву в качестве наблюдателей на Второй конгресс Коммунистического Интернационала. По собственной инициативе и без официальных гидов он совершил поездку по Центральной России, побывав, кроме Москвы, в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Самаре, Саратове, Тамбове и Туле. Эта поездка, по его словам, «дала ему множество впечатлений, скорее неприятных, чем приятных». Неприязнь его к реальной большевистской практике была вызвана не увиденными нищетой и разрухой – неизбежность которых в разоренной многолетней войной стране была ему понятна, но тем, что Советскую власть реально сменила партийная диктатура, воспроизводящая эксплуататорскую иерархию властителей и подвластных.

Пребывание Рюле в большевистской России усилило его антипартийные настроения. Он пришел к выводу о вреде и ненужности даже «партии масс, а не партии вождей», «партии, твердой как железо, и чистой, как хрусталь», которой хотела быть КРПГ. В итоге в декабре 1920г. Рюле и его единомышленники ушли из КРПГ и создали Всеобщий рабочий союз – Единство (AAU-E), пытавшийся быть интегральной революционной организации, одновременно ведущей борьбу за экономические требования и социальную революцию. В 1922г. в AAU-E состояло 60 тысяч человек.

У немецких левых коммунистов того времени, как, на самом деле, и у большинства тогдашних коммунистов всего мира, было мощное чувство, что наступил час

последнего, окончательного кризиса капитализма, из которого тот уже не выберется, что пришло время последнего смертного боя. Когда оказалось, что капитализм сумел устоять, наступила психологически понятная депрессия и апатия. Если на своем пике КРПГ, AAU и AAU-E насчитывали десятки и сотни тысяч революционных пролетариев, то с наступлением стабилизации капитализма в них остались десятки и сотни левокоммунистических активистов. Из начала принципиально новой организации освободительной борьбы пролетариата они стали пропагандистскими группами. Сохранив верность своим убеждениям, их кадровое ядро от непосредственно революционной борьбы поневоле было вынуждено вернуться к теоретической и просветительской работе.

Это касается и Отто Рюле, который во второй половине 20-х годов усиленно занимался психологией и в 1928г. издал оригинальную психологизированную биографию Маркса «Карл Маркс. Его жизнь и деятельность». Замысел работы Рюле – исследовать, в силу каких внутренних психологических причин буржуазный интеллигент Карл Маркс стал сторонником коммунизма, был правильным и важным, однако многие моменты психологического исследования марксовой биографии у Рюле представляются весьма топорными (так, например, негативное отношение Маркса к социалистам других течений, таким, как Прудон, Лассаль и Бакунин, Рюле выводил из личной антипатии, забывая о вполне реальных идейных разногласиях).

В 1933г. после прихода фашизма к власти Рюле вместе с женой эмигрировал в Чехословакию, а в 1936г. переехал в Мексику, где и оставался до конца жизни. Там он участвовал, в частности, в работе Комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых против Троцкого на московских процессах. Вообще говоря, между большевиком Троцким и сторонником антибольшевистского коммунизма Советов Рюле в Мексике установились лично-дружеские отношения.

До конца жизни Рюле остался непримиримым врагом капитализма – частного или государственного, все равно. В опубликованной в 1940г. статье по поводу начавшейся Второй Империалистической войны «Какую сторону занять?» он писал: «Какой бы стороне пролетариат ни отдал себя, он окажется побежденным. Поэтому он не должен поддерживать ни демократические, ни тоталитарные режимы». Старый революционер остался в 1940г. интернационалистом, каким был в 1915-1918гг....

Как и другие выдающиеся революционеры прошлого, Рюле заслуживает глубокого уважения, каковое может быть обеспечено не некритическим восхвалением, не превращением в непогрешимую икону, но критическим изучением его наследия в соответствии с современными потребностями освободительной пролетарской борьбы.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Партия и профсоюз - это организации классово сознательного пролетариата, сохранившиеся с дореволюционной эпохи. В них рабочие вели классовую борьбу против капиталистической системы буржуазного общества. При этом партии отводилась роль представительства политических интересов с далеко идущими целями, а профсоюзы боролись за ближайшие, насущные экономические интересы. Это разделение функций соответствовало условиям классовой борьбы, которые определялись характером и общественной структурой дореволюционной эпохи.

Нынешнее поколение рабочих, ведущее классовую борьбу, выросло в обеих этих организациях - партии и профсоюзе. Оно видело и все еще видит в принадлежности к своим организациям первый долг сознательного пролетария, свидетельство своей политической зрелости и выражение своей воли к борьбе. Политическая и профсоюзная организация считалась и все еще считается им чем-то само собой разумеющимся, серьезным и почти что священным; любая попытка отвратить их от их организаций воспринимается этими рабочими как враждебное, реакционное дело, направленное против интересов рабочего класса. Выросшие в этой традиции при этом не задумываются над тем, что все на свете хорошо и правильно в свое время. Когда же это время проходит, хорошее становится дурным, а правильное - ложным; разум превращается в бессмыслицу, благодеяние - в муку.

Революция, эпоха коренных изменений, не оставляющих камня на камне от этого общественного здания, не проходит бесследно и для организации пролетариата. Она свергает старое, чтобы из-под руин пробудить новую жизнь. Пришло время задаться вопросом: какие обстоятельства и условия придавали такое значение партии и профсоюзы в дореволюционное время? Сохраняются ли эти предпосылки теперь, могут ли партия и профсоюз соответствовать сегодняшним опыту и потребностям? Или же новые условия и более высокие цели классовой борьбы побуждают к поиску более соответствующих времени, рациональных и эффективных организационных форм? Если да - какой вид организаций становится теперь организацией революции, революционной и социалистической эры?

Партия

Партия имеет буржуазное происхождение. Она является классической организацией для представительства интересов буржуазии. Ее возникновение восходит к временам, когда класс буржуазии шел к власти. Она появилась в связи с парламентом. Парламент, в свою очередь, связан с организацией буржуазного государства, он служит одной из важнейших и самых характерных форм принятия решений и действия в нем. Таким образом, буржуазно-капиталистическое классовое государство, парламент и партия взаимосвязаны и взаимопереплетены; одно предполагает другое и каждое функционирует только в связи с другими.

Если в феодальном государстве законодательство находилось в руках самодержавного монарха, который объявлял свою абсолютистскую волю в декретах или

указах, то в буржуазном государстве (самой развитой формой которого является республика) оно переходит к парламенту, собранию выборных представителей народа, то есть преимущественно имущих слоев народа. Наконец, парламент составлял правительство, по крайней мере, верхи бюрократического управленческого аппарата государства.

Для приобретения влияния на законодательство и управление различные группы интересов буржуазного класса объединялись для целей предвыборной агитации, погони за голосами и т.д. в предвыборные объединения. Из них выросли партии с более четким программным характером и прочной организацией. Буржуазные партии для представительства и отстаивания буржуазных интересов в буржуазном парламенте.

По мере того, как пролетариат развивался в класс и учился ощущать себя как особый класс со своими собственными интересами, он переставал следовать за буржуазными группами, самостоятельно шел на парламентские выборы и соединялся с этой целью в пролетарские избирательные союзы (Всеобщий немецкий рабочий союз, Объединение немецких рабочих союзов, демократические и социал-демократические рабочие союзы), а позднее в партии (эйзенахскую Социал-демократическую рабочую партию, Социалистическую рабочую партию Германии, Социал-демократическую партию Германии).

Партия как форма политической организации происходит, таким образом, из буржуазной эпохи, она родилась из сущности буржуазного государства, определяется парламентаризмом и ориентируется на буржуазные методы ведения политики, то есть через парламентскую деятельность. Даже если ее члены рекрутируются из пролетариата, она не может отрицать свой характер в организационно-техническом устройстве и в политико-тактической роли или уклониться от него. Она остается соединением сил для борьбы в соответствии с потребностями и нуждами буржуазной политики, формированием и оружием для борьбы за интересы на основе буржуазной политики, инструментом, который функционален и эффективен только используя методы буржуазной политики.

Партия, имея буржуазное происхождение, имеет и буржуазную сущность. Организационной характеристикой буржуазной сущности служит централизм.

Централизм

Централизм - это организационный принцип, в соответствии с которым вся деятельность организации, ее руководство и цель исходят из единого центра и сходятся к нему. Он находит свое применение всегда там, где немногие стремятся господствовать над многими. В буржуазном государстве, организованном господстве меньшинства (буржуазии) над большинством (пролетариатом) централизм находит свое классическое выражение и применение. Бюрократия, налоговая система, судебная система, школьная система и прежде всего милитаризм построены строго централистски.

Партия также воплощает принцип централизма. Она похожа на ступенчатую пирамиду. Внизу - масса членов, которые должны платить и повиноваться, от ступени к ступени сужается круг все более высокопоставленных вождей, со все большим жалованием, все большими полномочиями и правами повелевать. На верхушке (в центре), наконец, несколько человек или даже один человек обладают высшим авторитетом и окончательными решающими правами. Вся инициатива, все предложения, все влияние, все полномочия принимать решения сконцентрированы у вождей: в их руках управленческий аппарат, списки выступающих, мандаты, пресса, касса. Массу ведут, опекают, держат в зависимости и покорности с помощью военной жестокости или хитрой лести; она составляет электоральный скот на выборах; ее высшая добродетель - это мертвящее повиновение, партийная дисциплина.

Централизм обладает тем преимуществом, что он концентрирует наличные силы, соединяет их, связывает в целое и тем самым способствует большей эффективности с точки зрения единства. Но у него есть недостаток: он убивает инициативу отдельных частей, сковывает волю членов, связывает по рукам и ногам развитие индивидуальных сил и тем самым препятствует развитию индивида в самостоятельную личность, его самосознанию и самодеятельности. Это организационная система для господ над рабами.

Противоположность централизму - федерализм, предоставляющий отдельному человеку большее право на самоопределение и самую широкую свободу действий - преимущество, которому, правда, противостоит недостаток: недостаточная связность сил в осознанное и эффективное целое. Благодаря своей централистской структуре, партия в дореволюционный период творила большие дела. Она представляла собой искусно сконструированный механизм, сравнимый с современной машиной, в которой достаточно нажать на кнопку, чтобы с командного центра привести в действие систему из тысяч рычагов и колес для совершения полезных действий. У нее только одна ошибка: она отказывает как раз в тот момент, когда она нужнее всего. А когда она нужнее всего? Во время революции. Тут-то из Центра, образующего генеральный штаб, должны исходить лозунги, предложения, советы, приказания. Вожди нажимают на кнопку... Но проводка не работает. Потому что революция начинается с больших экономических битв, со стачек, волнений, актов саботажа, всевозможных помех. Железные дороги останавливаются, почта не работает, телеграфная и телефонная связь замирает, курьерская служба не действует. Лозунги и приказания из Центра не распространяются по стране. Руководство отрезано от масс, которые, воспитанные централистской системой в несамостоятельности, беспомощно не знают, что делать. Единства в ведении борьбы не возникает. Результат: беспомощность, смятение, поражение.

Централистский партийный аппарат может

функционировать только в условиях, когда функционирует централистский государственный аппарат. Так бывает в мирные, дореволюционные времена.. Вот почему в это время партия была соответствующим инструментом, который мог беспрепятственно работать и добиваться успехом. С приходом революции это становится иначе. Партия отказывает. Она бросает борющиеся массы на произвол судьбы. Поскольку руководство нарушено, машина стоит. Но отказывают и сами вожди. Будучи профессиональными вождями на прочных постах, с регулируемым рабочим временем и окладом, куда большим, чем заработная плата рабочего, они уже не являются пролетариями; они - чиновники с лучшими условиями жизни. Мелкобуржуазные чиновники с мелкобуржуазными жизненными привычками, а вскоре и мелкобуржуазным образом мыслей. Как таковые, они боятся беспорядка и неудобств, волнений и неуверенности - революции. Централизм воспитал их администраторами, не борцами. Они чувствуют себя уютно за столами с зеленых сукном и папками, но не на предприятии, не на фабриках. Они умеют говорить, считать, рассчитывать, вести переговоры, заполнять статистические анкеты и жонглировать параграфами; но они ничего не понимают в тактике революции.

Чиновники, а не пролетарии, они отказывают во время пролетарской революции, с которой их внутренне ничто не связывает (...)

Профсоюзы

Как и партии, профсоюзы возникли в буржуазную эру. Они родились из потребностей, вызванных кризисом 1860-х годов. Однако в отличие от партий рабочего класса, они никогда не объявляли себя революционными. С самого начала они заявляли о своем политическом нейтралитете и ограничивались в своей деятельности тем, что добивались лучших условий оплаты труда, жизни и работы для рабочего класса в рамках капиталистической системы. Это, без какого-либо прикрытия и экивоков, - реформистско-оппортунистическая программа.

Отказу от великих целей соответствовал и отказ от больших боев. Они никогда не помышляли о том, чтобы противопоставить капиталу сплоченный фронт пролетариата. Возникнув в эпоху мелкой экономической борьбы с лишь слабо объединенными в картели предпринимателями, они, как профессиональные организации, довольствовались достижением материальных преимуществ для отдельных профессий. Они плодили конкуренцию между профессиями и способствовали ей. Они отделяли работающих от безработных, обученных от неквалифицированных, молодых рабочих от старых, мужчин от женщин. Так они разрывали пролетарский фронт, вводили расслоение класса и парализовали, таким образом, классовую борьбу. Этой тенденции способствовало распространение системы социальной поддержки, снимавшей бремя с государства и предпринимателей и отравлявшей дух рабочих воспитанием погони за мелочными, эгоистическими интересами.

Все более могущественные, соединенные в тресты и синдикаты предприниматели загоняли их в глухую оборону, и они впали в откровенный либеральный реформизм, всячески избегали больших стачек, поскольку те вольно или невольно должны были принять политический характер, и удовлетворялись торгом вокруг ставок зарплаты, колдоговоров и т.д. Их борьба за зарплату стала самоцелью, а не методом достижения социализма. Таким устройством профсоюзов объясняется их ужас перед массовой стачкой и единой массовой организацией. Всеобщая стачка с самого начала высмеивалась как всеобщая бессмыслица; а когда революция потребовала всеобщей стачки как первого сознательного и могущественного восстания пролетариата как класса, вся профсоюзная бюрократия возопила: всеобщая стачка - это всеобщее преступление!

Эта профсоюзная бюрократия - продукт централистско-бюрократической формы организации. Все, что было сказано о партийных вождях, в еще большей степени относится к профсоюзным чиновникам. Они представляют собой настоящих бонз, типичных унтер-офицеров рабочей армии. Кровью и плотью срастаясь со своими союзами, завися в своем существовании от их существования, они могут рассматривать социальный вопрос не иначе, как через очки их узких союзных интересов. В конфликте между классовой борьбой и профсоюзной кассой, общим благом и своей миской они всегда решают в пользу второго (...) Во время войны эти профсоюзные чиновники были злейшими сторонниками войны до конца и аннексий; позволяя рекламировать себя, они своими жалобами в военное ведомство отправляли в окопы и под вражеские пули любого представителя оппозиции. Они помогали создать позорный закон о вспомогательной службе и до последней минуты пытались предотвратить наступление Ноябрьской революции. Вскоре после этого они заключили соглашение с предпринимателями - второй гражданский мир в интересах денежного мешка - и участвовали в революционных боях как злейшие и самые подлые преследователи борющихся рабочих. С помощью позорного предательства они помогли утопить в рабочей крови борьбу в Рурской области, а когда затем белый террор бросил тысячи пролетариев в тюрьмы и на каторгу, профсоюзные чиновники участвовали в трибуналах, выносивших эти кровавые приговоры. Для профсоюзов и их бюрократии. Которые уже в нормальные времена были помехой и опасностью на пути развития, сегодня может быть только одно: истребление, слом, уничтожение. Долой всякие церемонии с ними в момент, когда именно они делают возможным дальнейшее существование капитализма в этой стране и его хозяев из Антанты тем, что они - с помощью профсоюзов - могут вдвойне и втройне выжимать соки из трудового народа! Разве не профсоюзы повсюду выступили за сдельщину? Разве не они дружно одобрили практику многосменки, сверхурочных и т.д. и даже способствовали ей? Не они были всегда и везде самыми покорными лакеями предпринимателей? В случае с законом

о производственных советах? В примирительных комиссиях? В отношении безработных? Есть ли вообще хоть одно мошенничество, хоть одна подлость, совершенные капиталистами против рабочих, к которым бы не приложили руку профсоюзы?

Революционизация этих прогнивших и опустившихся образований невозможна. Невозможно преобразовать их в инструменты классовой борьбы. Даже их реформирование - это иллюзия. Она потребовала бы бесконечно долгого времени, заставило бы упустить революционную ситуацию и в лучшем случае поставила бы на место бюрократов из СДПГ бюрократов из Независимой СДПГ или компартии, то есть дьявола на место черта. Реформировать или революционизировать изнутри означает желание сохранить и обновить то, что должно быть уничтожено. Уничтожено с корнем. Никакие сантименты не помогут! Никакие указания на большое число членов в профсоюзах! Все это вздор! Несмотря на большое количество членов, профсоюзы не в состоянии провести ни одну забастовку, потому что они боятся развала организации и банкротства профсоюзных касс. Они не могут отразить ни одной атаки предпринимателей на права и интересы рабочих. Зачем же они вообще нужны?

Революционный рабочий больше никак не заинтересован в сохранении этого института обеспечения бонз, этого стражника интересов капитала. Этой организации систематического предательства рабочих. Он заинтересован только в их быстрой и основательной ликвидации! (...)

Советы

Авторитарно-централистские организации, партии и профсоюзы в случае завоевания государственной власти неминуемо приводят к бюрократизму. И как может быть иначе! Чтобы удержаться у власти, партия должна немедленно расставить на все посты верных людей. Верных в ее смысле - то есть революционных в ее отношении людей она изымает из своих рядов. Так партийные бонзы становятся правительственными бонзами, а государственная власть в действительности - спроецированной на все и вся партийной властью. Верность партийным убеждениям - это первая предпосылка господства. Поскольку партийные владыки отныне владеют полицией, армией, исполнительной властью, общественным мнением, судами, застенками и - не в последнюю очередь! - станком для печатания денег и устанавливают диктатуру, то возникает диктатура партии, направленная не только против буржуазии и контрреволюционных слоев пролетариата, но и против революционных слоев пролетариата, если они революционны как-то по-иному, нежели в официально разрешенном, снабженным чиновничьим штемпелем партийном смысле. Простой демагогический обманный трюк, обрушивающийся на любое отклоняющееся от партийных норм убеждение как “контрреволюционное”, создает для этого этико-политическое оправдание. Так например, в России тысячи самых пламенных и преданных революционеров сидят в застенках только потому . что они не революционны в большевистском смысле, то есть с точки зрения случайно правящей партии. И любой послеоктябрьский большевик, чья единственная революционная заслуга состоит в том, что сумел умно воспользоваться политической конъюнктурой и, не отягощенный действительно революционным духом, смог пробиться к государственной кормушке, может под аплодисменты своей партии и своего правительства оплевывать этих передовых борцов революции как “контрреволюционеров”. В России подтвердилось на практике то, что теоретически само собой разумеется: что централистская партия - какое бы честное желание ее ни окрыляло - никогда не сможет создать Советы. Она тонет в бюрократизме. Она существует в нем и через него. В России бюрократия комиссариатов. Именно она правит. Там нет системы Советов. Образованные в ходе открытых выборов, по партийным спискам и в условиях неслыханного правительственного террора “Советы” - это не Советы в революционном смысле слова. Это фасад. Это политический обман. Обман всего мира. Вся власть в России принадлежит бюрократии - смертельному врагу системы Советов. Смертельному врагу, поскольку то, что наполовину - всегда враг целого.

С помощью бюрократии централизма можно построить, организовать и поддерживать буржуазно-либеральное государство. Можно и развивать капиталистическое хозяйство (немногие господствуют над многими и эксплуатируют их). Но пролетарское самоуправление и социалистическое хозяйство требуют системы Советов (все производят для удовлетворения потребностей и все участвуют в управлении). Партия мешает России придти к системе Советов. Но без Советов невозможно социалистическое строительство, невозможен коммунизм. Диктатура партии - это господство бюрократов, деспотия комиссаров, это государственный капитализм, самая худшая эксплуатация и рабство. Диктатура царизма была господством одного класса над другими классами. Диктатура большевиков есть господство 5% одного класса над всеми остальными классами и 95% своего собственного класса. Нет большего врага диктатуры класса, чем диктатура партии. Это означает: нет большей помехи социализму, большего затруднения для революции, большего врага для системы Советов, чем партия. Преодоление партии - это самая элементарная предпосылка революции, системы Советов, социализма.

Советы возникают на предприятиях. Они содержат только пролетарский элемент. Как органы, пользующиеся доверием всех творческих сил, они формируются в ходе тайных выборов. Никакая партия, пользующаяся привилегиями государственной власти, не может иметь в них преимуществ. Их члены, их состав всегда, в любой момент могут быть отозваны. Так в них проявляется воля действующих масс. Разделение на вождей и ведомых, правителей и управляемых, умных и ослов исчезает. Как все работают, так все и выражают свою волю; все сами управляют собой. “Буржуазная форма организации

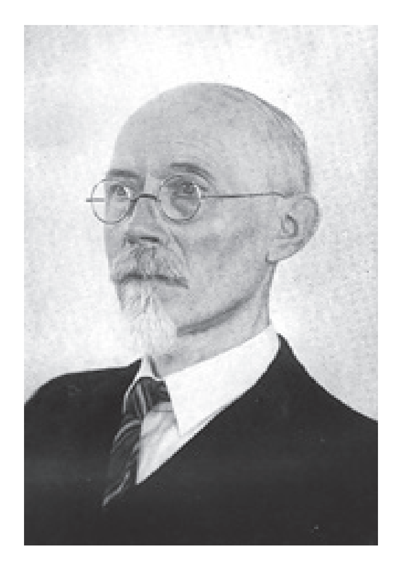
нацелена на индивидуальное, она находит свой расцвет в культе героев, масса для нее - материал, из которого лепят “избранные”. Пролетарская организация возвращает индивидуум в общность, в социальность. Личность, пусть даже самая великая, не балуется, не возносится на недостижимые высоты, она расширяется во все стороны в совместном, она пронизывает массы исходящим от нее жаром и растет вместе с массой”. Так писал когда-то доктор Шредер, когда он еще не был бонзой Коммунистической рабочей партии и не “симпатизировал” российскому рублю. Сегодня он разрабатывает централистские “генеральные линии” и грезит о партийной диктатуре. Пропаганда Советов КРПГ была пустой, демагогической болтовней, поскольку КРПГ была партией, а партия нацелена на бюрократию. Точно также лозунг КПГ “Выбирайте политические рабочие Советы!” - демагогическая увертка, за которой скрывается ни что иное, как попытка спасти шатающуюся в партийном кораблекрушении власть бонз с помощью спасательной лодки мнимых Советов, с тем чтобы благодать бонзократии еще долго сохранялась над пролетариатом.

Советы могут быть подготовлены только организациями, которые имеют свои корни на предприятиях, без остатка преодолевают партийный характер и стряхнули с себя всякую зависимость от партий, по возможности воплощая в своем построении систему Советов.

(Die Aktion, Berlin, 1921, n° 37/38 и т.д.)

left-dis.nl

Биография Антона ПАННЕКУКА



Антон Панненкук (1873-1960), статью которого «Партия и класс» мы публикуем ниже, был крупнейшим теоретиком такого течения в марксизме, как «коммунизм рабочих Советов» – течения, отвергавшего авангардную роль партии и утверждавшего самодостаточность Советов.

По образованию и профессии Паннекук был астрономом, причем достаточно крупным (он открыл двойные звезды). Политическую деятельность начинал в рядах Социал-демократической рабочей партии Нидерландов (СДРПН). В 1900-х годах от СДРПН откололось ее левое крыло, группировавшееся вокруг газеты «Трибуна». Оно создало альтернативную, Социал-демократическую партию Нидерландов, остававшуюся, однако, небольшой и невлиятельной.

Уже до 1914г. Паннекук стоял на левом фланге мирового социалистического движения. Он решительно поддержал Розу Люксембург в ее полемике с Каутским по вопросу о значении всеобщей стачки.

Голландия не участвовала в Первой империалистической войне. Руководство официальной СДРПН стояло на пронемецких позициях, руководство «трибунистской» СДПН (будущие сталинизаторы партии) на проантантовских, левое крыло трибунистов, Паннекук, Гортер и их товарищи отстаивали последовательно интернационалистские позиции и поддерживали контакты с крайне левой подпольной группой в Германии – Интернациональными Коммунистами Германии (т.н. «северогерманские левые радикалы»).

Осенью 1918г. СДПН переименовалась в КПН, став второй после РКП(б) коммунистической (по названию) партией в мире. Однако революционный кризис, охвативший Голландию осенью 1918г., не перерос в революцию, решающие события происходили в Германии. Там осенью 1920г. стоявшие на последовательно революционных позициях элементы были исключены из КПГ и создали Коммунистическую рабочую партию Германии (в нее ушло 60 тысяч из 100 тысяч членов КПГ). КРПГ выступала против участия в выборах, против профсоюзов (которым противопоставляла Советы), и хотела быть не «партией вождей, а партией масс». Следом за расколом КПГ произошел раскол КПН: в КРПН ушло 200 из 2000тысяч членов КПН. Так возник Германо-Голландский левый коммунизм. От лица этого течения голландский революционер Герман Гортер (1864-1927) дал ответ на «Детскую болезнь левизны в коммунизме» в своей брошюре «Ответ товарищу Ленину».

Разочаровавшись к 1922г. в революционном потенциале РКП(б) и Коминтерна, придя к выводу о их чисто буржуазном характере, КРПГ и КРПН попытались создать Коммунистический Рабочий Интернационал, куда, кроме них, вошли относительно сильные коммунистические рабочие партии Болгарии и Англии. . КРП Болгарии (как и все болгарские левые) будет вырезана белым террором в 23-25гг., КРП Англии распадется после ухода из политики ее лидера, Сильвии Панкхерст, КРПГ развалится в 1922г. из-за внутренних разногласий, вслед за ней та же участь постигнет КРПН. После этого Гортер, активист, агитатор и организатор (что не мешало ему быть очень крупным голландским поэтом) до своей смерти в 1927г. будет пытаться спасти то, что можно спасти, Паннекук, теоретик по складу характера, в деятельности уцелевших левокоммунистических групп непосредственного участия не принимал, но сохранял с ними (в 30-е годы прежде всего с голландской Группой интернациональных коммунистов) дружеские отношения и вел теоретическую работу.

КРПГ 1920-1922гг., отрицая «партию вождей», не отрицала необходимость революционной организации, которая не командовала бы пролетариатом, но своим просвещением проясняла бы его сознание, а своим действием и примером увлекала бы на его борьбу. Она хотела стать «партией, твердой, как железо, и прозрачной, как стекло» (слова Гортера). Спад пролетарской борьбы привел к превращению германо-голландских левых коммунистов в небольшие кружки, изолированные от рабочей борьбы. В результате у них возобладала тенденция к превращению нужды в добродетель: не имея возможности влиять на рабочую борьбу, они стали с 1930-х годов утверждать, что любое влияние на стихийную рабочую борьбу со стороны политической организации – даже их собственной – вредно по определению, поэтому пусть рабочие борются как хотят, а задача левокоммунистических кружков – лишь комментировать эту борьбу, сторонники же левого коммунизма могут участвовать в рабочей борьбе лишь в индивидуальном порядке. Так произошло вырождение возникшего на пике революции Германо-голландского левого коммунизма в «коммунизм рабочих Советов», теоретизировавший ситуацию победы реакции и возводивший в идеал вынужденное бессилие. Справедливость обязывает признать, что вклад Антона Паннекука в это вырождение Германо-Голландского Левого коммунизма был весьма значительным.

В 1938г. Паннекук написал очерк «Ленин как философ», где, анализируя «Материализм и эмпириокритицизм», доказывал, что Ленин в теории познания вернулся от исторической материализма к буржуазному материализму 18 века, что, по мнению Паннекука, было частным проявлением того факта, что Ленин являлся не пролетарским, а буржуазным

революционером (эту работу надо будет когда-нибудь перевести на русский язык – но в еще большей степени этого заслуживает текст Гортера 1920г. «Ответ товарищу Ленину» - ответ Германо-Голландской Левой на «Детскую болезнь левизны...»).

Другой важной работой Панненука была статья с интригующим названием «Почему рабочие движения прошлого потерпели поражение?». Потому, отвечает на этот вопрос Паннекук, что рабочие массы верили вождям. Этот ответ страдает крайним идеализмом и субъективизмом, и недалеко ушел от троцкистских объяснений причин поражений революций предательствами их вождей. Анализа объективных причин, по которым у рабочих была нехорошая привычка верить вождям, не провели ни Паннекук, ни троцкисты. .

В 1942-1944г. Паннекук, находясь в полуподполье под гитлеровской оккупацией, написал свою фундаментальную итоговую книгу – двухтомник «Рабочие Советы».

На позициях коммунизма рабочих Советов он остался до конца жизни – умер в 1960г.

Как теоретика, Паннекука в высшей степени отличало просветительство – идея о том, что рабочие сперва станут сознательными, а затем совершат революцию. Этот просветительский подход, переходящий в идеализм, во многом обесценивал его теоретические идеи. Тем не менее, при всех своих теоретических ошибках, Паннекук был одним из крупнейших марксистских теоретиков первой половины 20 века и до конца жизни остался верен делу угнетенного класса...

ПАРТИЯ и КЛАСС

Старое рабочее движение организовано в партии. Вера в партии – основная причина слабости рабочего класса. Мы избегаем создавать новые партии, но не потому что нас слишком мало, а потому что партия – это организация, цель которой направлять и контролировать рабочий класс. В противовес этому мы утверждаем, что рабочий класс может прийти к победе только когда он самостоятельно возьмется за решение своих проблем и своей судьбы. Рабочие не должны слепо соглашаться с какими-либо лозунгами, в том числе и лозунгами нашей группы, но должны думать и действовать самостоятельно. Эта концепция противоречит традиции, в которой партия понималась как самое важное средство воспитания пролетариата. Поэтому социалистические и коммунистические партии противостоят нам. Это отчасти является следствием их традиционных концепций: если видеть в классовой борьбе борьбу партий, то становится трудно рассматривать ее как борьбу собственно рабочего класса (а не партии), то есть классовую борьбу. Но частично эти концепции основаны на той идее, что партия играет ключевую роль в борьбе пролетариата. Давайте рассмотрим эту последнюю идею более подробно.

По существу партия это объединение людей, придерживающихся определенных взглядов и концепций, а классы это объединения людей на основании их экономических интересов. Принадлежность к классу определяется ролью в процессе производства, а партия объединяет людей с одинаковым пониманием своих социальных проблем. Ранее была мысль, что это противоречие будет снято особой классовой «рабочей» партией. Во время роста социал-демократии казалось, что она будет постепенно объединять весь рабочий класс, частью как членов, частью как сторонников, потому что марксистская теория заявляла, что схожие интересы порождают схожие точки зрения и цели, а противоречие между партией и классом, как ожидали, постепенно исчезнет. История доказала, что это не так. Социал-демократия осталась меньшинством, другие группы рабочего класса организовались против нее, некоторые части откололись от нее, и ее характер изменился. Ее программа подверглась ревизии и новому истолкованию. Развитие общества происходит не гладко, подобно ровной линии, но в конфликтах и противоречиях.

С ростом интенсивности классовой борьбы, могущество врага так же возрастает и вызывает у рабочих новые сомнения и споры о том каким путем идти. А каждое сомнение рождает расколы, противоречия и фракционную борьбу в рабочем движении. Бесполезно сожалеть по поводу этих конфликтов и расколов, пагубных вследствие разделения и ослабления рабочего класса. Рабочий класс не слаб, потому что раскалывается, а раскалывается, потому что слаб. Именно потому, что враг силен и старые методы борьбы доказали свою непригодность, рабочий класс должен найти новые методы. Его задача станет ясной в результате просвещения, он должен обнаружить свои задачи в тяжелой работе и столкновениях различных мнений. Он должен найти свой собственный путь как результат внутренней борьбы. Он должен оставить старые идеалы и иллюзии и найти новые, что, разумеется, трудно вследствие величины и остроты расколов.

Мы не можем обманываться по поводу того, что период партийной и идеологической борьбы будет временным, и он откроет пути к обновленной гармонии. Правда, в процессе классовой борьбы бывают обстоятельства, когда все силы объединяются в стремлении к реальной великой цели, и революция проводится силой всего объединенного рабочего класса. Но после каждой такой победы возникает вопрос - что делать дальше? Если рабочий класс побеждает, он всегда сталкивается с труднейшими задачами подавления врага, реорганизации производства и установления нового порядка. Невозможно, что бы все слои и группы с их часто различными интересами были согласны по поводу всех вопросов и были готовы к единым решающим действиям в будущем. Они найдут правильное направление только после острой полемики и конфликтов и только таким образом достигнут ясности.

Если, в такой ситуации, люди, придерживающиеся

одних и тех же фундаментальных концепций, объединяются для дискуссий о практических шагах, ищут ясность и распространяют свои идеи, то такие группы можно назвать партиями, но они будут партиями в совершенно другом смысле, чем сегодня. Действие, действительная классовая борьба, это задача самих масс трудящихся во всей их полноте, в их реальных объединениях, таких как фабричные рабочие на фабриках или другие производственные группы, потому что история и экономка загнали их в такие условия, когда они могут и должны вести классовую борьбу. Будет сумасшествием, если бы сторонники одной партии пошли на забастовку, в то время как остальные продолжали бы работу. Напротив, обе тенденции должны защищать свою позицию (бастовать или не бастовать) на заводском митинге, предоставляя, таким образом, трудовому коллективу возможность принять хорошо обоснованное решение. Эта борьба столь значительна, а враг так силен, что только все трудящиеся вместе могут одержать победу. Такая победа - результат материальной и нравственной силы действия, единства и энтузиазма, но так же и результат силы разума. В этом случае огромное значение таких партий и групп основано на мнении, что они привносят ясность в конфликты, дискуссии и пропаганду. Они являются органами самопросвещения рабочего класса, средством поиска рабочими своего пути к свободе.

Конечно, такие партии не являются статичными и неизменяемыми. Каждая новая ситуация, каждая новая проблема будут порождать взгляды, разделяющие старые группы и порождающие новые группы с новыми программами. Они имеют неустойчивый характер и постоянно переделывают сами себя в новой ситуации.

В сравнении с такими группами существующие в настоящее время рабочие партии имеют принципиально другой характер и другие цели: они хотят захватить власть для себя. Они не ставят себе цель помочь рабочему классу в его борьбе за освобождение, но хотят управлять им и заявляют, что это и есть освобождение пролетариата. Социал-демократия, выросшая в эпоху парламентаризма, понимает это управление как парламентское правление. Коммунистическая партия доводит идею партийного управления до последнего предела тотальной диктатуры.

Такие партии, в отличии от групп описанных выше, должны иметь жесткую структуру с четкими демаркационными линиями в виде членских билетов, партийной дисциплины, процедур вступления и исключения. Они – инструмент власти – они борются за власть, контролируют своих членов с помощью силы и постоянно стараются расширить сферу своей власти. В их задачи не входит развитие инициативы трудящихся, более того их цель – воспитание лояльных и не задающих вопросы последователей их веры. В то время как рабочий класс в его борьбе нуждается в неограниченной интеллектуальной свободе, в свободе дискуссий, руководство таких партий должно подавлять все мнения кроме собственного. В «демократических» партиях это подавление завуалировано, манипулятивно, в диктаторских партиях оно грубо и ни чем не прикрыто. Многие рабочие уже понимают, что правление социалистической и коммунистической партии станет только замаскированной формой буржуазного правления, при котором остаются эксплуатация и подавление рабочего класса. Взамен таких партий, они участвуют в создании «революционных партий», которые на самом деле будут стремиться к руководству рабочими и построению коммунизма. Но не партий, в новом, описанном выше значении этого слова, а партий подобных существующим сегодня, которые борются за власть как «авангард» класса, как организация сознательного революционного меньшинства, которая захватывает власть для развития этого класса.

Мы утверждаем, что термин «революционная партия» содержит внутренние противоречие. Такая партия не может быть революционной. Она не более революционна, чем создатели «третьего рейха». Когда мы говорим революция, мы имеем в виду пролетарскую революцию, т.е. взятие рабочим классом управления над самим собой.

«Революционная партия» основана на идее, что рабочему классу необходима новая группа руководителей, которая победит буржуазию и создаст новое правительство. (Заметьте, что рабочий класс в рамках этой концепции не считается способным реорганизовать и регулировать производство.) Разве рабочий класс не кажется слабым и неспособным к революции, разве нет необходимости в революционном авангарде, партии, что бы делать революцию для него? И разве все это не так, пока массы добровольно терпят капитализм?

В противовес этому мы задаем вопрос: какую силу поднимет такая партия на революцию? Каким образом она способна победить капиталистический класс? Только если массы встанут за ней. Только если массы поднимутся на борьбу, массовые стачки, и ниспровержение старого режима. Без действия масс не может быть революции. Из этого следуют две вещи. Массы остаются в действии: они не идут по домам и не оставляют управление новой партии. Они организуют свои силы на фабриках и в мастерских и готовятся к будущим конфликтам, для того чтобы победить капитал. Посредством рабочих советов они основывают союзы, чтобы принять полное управление всем обществом, другими словами они доказывают, что они способны к революции. В этом случае, по необходимости, будет возникать конфликт с партиями, которые сами хотят получить контроль и которые видят в самодеятельности рабочего класса только хаос. Возможно рабочие будут развивать свое движение и разгонят партии. Или партии, с помощью буржуазных элементов, одержат верх над рабочими. В обоих случаях такие партии - помеха для революции, потому что они чувствуют себя призванными руководить и править.

С другой стороны массы могут последовать партийной вере и предоставить партии полностью управлять

делами. Они следуют лозунгам сверху, доверяют новому правительству (как в Германии и России), которое строит коммунизм, – и возвращаются по домам. Немедленно буржуазия, корни которой не разрушены, использует все свои силы, всю свою финансовую мощь, свои огромные интеллектуальные ресурсы и свою экономическую мощь на фабриках и больших предприятиях. Против этого правящая партия слишком слаба. Только путем сдерживания и уступчивости она может удержаться. Такая партия, лишившись поддержки класса, станет инструментом буржуазии.

Мы утверждали выше, что термин «революционная партия» с точки зрения пролетариата содержит противоречие. Мы можем обосновать это иначе. Под термином «революционная партия» и «революционеры» всегда подразумевалась буржуазная революция. Всегда, когда массы свергали правительство, и новая партия захватывала власть, мы имели буржуазную революцию – замену старой правящей касты на новую. Так было в Париже в 1830 году когда финансовая буржуазия вытеснила землевладельцев, и в 1848 году когда индустриальная буржуазия захватила власть. В русской революции партийная бюрократия пришла к власти как правящая каста (и как сила - последовательно проводящая индустриально-капиталистическую модернизацию - об этом Паннекук пишет в других своих работах - прим.ред.). В Западной Европе и Америке буржуазия гораздо лучше закрепилась на заводах и в банках, так что партийная бюрократия не может вытолкнуть ее так просто.

Буржуазию можно победить только подготовленными едиными действиями масс, в которых они захватят фабрики и заводы и создадут свои советы. Те, кто говорит о «революционных партиях», делают неполные, ограниченные выводы из истории. Социалистические и коммунистические партии стали органами буржуазного управления для увековечения эксплуатации. Некоторые люди не могут понять, что неудача таких партий есть следствие фундаментального противоречия между саморазвитием рабочего класса, опирающегося на собственные силы и умиротворением революции новой правящей кликой. Они думают, что они являются революционным авангардом, потому что они видят, что массы безразличны и неактивны. Но массы неактивны, потому что они не могут пока понять направление борьбы и единство классовых интересов, хотя они инстинктивно чувствуют огромную силу врага и громадность своей задачи. Сложившиеся условия вовлекают их в действия и они пытаются решить задачу самоорганизации через захват экономической мощи капитала.

(1936) взято с сайта left-dis.nl

Последние вздохи сталинизма. Ответ г-ну Шапинову



Наконец-то свершилось! Ведущий теоретик Организации Марксистов Виктор Шапинов посвятил целых две статьи разбору и критике теории государственного капитализма в СССР. Три года существования ОМ ни Шапинов, ни другие ее идеологи госкаповцев просто не замечали или делали вид, что их не существует. Ну нет, ни ИСПРК, ни КРАС, ни Новых Левых, ни МРП, ни «Лотта коммуниста», ни ИКТ... Пусть они себе издают там «Пролетарий», «Черную звезду», «Л□ву справу», «Левый поворот», «Интернационализм», газеты и журналы, создают сайты и пишут книги, ведут агитацию и пропаганду. Все это, мол, к нам, подлинным революционерам, не имеет ни какого отношения. Для нас существуют только оппортунисты из КПУ, которые каждый день мелькают на телеэкранах или в радиоэфире. Да еще Организация Марксистов – единственная революционная сила современности, которая неуклонно растет в тесном контакте с такими оплотами социализма как Северная Корея, Куба и Венесуэла, и скоро займет место КПУ.

Действительно: куда нам, госкаповцам, с нашими нерегулярно выходящими черно-белыми газетами сравниться с глянцевыми обложками журнала «Против течения», издаваемого раз в квартал уже три года подряд Организацией марксистов? Правда в последнее время «Против течения» стал выходить в два раза реже – уже не раз в квартал, а раз в полугодие, а из его редакции ушла часть активных ранее авторов. Теперь они, выйдя из ОМ, издают свой журнал «Пропаганда». Может этот раскол и кризис в ОМ и стал причиной неожиданного «прозрения» Шапинова, который в поисках истоков кризиса и нашел «козлов отпущения» - вредителей и диверсантов - госкаповцев?

Странно только, что их последователя А.Будило Шапинов все еще называет «честным коммунистом, ищущим человеком» и «подготовленным в некоторых областях марксистом». Наверное, плохо учил уроки Сталина и Мао в борьбе с врагами социализма господин-товарищ Шапинов. Великие вожди давно бы разоблачили таких «честных» и «ищущих» коммунистов как агентов фашизма и империализма. И давно бы с ними расправились. Но что-то мешает сегодня Шапинову поступить так же.

Что ж, Каменев и Зиновьев также нужны были до поры до времени Сталину. Лидерам Левой оппозиции, разгромленной в конце 20-х годов, правящая бюрократия сохранила жизнь, чтобы вывести их на показательные процессы в 1936-1937 гг. Те самые процессы, которые послужили оправданием Большого Террора. Почему-то Сталин побоялся устроить публичный процесс Троцкому, предпочитая выслать его из СССР в конце 20-х. А в 1940 г., когда в Европе уже шла война, посланный Сталиным убийца Рамон Меркадор нашел основателя 4-го Интернационала аж в Мексике, чтобы нанести ему удар ледорубом по голове. Видимо генсек ЦК ВКП(б) значительно серьезнее, чем его нынешние последователи, воспринял слова министра иностранных дел Франции Кулондра, сказанные им в 1938 г.: «Если в Европе вспыхнет новая мировая война, то победителем в ней будет Троцкий». Не зря же Р.Меркадор получил звание Героя Советского Союза.

Разбирая статьи Будило, Шапинов действует по принципу «Бей своих, чтобы чужие боялись». Не даром он выбрал наиболее слабого сторонника теории госкапитализма, «новообращенного», как он сам его называет. Ведь подробно разбирать книги Бруно Рицци, Тони Клиффа, Арриго Черветто или, скажем, Юрия Семенова [1] означало бы для Шапинова расписаться в собственной ограниченности, безграмотности и несостоятельности. Действительно Будило есть за что критиковать. Он не разобрался до конца в сущности государственных форм эксплуатации и повторяет ошибки Ленина, который видел только частновладельческие формы и считал их единственно возможными. Эти ошибки дорого стоили большевикам и был одной из причин их поражения.

Что же такое государственный капитализм?

Слишком широкое употребление термина «государственный капитализм» среди марксистов лишь подтверждает слова Л.Д. Троцкого о том, что этот термин представляет то удобство, что никто точно не знает, что он собственно обозначает. [2] Для Ленина и Троцкого государственный капитализм означал два понятия: 1) государственно-монополистический капитализм (ГМК), возникающий в странах развитого частновладельческого капитализма, когда в интересах сохранения последнего государство берет в свои руки часть средств производства и регулирует экономику командными мерами, как например в США при «Новом курсе» Ф.Рузвельта, когда происходит сращивание верхушки монополий с государственным аппаратом; 2) в Советской России это допускаемый и контролируемый государством в ограниченных масштабах частновладельческий капитализм, как, например, в годы НЭПа – сдача в концессию капиталистам части государственных фабрик, заводов, нефтяных промыслов.

Мы же рассматриваем СССР и страны «соц. лагеря» XX века не в отрыве, а в контексте

истории всего человечества. Если в анализе общественных систем исходить не из особенностей положения господствующего класса, а из положения непосредственного производителя, то все многообразие существовавших и существующих на Земле форм и видов эксплуатации человека человеком можно свести к трем основным способам эксплуатации или способам отчуждения прибавочного продукта:

1) рабовладельческий - когда непосредственный производитель лишен и средств производства, и личной свободы и сам является средством производства (говорящим орудием);

2) феодальный - когда непосредственный производитель наделен средствами производства, то есть землей, скотом, инвентарем (это и есть его натуральная зарплата), но лишен личной свободы, т.е. прикреплен к своему наделу, селу, общине, касте, сословию и т.д.

3) капиталистический - когда непосредственный производитель имеет личную свободу (юридически равные права со всеми другими гражданами), но лишен средств производства, то есть не имеет ничего кроме рабочей силы, которую и продает на рынке труда.

Поскольку первые два способа эксплуатации основаны на внеэкономическом принуждении, а рабовладение у большинства народов Земли никогда не было господствующим видом эксплуатации (даже в древнем мире рабы составляли не более 1/3 всего населения [3]), то эти два способа можно объединить в первичную (докапиталистическую) классовую формацию, называемую иногда “большой феодальной”.[4]

И первичная (феодальная), и вторичная (капиталистическая) классовые формации могут существовать как в **частновладельческой,** так и в **государственной форме.** С этим связаны два основных способа распределения прибавочного продукта и две основных формы собственности в классовых обществах. Если при частновладельческой эксплуатации средства производства находятся в частной собственности отдельных представителей господствующего класса, и прибавочный продукт, соответственно, поступает им напрямую (как в рабовладельческой вилле, феодальном поместье или частном предприятии), то при государственной форме эксплуатации господствующий класс выступает коллективным (корпоративным) собственником средств производства, объединенных в государственную собственность, а прибавочный продукт идет не отдельным представителям господствующего класса, а государству, а затем распределяется между людьми, составляющими государственный аппарат, в соответствии с их положением в иерархической лестнице власти. Именно эти, государственные формы эксплуатации Ю. И. Семенов объединил в политарный способ производства и совершенно справедливо считает, что в данном случае понятия государственный аппарат и господствующий класс практически совпадают, ибо все члены господствующего класса входят в состав особой иерархически организованной системы распределения прибавочного продукта. А государственная собственность выступает общеклассовой частной собственностью правящего класса. [5].

Государственный капитализм (или, если пользоваться термином Ю.И. Семенова, индустрополитаризм) основан, как и государственная разновидность феодализма, на коллективной (корпоративной) собственности господствующего класса на средства производства. При чем этот класс, называемый иногда государственной или бюрократической буржуазией, как правило, не только присваивает прибавочную стоимость, создаваемую наемными работниками на госпредприятиях, но и эксплуатирует все остальные уклады экономики (обычно, это мелкобуржуазный уклад - крестьяне, ремесленники, кустари и т.п.) методами первоначального и раннекапиталистического накопления. [6] В отличие от ГМК, который возникает на стадии высокоразвитого, перезрелого капитализма и выполняет в нем консервирующую роль, государственный капитализм характерен для ранних стадий становления капиталистической формации, когда при слабости национальной буржуазии государство берет в свои руки проведение капиталистической индустриализации, осуществляя ее за государственный счет и на основе государственной собственности. Подробные доказательства и примеры этого приведены в моей книге «Государственный капитализм и модернизация Советского Союза» [7].

Почем опиум для народа?

Главным аргументом Шапинова против теории госкапитализма в СССР является то, что ее не признавал Ленин. Будило, наоборот, старается доказать, что Ленин как раз и был первым госкаповцем. Мне это напоминает спор между католиками и протестантами о толковании Священного Писания. Могут ли быть женщины священниками? Католики и православные говорят: Иисус, как говорит Писание, избрал своими учениками только мужчин, поэтому священниками могут служить только мужчины. Протестанты отвечают: но Христос, согласно тому же Священному Писанию, избрал апостолами только неграмотных, значит, по вашей логике, нужно священниками назначать только неграмотных; Иисус избрал учениками только иудеев, значит и сейчас священниками следует назначать только иудеев.

Почему Ленин или Христос должны были все знать и все предусмотреть, дать рецепты на все времена и на все случаи жизни? Для христиан ответ ясен: потому что Иисус – это воплощение господа Бога. Кем же считают Ленина Шапинов и его единомышленники по «марксизму-ленинизму»?

В своей второй статье Шапинов приводит свидетельство старого большевика и соратника Ленина Г.Кржижановского об энтузиазме масс в СССР в конце 20-х годов. «Большевик Кржижановский говорит о наступлении на врага, а для «госкаповцев» это – полное поражение социализма, не правда ли показательное различие? Для «госкаповцев» мнение старого большевика также как и фильмы Дзиги Вертова или книги Шолохова, да вообще советская культура в целом – все это лицемерие, лакейство перед бюрократией, обслуживание ее корыстных интересов. Хороший «марксизм» не правда ли?» - вопрошает Шапинов.

Действительно, забьем этих госкаповцев авторитетом! А вот старый марксист Струве, написавший первый Манифест РСДРП, после революции 1905 г. стал ренегатом и участвовал в сборнике «Вехи», защищая

старые порядки. Он и первый русский марксист Плеханов в годы первой мировой войны встали на позиции социал-шовинизма, призвав поддержать в этой войне царскую Россию. За это и Струве, и Плеханова Ленин громил как лакеев буржуазии, не смотря на их прошлые заслуги. Критерием для Ленина, по крайней мере тогда, были интересы пролетариата, трудящихся и эксплуатируемых масс, а не прошлые заслуги.

Для Шапинова же существует строгий иконостас: отцы-основатели, оставившие Святое Писание (Маркс, Энгельс), их пророки-апостолы (Ленин, Сталин, Мао, Кастро), строившие «град божий» на Земле (так называли в средние века церковь), и сонм святых (просто революционеры и партийные деятели, не бывшие в оппозициях, а верно служившие системе). Странно как-то, что в этот сонм святых попал Троцкий, «получивший в молодости марксистское образование». Но этой чести Лев Давидович удостоился лишь потому, что Шапинов уже не может обойтись без его (Троцкого) критики теории госкапитализма, открытой якобы его последователями. Хотя чуть ранее тот же Шапинов признает, что госкаповцами были уже левые коммунисты задолго до Троцкого.

Что бы делали госкаповцы...

Главным обвинением против госкаповцев для Шапинова является то, что они, дескать, не признают опыта строительства социализма в СССР и не хотят брать за него ответственность на себя. Каемся, не признаем и не хотим. За нас это уже сделали. Социализмом сталинский режим признали большинство буржуазных политологов от Бжезинского до Гайдара. Некоторые называют его даже коммунизмом. Так в 1996 г. в Киеве вышла книга профессора Станислава Кульчицкого «Коммунизм в Украине. Первое десятилетие». Вы думаете, что это научная фантастика? Нет это не футурология: под заголовком стоят даты: «1919-1929 гг.» Вместе с ним Шапинов и признает это социализмом и коммунизмом, воплощением в жизнь идей Маркса и Ленина. Только для Кульчицкого – это воплощение преступной человеконенавистнической утопии, а для Шапинова – идеалов свободы, равенства и справедливости. Но подход идеалистичен в обоих случаях. Развитие общества и там, и здесь определяют идеи и теории, а не производительные силы и производственные отношения.

Да и ответственность есть кому брать. Не даром же реабилитацией Сталина и сталинизма на протяжении последних десяти лет так упорно занимается официальная российская пропаганда. Лидер пропутинского блока "Единая Россия" ныне уже спикер Госдумы Борис Грызлов в своем предвыборном выступлении еще в декабре 2003 г. заявлял: "У меня есть мечта - восстановить Советский Союз", а президент России В.Путин в своем выступлении 9 мая 2005 г. назвал распад СССР самой большой катастрофой XX века. В новых российских учебниках истории Сталин – эффективный менеджер, который провел индустриализацию и выиграл войну. Россия, занявшая место СССР в Совете Безопасности ООН, все более открыто признает себя наследником Советского Союза не только в собственности, но и в идеологии.

Шапинов много фантазирует на тему, что бы делали современные госкаповцы, окажись они в России в 1917 г.: «Проведите простую операцию – поставьте на место Непала Российскую Империю, а на место «маоистов-сталинистов» – большевиков. Получится примерно следующее: «X умиляется тем, что в Российской Империи ленинцы (наконец-то, слава богу!) свергли царя, раздают землю крестьянам, готовятся к учредительному собранию и сердится на то, что социал-демократы в упор не видят социалистических преобразований в этой стране». Именно так писали о революции в России Каутский и Ко. Тов. Будило стоит прочитать «Большевизм в тупике», чтобы убедиться, что «госкап» – это лишь перепев старых представлений II Интернационала. Для госкаповцев, как в свое время и для меньшевиков, современный революционный процесс – это в лучшем случае лишь «буржуазная революция», в этом процессе они видят только форму «развития капитализма», в то время как для последователей Ленина – это всегда возможность перехода от буржуазно-демократической к социалистической революции. Думаю, что маоисты Непала в этом вопросе лучшие ученики Ленина, чем тов. Будило и Арриго Черветто.» [8]

Открытия Шапинова действительно достойны Сталинской премии – вслед за Трофимом Лысенко. «Ленинцы свергли царя». Любому учившемуся в школе человеку известно, что царя свергли в ходе Февральской революции народные массы, а Ленин приехал в Россию лишь в апреле 1917 г. Но это, видимо, все выдумки госкаповцев. Как установили верные ленинцы, в действительности Ильич никогда не покидал Россию и тайно готовил восстание против царя в Петербурге и даже лично принял у Николая 2-го отречение от престола.

«Раздают землю крестьянам». На самом деле крестьяне сами стали захватывать помещичьи земли еще летом 1917 г. А Ленин и большевики просто поддержали это стихийное движение и узаконили его «Декретом о земле». Текст его, кстати, был полностью списан у эсеров.

«Готовятся к учредительному собранию». Действительно готовились. А в председатели Учредительного собрания большевики выдвинули лидера Партии Левых социалистов-революционеров Марию Спиридонову [9]. Именно левые эсеры обеспечили большевикам поддержку беднейшего крестьянства, составлявшего большинство населения тогдашней России, именно союз с левыми эсерами и позволил установить власть Советов хотя бы на короткий срок. Именно Мария Спиридонова, приговоренная в свое время царским судом к смертной казни, стала первым политическим противником большевиков, которого они приговорили к заключению в особую психиатрическую лечебницу. Приговор не был приведен в исполнение, так как Спиридонова распропагандировала охрану кремлевской тюрьмы и с ее помощью бежала [10].

Еще до побега из тюрьмы она написал «Открытое письмо в ЦК РКП(б)»: „Октябрьская революция, в которой мы шли вместе с вами [большевиками], должна была кончиться победой, т.к. основания и лозунги ее объективно и субъективно необходимы в нашей исторической действительности, и они были дружно поддержаны трудящимися массами. Это была действительно революция трудящихся масс, и Советская власть буквально покоилась в недрах ее...

Но ваша [большевиков] политика объективно оказалась сплошным надувательством трудящихся.

Вместо социализированной промышленности – государственный капитализм и капиталистическая государственность; принудительно-эксплуатационный характер остается, с небольшой разницей насчет распределения прибыли – с небольшой, т.к. ваше многочисленное чиновничество в этом строю сожрет больше кучки буржуазии... ”[11]

Нет нужды выдумывать, что делали бы госкаповцы в 1917 г. в России. Возьмите просто почитайте биографии Марии Спиридоновой, лидера децистов Тимофея Сапронова, который первым в 1931 г. обвинил Сталина в организации голода, или старого большевика пермского рабочего Гавриила Мясникова, который отсидел 7,5 лет в царских тюрьмах, в 1918 г. организовал казнь брата Николая 2-го Михаила Романова, а в 1921 выступил с критикой Ленина, за что попал под надзор ГПУ, а затем в тюрьму [12].

Отто Рюле и Роза Люксембург.

«В России бюрократия комиссариатов. Именно она правит. Там нет системы Советов. Образованные в ходе открытых выборов, по партийным спискам и в условиях неслыханного правительственного террора “Советы” – это не Советы в революционном смысле слова. Это фасад. Это политический обман. Обман всего мира. Вся власть в России принадлежит бюрократии – смертельному врагу системы Советов.»

Хорошее описание сталинизма, подумает тов. Будило, прочитав это. И ошибется. Это написал «левый коммунист» Отто Рюлле в... 1920 году! В самом деле, если быть до конца честным госкаповцем, то следует быть и последовательным антиленинистом. Ведь все те «бюрократические извращения», которые перечисляет в своей статье тов. Будило начались еще при Ленине.» – пишет В.Шапинов.

А вот, что писала Роза Люксебург в октябре 1918 г.: «Совершенно очевиден, неоспорим тот факт, что без свободной, неограниченной прессы, без беспрепятственной жизни союзов и собраний совершенно немыслимо именно господство народных масс.

Ленин говорит, что буржуазное государство – инструмент подавления рабочего класса, социалистическое – подавления буржуазии. Оно в известном смысле лишь поставленное на голову капиталистическое государство. Это упрощенное представление не учитывает самого существенного: буржуазное классовое господство не нуждается в политическом обучении и воспитании всей массы народа, во всяком случае, не выходит за некоторые узко ограниченные рамки. Для пролетарской диктатуры оно – жизненное условие, воздух, без которого она не может существовать.» [13]

«Ленин и Троцкий поставили на место представительных учреждений, вышедших из всеобщих народных выборов, Советы как единственное истинное представительство трудящихся масс. Но с подавлением политической жизни во всей стране неизбежно будет затухать жизнь и в Советах. Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия. Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с неуемной энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции. Итак, по сути, – это хозяйничанье клики; правда это диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков, т.е. диктатура в чисто буржуазном смысле, в смысле господства якобинцев.” [14]

По мнению Р. Люксембург, ошибка большевиков состояла в том, что они, как и К. Каутский, противопоставляли диктатуру пролетариата демократии. Диктатура же пролетариата не может быть ни чем иным, кроме социалистической демократии. “Эта диктатура должна быть делом класса, а не небольшого руководящего меньшинства от имени класса, т.е. должна исходить из активного участия масс, находиться под их непосредственным влиянием, подчиняться контролю всей общественности, опираться на растущую политическую сознательность масс.” [15]

Почему же Шапинов не процитировал эту работу «красной Розы»? Ведь она намного более широко опубликована, чем работы Отто Рюле. Но Роза Люксебург принадлежит к «лику святых» у сталинистов, поэтому указывать, что она критиковала Советскую Россию и политику Ленина не нужно, чтобы не вызывать сомнения в душах верующих.

Молоко за вредность.

«Каковы были условия труда и затраты рабочей силы у «бюрократии»? Выходных нет. Рабочий день не нормирован: 2 или 3 часа ночи – вполне рабочее время для административных работников любого ранга.» - читая эти строки Шапинова, я невольно вспомнил монолог из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» - «У нас, царей, рабочий день не нормированный. Нам молоко за вредность давать надо».

Подобный аргумент мне приходилось слышать от редактора газеты «Большевик» в отношении свидетельства генерала Потапова, также приведенного в моей книге: мол, государство создавало все условия ему как командующему (давало квартиру из 10 комнат и прислугу), чтобы он все 24 часа в сутки думал о своей работе, о Родине, об армии и т.д., и не отвлекался на бытовые проблемы.

Здесь уже мы подходим к вопросу о целях нашей борьбы. К. Маркс в «Критике Готской программы» пишет:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатуры пролетариата» [16]. Примером таковой диктатуры

Маркс считал Парижскую Коммуны 1871 г. При ней как известно была всеобщая выборность и сменяемость должностных лиц, их зарплата установлена на уровне квалифицированного рабочего, а постоянная армия уничтожена [17]. Тогда возникает вопрос: что мы понимает под «диктатурой пролетариата». Ленин как известно в период военного коммунизма пришел к выводу, что диктатура пролетариата может воплощаться в диктатуре Коммунистической партии и даже в диктатуре отдельных лиц, то есть ее вождей. На 11-м съезде РКП (б) (март-апрель1922 г) в политическом отчете ЦК Ленин говорит:

«...гвоздь всего положения не в резолюциях, не в учреждениях, не в переорганизации. Поскольку они нам необходимы, это делать мы будем, но не суйтесь с этим к народу, а подбирайте нужных людей и проверяйте практическое исполнение, - это народ оценит.

В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится»[18].

Как видим здесь уже управляет на народ, и даже не пролетариат, а «мы», которых «капля в море» и которые одни только знают, что правильно, а что нет. Естественно, что если человек думает и решает за всю страну, за всю отрасль или за весь город, то ему для успешной работы нужно не отвлекаться на бытовые проблемы, то есть не думать о том, где и на что купить поесть, что сварить, что одеть, чем накормить детей, как добраться до работы, как заплатить за квартиру или за лечение. Отсюда естественно возникает потребность в людях, которые будут делать эту работу за него: кухарки, горничные, прачки, уборщицы, шоферы, личные врачи и медсестры и т.д.

Далее, если один человек решает и думает за всех, то естественно, что у всех остальных возникает желание сообщить именно ему о своих проблемах, просьбах и предложениях. Если таких просителей и жалобщиков не будет никто сдерживать, то нормально работать они руководителю не дадут. Отсюда необходимость охраны, которая охраняла не только самих вождей, но и членов их семей.

Итак, получив все эти блага, о чем будет думать наш вождь-руководитель в первую очередь: о жизни пролетариев, от которых он отделен прислугой и охраной, как каменной стеной, и которой не знает, или о том, чтобы сохранить свою власть и те привилегии, которые она дает?

«Ход рассуждений высшей бюрократии примерно таков: Мы – избранная часть общества, лучшая его часть, самая умная. Мы ответственны за советское государство. Крестьяне и рабочие ленивы, инертны, невежественны. Мы призваны побудить их работать, оплачивая их труд, а если необходимо – особенно это относится к крестьянам – средствами принуждения. Мы должны все спланировать, все предписать, все проконтролировать: что и когда возделывать крестьянам, когда им снимать урожай, сколько поставить государству, сколько скота у них должно быть и сколько им не полагается иметь и т.д.» [19]. Если бывшие господствующие классы царской России (помещики и капиталисты) пять лет вели гражданскую войну против тех, кто отнял у них власть и собственность, то «гегемон» советского общества, которому якобы принадлежала власть в СССР, в 1991 г. пальцем не пошевелил для защиты «своей» власти, «своего» государства, «своей общенародной собственности». Уже это одно доказывает, что это была не его (рабочего класса) власть, не его государство, не его собственность.

Что же такое диктатура пролетариата?

Другое дело, если мы понимаем диктатуру пролетариата так, как это понимали левые эсеры, сторонники группы демократического централизма или некоторые современные анархо-коммунисты: диктатуру общих собраний трудовых коллективов. «Власть общих собраний означает, что все вопросы от «маленьких» до «мировых» решаются именно общими собраниями трудовых коллективов. А всяческие органы, комиссии, представители, делегаты, нужны только для технического выполнения конкретных политических и экономических решений общих собраний» (Р.Гуков. Нужна ли рабочему классу «настоящая коммунистическая партия»?» 2002 г.) Условия для общих собраний и обсуждения проблем всем обществом, всем классом создают современные средства общения и коммуникации.

Если к примеру, каждый человек будет три или четыре часа в день заниматься физическим трудом, два-три умственным (современная техника вполне позволяет это, учитывая высокий уровень безработицы), то один час в день можно посвятить обсуждению и решению вопросов управления на общих собраниях. А функции технических исполнителей, депутатов и членов комиссий будут исполняться избранными делегатами от таких собраний по очереди. Тогда отпадает необходимость в создании каких-то особых условий для членов исполнительных органов. Время, которое они будут тратить на это обязанности, им будет оплачиваться так же как труд по основному месту работы. Поскольку решать и думать будут все, то никаких особых условий для чиновников не требуется, как не требуется и профессиональных чиновников. Бюрократом на время становится каждый. При этом он не успевает забыть об условиях жизни остальных, поскольку все принятые решения касаются напрямую и его.

Это есть действительная диктатура пролетариата. По сути ту же схему пытался описать В.И.Ленин в работе «Государство и революция»:

«Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, против превращения коих в бюрократов будут тотчас приняты меры, подробно разработанные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы все исполняли функции контроля и надзора, чтобы все на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому никто не мог стать бюрократом» «При социализме **все** будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял» [20]. Увы реальные шаги Ленина у власти оказались, как видим, совершенно другими. Причины этого я анализировал в своей книге.

Правильно пишет Марлен Инсаров: «Наверное, лучшей работой о Ленине остается его короткий некролог, написанный в 1924 г. немецким левым коммунистом, соратником Рюле Фрицем Пфемфертом и озаглавленный „Вторая смерть Ленина". Пфемферт пишет там, что Ленин – пролетарский революционер умер в 1918-1919 гг.. Этого Ленина, Ленина, вставшего против империалистической войны, Ленина, написавшего „Государство и революцию" и проповедовавшего „не партийную диктатуру, но советский строй", Ленина, шедшего вместе с пролетариатом на Октябрьскую революцию, мировой пролетариат не забудет. Но умерший же в 1924 г. буржуазный политик, вождь государственного капитализма, Робеспьер русской революции, „Ленин последних четырех лет был нашим врагом и мы были его врагами" [21].

Послушаем дальше страдания номенклатуры по Шапинову: «Уровень ответственности – самый высокий. Не выполнил план: минимум – слетишь со всех постов, а то и сядешь. Работа не только ответственная, но, в условиях классовой борьбы, еще и опасная. Сколько руководящих коммунистов было убито кулаками, басмачами, «лесными братьями», членами подпольных террористических организаций, расстреляно НКВД, наконец?»

А сколько бизнесменов у нас погибло в 90-е годы в России и в Украине? Вспомните убийство президента Украинской Межбанковской валютной биржи Вадима Гетьмана, президента рыболовецкой компании «Антарктика» Валерия Кравченко, или недавнее - российского бизнесмена Максима Курочкина в Киеве прямо во дворе суда. Да и сейчас время от времени то взорвут кого, то застрелят. А сколько посадили?

«Однако тут логика «левых» критиков СССР подводит: если коммунистический руководитель убит классовым врагом или (еще лучше) погиб в годы большого террора – то это верный ленинец. Если же точно такой же руководитель-коммунист выжил, то он оказывается страшным сталинским бюрократом». Спутал он нас с кем-то. Это для сталинистов «верный или неверный ленинец» – критерий истины, а руководитель-коммунист – идеал, в котором первое слово притягивает вас больше, чем второе.

Скромные чиновники на службе диктатуры пролетариата.

«Разница в доходах между простым рабочим и пусть даже не средним, а высшим бюрократом была не больше, чем разница в зарплате у простого работника современной корпорации и менеджера не высокого звена. Даже в не лучшие, брежневские времена существования советского социализма зарплата низкооплачиваемого рабочего или служащего составляла около 90-100 рублей, средняя – 150-250 рублей, в то время как зарплата очень высокопоставленного чиновника или академика АН СССР составляла 700-1000 рублей. Сравните это с роскошью современной буржуазии, чиновничества и топ-менеджмента крупных компаний».

Во-первых, очень многие основатели крупных корпораций, миллионеры и миллиардеры, когда только начинали свое дело, первые годы после основания кампании, вели очень скромный образ жизни, направляя все доходы на развитие производства. Рассказами об этом полна буржуазная пресса. Так что ничего удивительного в скромности первых чиновников нового государства нет.

Во-вторых, всякому жившему в Советском Союзе прекрасно известно, что деньги – это был далеко не главный признак достатка. Вы могли иметь кучу денег, но не могли на них ничего купить. Отсюда, кстати, появились и миллиарды, вложенные в сберкнижки Сбербанка СССР. Их просто не могли отоварить. Гораздо важнее была возможность достать те или иные товары и услуги. И здесь правящая бюрократия или государственная буржуазия не знала себе равных. Официальная зарплата для чиновников была лишь малой частью их реальных доходов. Возможность получать от государства практически все и практически бесплатно – вот что отличало господствующий класс при государственном капитализме.

В-третьих, такие сравнения уже делались. Еще в 1964 г. известный венгерский революционер, деятель Коминтерна, а впоследствии основатель Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР академик Е.С. Варга в своих предсмертных записках ставил вопрос: "А каковы реальные доходы тех, кто принадлежит к верхушке бюрократии, к правящему в стране слою? А лучше сказать, сколько платит государство в месяц самому себе?

Этого не знает никто!

Но каждый знает, что под Москвой есть дачи - конечно, государственные; при них постоянно находится 10 - 20 человек охраны, кроме того, садовники, повара, горничные, специальные врачи и медсестры, шоферы и т.д. - всего до 40 - 50 человек прислуги. Все это оплачивает государство. Кроме того, естественно, имеется городская квартира с соответствующим обслуживанием и по меньшей мере еще одна дача на Юге. У них персональные спец поезда, персональные самолеты, и те, и другие с кухней и поварами, персональные яхты, и, конечно же, множество автомобилей и шоферов, обслуживающих днем и ночью их самих и членов их семей. Они бесплатно получают или, по крайней мере, получали раньше (как обстоит дело теперь, я не знаю) все продукты питания и прочие предметы потребления. Во что все это обходится государству? Я этого не знаю! Но я знаю, что для обеспечения такого уровня жизни в Америке надо быть мультимиллионером! Только оплата самое малое 100 человек личной обслуги обошлась бы в месяц примерно в 30-40 тыс. долл. Вместе с прочими расходами это составило бы более полумиллиона долларов в год!" [22]

Шапинову не нравятся эти подсчеты. Пусть он найдет более точные данные и подтвердит их документами. Пока что его попытки опровергнуть наши данные выглядят довольно жалко.

«Тов. Будило в своем желании доказать существование в СССР капитализма даже не берется проверять факты из этой области, он просто некритически приводит данные из брошюры «госкаповца» Андрея Здорова, где в качестве доказательства «роскоши бюрократии» используется свидетельство генерал-майора М.И.Попова, который в 1941 году получал зарплату 2600 рублей. Тов. Будило, однако, вслед за

Здоровым «забывает» сказать, что это «старые» 2600 рублей, которые после деноминации 1947 года стали «новыми» 260 рублями.»

Я приводил там и данные о средней зарплате рабочих и служащих в СССР в 1940 г. из официального статистического сборника «Труд в СССР» - 33 рубля. Я даже увеличил эту цифру в десять раз с учетом деноминации и указал 330 руб. Но прочитать до конца абзац В.Шапинов не захотел, а тем более проверить ссылку на источник.

Тони Клифф обращает внимание еще на такие цифры. В соответствии с решением Верховного Совета СССР от 17 января 1938 г. председатели и заместители председателей Совета Союза и Совета Национальностей получают по 300 тысяч рублей в год, а депутаты Верховного Совета СССР – по 12 тыс. руб в год. Плюс 150 руб в день во время сессии. Председатели и заместители председателя Верховного Совета РСФСР получали 150 тыс. руб. в год [23]. Нетрудно посчитать, что даже в 1940 г. после всех повышений средний заработок рабочих и служащих, то есть средний между уборщицей и директором, составлял 3960 рублей в год.

В 1933 году, в разгар массового голода в стране, «ежемесячное потребление продуктов служебными вагонами ЦК» составило: 200 кг сливочного масла, 250 кг швейцарского сыра, 500 кг колбасы, 500 кг дичи, 550 кг разного мяса, 300 кг рыбы (кроме того, 350 кг рыбных консервов и 100 кг сельдей), 100 кг кетовой икры, 300 кг сахара, 160 кг шоколада и конфет, 100 ящиков фруктов и 60 тыс. штук экспортных папирос [24]. Салон-вагоны изготовлялись по индивидуальному заказу на деньги ведомства, в котором работал сановник, и стоили круглую сумму. При нормальной стоимости мягкого вагона 70 тыс. руб. изготовление салон-вагона обходилось в 300—400 тыс. руб., а были случаи, что и более миллиона руб. Вот описание одного из салон-вагонов, предназначенного для наркома финансов Гринько: «Двери купе, спальни и ванной с внутренней стороны зеркальные, внутренняя отделка — из дуба под красное дерево с полировкой под лак, обивка потолка салона клеенкой, стен — линкрустом по сукну, мебель особой конструкции под красное дерево, обитая шагреневой тканью» [25].

Елена Осокина, приводя эти данные, также отмечает, что уровень жизни советской элиты примерно соответствовал уровню жизни среднего класса в США. Но мы сейчас сравниваем его с уровнем жизни рабочих и колхозников в СССР того времени. Если колхозники в то время ели кошек и собак, а номенклатурные кадры – перебирали дичь и экспортные папиросы (не на деньги ли от продажи зерна за рубеж они были куплены?) то, как говорится, сытый голодному – не товарищ.

«Кстати, тот же Здоров, помимо своей «госкаповской» воли, доказывает принципиальное отличие СССР от капиталистических обществ. По данным Здорова общее количество бюрократии Союза составляла 520 тысяч человек. В это число входят и низшие чиновники, вроде руководителей отделов райисполкомов, администрации колхозов и т.д. Так вот лишь в отдельно взятой капиталистической России армия чиновников превышает 1 миллион человек. А в Западной Европе чиновничество составляет 4,5-5% населения.» - пишет Шапинов. Ссылками на источники он себя не утруждает. В это число вошли все государственные служащие, включая клерков, делопроизводителей и охранников, тогда как для сталинского СССР я указал цифру только руководителей (первых лиц) и дал ссылку на источник.

«Куда ведет госкаповская дорожка?»

Чтобы понять куда ведет «госкаповская» дорожка достаточно почитать произведения корифеев данного жанра. Например, известнейший автор данного направления Тони Клифф в своей книге «Государственный капитализм в России» называет антисталинской оппозицией способной воплотить в жизнь «подлинное осуществление великих лозунгов Октябрьской революции», не удивляйтесь, армию генерала-предателя Власова и Украинскую повстанческую армию Бандеры! – пишет Шапинов.

Читая это, задаешь себе вопрос: на что рассчитывает этот теоретик ОМ? Что читатели поверят ему на слово, как богу или апостолу? На то, что книги Т.Клиффа сейчас также трудно достать, как во времена Советского Союза? Или что его читатели настолько ленивы, что не будут проверять слова Шапинова и читать книгу сами? Мы не поленились прочесть и приводим это место из книги Т.Клиффа полностью:

«Были ли лидеры власовского движения искренни, не имеет значения. Уже один тот факт, что они выступали за государственную собственность в крупной промышленности – и это в то время, когда они находились в нацистской Германии, - свидетельствует о том, что только такая позиция могла найти поддержку у советских военнопленных, которых они старались завербовать.

Такую же позицию занимала и УПА. Эта группа вела партизанскую борьбу как против германской, так и против русской армии и поддерживала подпольное движение сопротивления на советской Украине. В 1943 г. в своих изданиях, выходивших на Волыни, она выдвинула следующий основной лозунг: «Только в независимом украинском государстве возможно подлинное осуществление великих лозунгов Октябрьской революции». УПА выдвинула следующую программу установления нового социального строя в украинском государстве:

«1) За государственную национализированную и кооперативно-общественную собственность в промышленности, финансах и торговле.

2) За государственно-национальную собственность на землю при чем сельское хозяйство должно вестись коллективно или индивидуально в зависимости от желания населения.

3) Возврат к капитализму в любом случае есть регресс» [26].

Как видим, Клифф далек от идеализации и Власова, и УПА. Он лишь подчеркивает, что среди их сторонников, а их насчитывалось сотни тысяч, были и представители трудящихся масс, боровшиеся не за восстановление капитализма, как утверждала сталинская пропаганда, а за уничтожение эксплуатации человека человеком и построение свободного бесклассового общества.

А позиция Шапинова как раз и является в этом вопросе сектантской. Как иначе называть презрительное отношение к трудящимся массам только на том основании, что они не приемлют сталинского режима? Вряд ли таким же сектантством отличается основанная Клиффом Социалистическая Рабочая партия (Socialist Workers Party, SWP) в Англии. Иначе вряд ли ей удалось бы создать коалицию «Остановим войну» (Stop the War Coalition, STWC), которая 15 февраля 2003 г. смогла вывести на улицы Лондона на демонстрацию против войны в Ираке около 2 млн. человек [27]. Какие глобальные успехи этому может противопоставить Организация марксистов или лично Шапинов? Разве что героическую борьбу с сектами госкаповцев.

Феодальный социализм сегодня.

Читая произведения сталинистов и социал-патриотов, льющих слезы по Советскому Союзу, я всякий раз вспоминаю «Манифест коммунистической партии» К.Маркса и Ф.Энгельса, раздел «Реакционный социализм», пункт 1 «Феодальный социализм»:

«Чтобы возбудить сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса. Она доставляла себе удовлетворение тем, что сочиняла пасквили на своего нового властителя и шептала ему на ухо более или менее зловещие пророчества.

Так возник феодальный социализм: наполовину похоронная песнь — наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого — наполовину угроза будущего, подчас поражающий буржуазию в самое сердце своим горьким, остроумным, язвительным приговором, но всегда производящий комическое впечатление полной неспособностью понять ход современной истории. Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собою народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее заду старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным хохотом.»

Эти слова, сказанный в середине XIX века как ни странно очень точно предают сущность современных «коммунистических» партий в странах бывшего СССР. Почему-то именно феодальные, точнее бонапартистские, черты в сталинизме привлекают сегодня большинство его нынешних поклонников. «Если феодалы доказывают, что их способ эксплуатации был иного рода, чем буржуазная эксплуатация, то они забывают только, что они эксплуатировали при совершенно других, теперь уже отживших, обстоятельствах и условиях. Если они указывают, что при их господстве не существовало современного пролетариата, то забывают, что как раз современная буржуазия была необходимым плодом их общественного строя» [28].

Если мы хотим разрушить существующую систему наемного рабства, систему мирового капитализма, мы должны четко уяснить, что наша цель - это не восстановление прошлого, не возрождение Советского Союза, где «начальники крали и нам давали», а построение будущего. В прошлом же мы ищем не имперские традиции, а традиции классовой борьбы против всех эксплуататоров, не зависимо от того, под каким флагом они выступали и какую форму собственности использовали – частную или государственную. Как верно заметил наш товарищ, мы берем у истории не казематы государственности, а пламя революции.

Андрей Здоров

[1] Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // http://www.situation.ru/app/j_art_527.htm . Работа вышла в 1993 г. в напечатанном на ротапринте тиражом в 150 экземпляров 20-м выпуске непериодического сборника «Российский этнограф», который никогда не поступал в открытую продажу.

[2] Троцкий Л.Д. Преданная революция. – М.,1991.- С.203.

[3] Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. - М.,1990. - С.178-187.

[4] Кобищанов Ю.М. Теория большой феодальной формации // Вопросы истории. - 1992. - □ 4/5. - С.57-72.

[5] Семенов Ю.И. О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека //Этнографическое обозрение. - 1992. - □ 2. - С.38; Семенов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты //Этнографическое оброзрение. - 1993. - □ 1. - С.55-56; Семенов Ю.И. Материалистическое понимание истории: за и против//Восток. - 1995. - □ 2. - С.36.

[6] Далин С.А. Государственный капитализм // Экономическая энциклопедия. - М.,1972. - Т.1. - С.346-348; Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927-1949). - М.,1977. - С.259 и материалы обсуждения этой книги: Бюрократическая буржуазия - бюрократический капитал – госсектор - госкапитализм //НАА. - 1979. - □ 5.

[7] Здоров А.А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза. – М.2006. – 160 с.

[8] http://www.marx.org.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=113:——–lr&catid=1:articles&Itemid=16#JOSC_TOP

[9] Всероссийское Учредительное собрание. Первый и единственный день его занятий 5-6 января 1918 г. Стеногр. отчет. – К.,1991. – С.7.

[10] http://revolt.anho.org/archives/7

[11] К.В. Гусев. Эсеровская богородица. - М., 1992. - С. 127.

[12] http://revarchiv.narod.ru/miasnikovbiogr.html

[13] Люксембург Р. Рукопись о русской революции //Вопросы истории. - 1990. - □ 2. - С.27.

[14] Там же. – С.29.
[15] Там же. - С.30.

[16] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т.19. - С.27.

[17] Маркс К. Гражданская война во Франции. // Сочинения. - Т.17. - С.317-370. или «Избранные произведения» в 3-х т. - Т.2. – С. 241.

[18] Ленин В.И. Избр. соч. - М.,1987. - Т.10. - С.290.

[19] Варга Е.С. «Вскрыть через 25 лет» //ПОЛИС. - 1991. - □ 3. - С.151.

[20] Ленин В.И. Государство и революция. //ПСС. - Т.33. - С.109,116.

[21] Пфемферт Ф. Вторая смерть Ленина //Ленин – человек, мыслитель, революционер. - М., 1990. – С. 405-407.

[22] Варга Е.С. “Вскрыть через 25 лет” //Полис. - 1991. - □ 2. - С.177-178.

[23] Клифф Т. Государственный капитализм в России. – Л.,1991. – С.66.

[24] РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 85. Л. 152-154. Цит. по: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927- 1941. – М., 1999. - С.131.

[25] Там же. – С.131.

[26] Клифф Т. Указ соч. – С.213.

[27] Левая политика. – 2008. - □ 3-4. – С.121.
[28] http://www.1917.com/Marxism/Manifesto/Manifesto.html

КТО МЫ:(тезисы СРС)



Мы боремся за уничтожение капитализма, за коммунизм – общество без частной собственности, классов, государства, наемного труда, денег и товарного производства, общество не конкурентной борьбы всех против всех, а товарищеского сотрудничества. Мы считаем:

1. Переход к коммунизму может быть осуществлен только посредством революции, осуществленной пролетариатом – угнетенным классом капиталистического общества, лишенным политической и экономической власти.

2. Революция означает разрушение восставшими пролетариями буржуазной государственной машины (бюрократии, милиции и т.п.) и коллективную экспроприацию ими капиталистической собственности, всеохватывающую социализацию производства.

3. Разрушив буржуазную государственную машину, пролетарии не должны передоверять свою власть никому. Вся власть должна принадлежать общим собраниям трудящихся. Увеличение свободного времени позволит каждому непосредственно принимать участие в управлении обществом.

4. После революции все производство должно управляться общими собраниями трудящихся и ориентироваться на удовлетворение человеческих потребностей, что будет следствием социализации производства.

5. Во всех странах современного мира независимо от разницы их политических форм – господствует диктатура капитала в форме диктатуры буржуазного государства. Парламентская демократия есть лишь замаскированная форма этой диктатуры. Любые попытки трудящихся играть по правилам, установленным их угнетателями, ведут лишь к поражению и деморализации трудящихся. Поэтому освободительное движение пролетариата не может поддерживать какую-то одну из буржуазных группировок против другой, не может отстаивать одну форму диктатуры буржуазии против другой (демократии против фашизма) и не может участвовать в выборах в органы буржуазной власти, в выборах, которые для угнетенных означают лишь смену их хозяев.

6. Исторический опыт показывает, что национальное неравенство и национальный гнет являются неизбежным следствием существования национального буржуазного государства, выдвижение лозунга о праве наций на самоопределение и поддержка «национально-освободительных» движений не способны привести к уничтожению национального неравенства и гнета, а лишь превращают трудящихся в пушечное мясо в войнах буржуазных клик. Единственное средство уничтожения национального неравенства и гнета – это разрушение всех национальных государств, уничтожение всех границ и установление безнациональной власти общих собраний.

7. В современном мире профсоюзы являются приводным ремнем от буржуазии к пролетариату, инструментами подчинения пролетарской борьбы интересам буржуазии. Все попытки преобразования существующих профсоюзов или создания новых радикальных профсоюзов обречены на неудачу и ведут лишь к деморализации имеющих подобные иллюзии, трудящихся. Наша задача – объяснять людям труда, как входящим, так и не входящим в профсоюзы, что освобождение угнетенных может быть лишь делом самих угнетенных, пролетариям бесполезно надеяться на партийных и профсоюзных чиновников, на парламентскую возню и хождение по судам. Освободительная борьба класса пролетариев – это борьба методом прямого действия (забастовки, перекрытия дорог и т.п.). Именно в ходе такой борьбы угнетенный класс воспитывает в себе чувство солидарности и классовую сознательность, приобретает навыки самоорганизации и самоуправления, необходимые для совершения революции.

8. В современных условиях единственными эффективными формами организации и освободительной борьбы пролетариата являются возникающие в ходе подъема классовой борьбы общие собрания трудящихся. Создание революционной организации соединяющей борьбу за конкретные требования, уже выдвинутые общими собраниями трудящихся, с борьбой за социальную революцию является нашей целью.

9. Так как в СССР и подобных ему странах власть принадлежала эксплуататорскому классу государственной буржуазии, а трудящиеся оставались лишенными власти и собственности наемными рабами, эти страны не были социалистическими, но являлись обществами государственного капитализма, наемного труда и господства товарно-денежных отношений. Все организации, выступающие за реставрацию существовавших в СССР порядков, хотят лишь замены одной формы эксплуатации на другую, и являются врагами освободительной борьбы пролетариата.

10. Социализм невозможен в одной отдельно взятой стране или группе стран, а возможен лишь как мировая система, как результат мировой социальной революции. Ликвидировать мировую систему капитализма, систему эксплуатации человека человеком можно только совместными усилиями сознательных и организованных представителей всех угнетенных классов всех или большинства стран мира.

11. Патриотизм сегодня есть реакционная идеология господствующего класса, которая поддерживает эксплуататорский строй, систему наемного рабства. Долг каждого сознательного пролетария бороться с патриотизмом и шовинизмом в любой его форме. Пролетарии не имеют отечества. Нет – войнам между народами, нет – миру между классами!

12. В перспективе задачей революционных социалистов является формирование нового Интернационала, который своим действием и примером инициирует и объединит борьбу всего угнетенного класса. Лозунгами этого нового Интернационала должны быть:

Угнетенные и эксплуатируемые всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует Мировая Коммуна!

ІНТЕРНАЦІОНАЛ

Слова Ежена Потьє

Переклад Миколи Вороного

Повстаньте гнані і голодні,
Робітники усіх країв,
Як у вулкановій безодні,
В серцях у нас клекоче гнів!
Ми всіх катів зітрем на порох...
Повстань же, військо злидарів!
Все, що забрав наш лютий ворог,
Щоб повернути час наспів.
Приспів:
Чуєш: сурми заграли!
Час розплати настав.
В Інтернаціоналі
Здобудем людських прав!

Не ждіть рятунку не від кого:
Ні від богів, ні від царів!
Позбудеться ярма тяжкого
Сама сім'я пролетарів.
Пусті слова про право бідних!
Держава дбає не про нас.
Нас мали за рабів негідних .
Доволі кривди і образ!
Приспів.
В склепах загарбані віками
Лежать заховані скарби:
Все те, що надбане трудами,
Слізьми голодної юрби.
І так визискуваним буде
Робочий люд багато літ!
Широкий світ... а всюду, всюди
Безсильне - право, сильний - гніт.
Приспів.
В нужді та утисках ми бились,
А з наших жил точили кров.
Над нами багачі глумились,
А ми... корилися їм знов.
Скидаймо ж гніт, ганьбу і маску:
Вже промінь щастя нам засяв.
Не треба прав без обов'язку
І обов'язку, що без прав!
Приспів.
Лиш ми, робітники, ми – діти.
Святої армії труда,
Землею будем володіти,
А паразитів жде біда!
Тоді, як грім під час негоди.
Впаде наголову катів,
Нам сонце правди і свободи
Засяє в тисячах огнів.
Приспів.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

слова Эжена Потье

перевод Аркадия Коца

Вставай проклятьем заклеймённый ,
Весь мир голодных и рабов !
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья , а затем
Мы наш мы новый мир построим,
Кто был никем тот станет всем!
Припев:
Это есть наш последний
И решительный бой .
С Интернационалом
Воспрянет род людской

Никто не даст нам избавленья:
Ни бог , ни царь и не герой
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнёт рукой умелой,
Отвоевать своё добро ,-
Вздувайте горн и куйте смело ,
Пока железо горячо!
Припев.
Довольно кровь сосать вампиры,
Тюрьмой , налогом нищетой!
У вас - вся власть , все блага мира,
А наше право - звук пустой !
Мы жизнь построим по иному-
И вот наш лозунг боевой:
Вся власть народу трудовому!
А дармоедов всех долой!
Припев.
Презренны вы в своём богатстве,
Угля и стали короли!
Вы ваши троны тунеядцы ,
На наших спинах возвели.
Заводы , фабрики, палаты -
Всё нашим создано трудом.
Пора! Мы требуем возврата
Того что взято грабежём.
Припев.
Довольно , королям в угоду,
Дурманить нас в чаду войны!
Война тиранам ! Мир Народу!
Бастуйте армии сыны!
Когда ж тираны нас заставят
В бою геройски пасть за них -
Убийцы в вас тогда направим
Мы жерла пушек боевых!
Припев.
Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда!
Владеть землёй имеем право,
Но паразиты - никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас всё также солнце станет
Сиять огнём своих лучей.
Припев.